

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВОСУДИЯ»

**ПЕРЕЖИВАНИЕ ИСТОРИИ
КАК ФАКТОР САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ГОСУДАРСТВ И НАРОДОВ В XXI ВЕКЕ:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Сборник научных статей по результатам работы
Международной научно-практической конференции
5 мая 2023 г.

Санкт-Петербург
2023

ББК 67.0, 67.3

УДК 340.123

П 27

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич (Москва), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

Игнатьева Марина Валерьевна (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение»

П27 Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовые аспекты : сборник научных статей / Под ред. А.А. Дорской, Н.Д. Петровой, А.В. Сидорова. – СПб.: Астерион, 2023. – 232 с. – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/Perejivanie_Istorii_kak_faktor_samoidentifikacii_gosud_i_narodov_v_XXI_veke_sbornik.pdf – Текст : электронный.

ISBN 978-5-00188-416-3

Сборник научных статей представляет собой результат работы Международной научной-практической конференции (Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 5 мая 2023 г.), целью которой было обсуждение моделей правового обеспечения реализации официальной политики памяти в России и зарубежных странах, являющейся важнейшим компонентом самоидентификации на государственном, общественном и личностном уровнях, на основе общепризнанных принципов и норм международного права, идеях сохранения историко-культурного наследия народов.

Для специалистов по теории и истории права и государства, международному праву, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется междисциплинарными, дискуссионными вопросами современной юриспруденции.

ISBN 978-5-00188-416-3

© ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ I. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	7
<i>Васильева Т.А.</i> Законодательное регулирование исторической памяти: pro и contra	7
<i>Савченко Д.А.</i> Конституционно-правовые технологии исторической преемственности: сущность и содержание	15
<i>Красняков Н.И.</i> Объективирование научно-правовой проблематики средствами международной политики	21
<i>Дорская А.А.</i> Религиозный фактор в процессе самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение	28
<i>Поцелуев Е.Л.</i> Участие Советского Союза в вооруженных конфликтах международного характера: некоторые уроки истории	35
<i>Тарасова Ю.Н.</i> Клятва Президента Российской Федерации как квинтэссенция целей и задач развития государства	41
<i>Талимончик В.П.</i> Необходимость учета исторического опыта специализации и кооперирования в деятельности Евразийского экономического союза	47
<i>Рахманова Е.Н.</i> Эволюция понятия Mens Rea в международном уголовном праве	55
РАЗДЕЛ II. МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	66
<i>Скоробогатов А.В.</i> Мемориальное законодательство как экспликация «мест памяти»	66
<i>Шатковская Т.В.</i> Роль устной традиции в сохранении культурного своеобразия российского права	77
<i>Карасаева Л.В.</i> Ответственность в сфере культурных ценностей: национальный и международно-правовой аспект	82
<i>Сварчевский К.Г., Тураева Э.В., Шукина А.А.</i> Деятельность Российской Федерации по сохранению историко-культурного наследия в рамках членства в ЮНЕСКО	90
<i>Баукин В.Г., Кудряшова В.В.</i> Изъятие объектов культурного наследия в системе охраны культурных ценностей	94
<i>Сидоров А.В.</i> Роль государственных праздников в процессе самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение	103
<i>Крицкая С.Ю., Сварчевский К.Г.</i> Изменение содержания государственных праздников в связи с изменением политических событий	109
<i>Березкин А.В., Субботин Ю.В.</i> Формирование государственных праздников и памятных дат как сохранение исторической памяти	113
РАЗДЕЛ III. ЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ И РОЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДАННОМ ВОПРОСЕ	119
<i>Болдырев В.А.</i> Вторая мировая война и семейные ценности: позитивное право как зеркало социальных процессов	119

<i>Петрова Н.Д.</i> Роль семейно-правовых норм в самоидентификации личности на примере законодательства стран Содружества Независимых Государств	127
<i>Кадырова Л.А.</i> Преступления против семейных ценностей в процессе самоидентификации народов и роль правового регулирования	131
<i>Мун В.А.</i> значение традиционных семейных ценностей при осуществлении современного правового регулирования	134
<i>Литичевский Б.В.</i> Эволюция семейных ценностей в советском праве	139
РАЗДЕЛ IV. ПЕРЕЖИВАНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>Дашко А.В.</i> Философские основы права и морали через призму переживания истории... ..	145
<i>Зипунникова Н.Н.</i> Юридиколо-университетская память: некоторые размышления историка права.....	150
<i>Лаврищева О.М.</i> Совершенствование организационно-правового механизма подготовки кадров для судебной системы России: опыт Судебной реформы 1864 года	158
<i>Ермолович Г.П.</i> Воспитание исторической памяти как часть образовательного процесса и политики России	164
<i>Караваева Е.М., Усова Е.И.</i> Патриотическое воспитание как одно из ключевых направлений воспитательной деятельности	175
<i>Самарин В.А.</i> Роль образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» в сохранении исторической памяти о преступлениях нацистов и их пособников	177
РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ	
<i>Ласынов Р.Р.</i> Общее и особенное в моделях правового обеспечения реализации официальной политики памяти в России и других странах, ранее входивших в состав Советского Союза	184
<i>Белоусова А.И.</i> Особенности сопряжения международно-правового и национально-правового регулирования свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций	196
<i>Мазурова Н.Н.</i> Европейский суд справедливости: основные этапы развития.....	201
<i>Атемов А.Э.</i> Унификация и гармонизация охраны интеллектуальной собственности в европейском правовом пространстве	208
<i>Хелефов А.М.</i> Международно-правовые средства поддержания историко-культурного наследия государств и народов.....	212
<i>Вдовиченко С.С.</i> Влияние исторического венгерского реваншизма эпохи регентства Миклоша Хорти и личности самого регента на современную политическую и государственную систему Венгрии.....	215
<i>Жабинская К.К.</i> Опыт создания правовой модели обеспечения сохранения этнокультурного наследия коренных малочисленных народов	222
СПИСОК АВТОРОВ	228

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XXI веке на международном, государственном, общественном и личностном уровнях человечество столкнулось с многочисленными проблемами новой самоидентификации, вызванными переосмыслением себя в меняющихся климатических, демографических, экономических, политических, культурных, информационных условиях. Одним из направлений таких трансформационных процессов стало новое переживание многих исторических фактов, которые ранее казались незыблемыми, с точки зрения их восприятия, юридической оценки, трактовки.

Данное явление вызвано целым комплексом факторов:

1) резкое изменение в конце XX века сложившейся после Второй мировой войны расстановки сил на международной арене, основанной на идее биполярного мира, поиски новой модели, в том числе, многополярного мира;

2) интеграционные процессы, свойственные различным регионам в силу разных причин: для Европы – необходимость объединения в силу невозможности для европейских стран влиять на геополитику поодиночке, для африканских стран и Австралии – преодоление последствий существования колониальной системы и господства колониального мышления, для стран Северной и Южной Америки – исторически сложившееся противостояние европейской интеграции и попытки создать, начиная с XIX века, собственные интеграционные организации;

3) распад в конце XX века национальных федераций (СССР, Югославии, Чехословакии), поставивший под сомнение такой принцип международного права, как нерушимость государственных границ и вызвавший процесс образования собственной государственности у народов, которые ранее её никогда не имели. Данное явление в силу своей необычайной сложности послужило толчком к поиску национальной идентичности, иногда принимающего радикальные формы развития национализма;

4) большая доступность исторического знания в силу информатизации, возможности узнать через сеть Интернет не только официальную точку зрения, но и оценку участников исторических событий, свободное обсуждение исторических вопросов;

5) отсутствие признания и ответственности за ошибки и даже преступления прошлого, которое мешает нормальному развитию сотрудничества между странами и народами (например, непризнание современными государствами геноцида в отношении отдельных народов в годы Первой и Второй мировых войн и т.д.) и другими причинами.

На современном этапе государства с помощью правовых инструментов пытаются направить процессы самоидентификации государств и народов в определённое русло, задать им вектор развития, поэтому на международном, наднациональном и внутригосударственном уровнях появилось такое явление, как официальная политика памяти и даже понятие «мемориальных законов».

Однако, как показывает практика, пока формирующийся механизм не является по-настоящему действенным, вызывает дискуссии с точки зрения его соответствия универсальным правам человека, в частности, свободе слова, свободе научного творчества и т.д.

За предлагаемые органами ООН документы голосуют не все страны.

На национальном уровне также государства озабочены протекающими процессами самоидентификации. В частности, в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации была внесена новая статья 67.1, во 2 и 3 частях которой закреплено: «2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. 3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Похожие изменения происходят и в законодательстве других стран.

Таким образом, необходима разработка стратегии развития правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе оценки исторических фактов, влияющих на современные международные и межгосударственные отношения и создающие условия либо для сотрудничества, либо конфронтации.

РАЗДЕЛ I. ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Васильева Т.А.

Законодательное регулирование исторической памяти: pro и contra

В последние десятилетия во многих европейских странах историческая память стала рассматриваться как важнейшая политическая и моральная ценность, ключевой элемент построения национальной и европейской идентичности¹. Этому способствовало признание в конце XX в. исторических травм, связанных с Холокостом, II мировой войной, строительством социализма². Многие государства приняли мемориальные законы или законы об исторической памяти – акты, связанные с травматическими событиями прошлого (войнами, периодами диктатур, наиболее серьезными катастрофами и природными катаклизмами), выражающие официальную позицию в отношении исторических событий, которые «вызывают особые споры и являются особо чувствительными»³ для населения определенной страны или целой группы стран⁴. Изменение подходов к исторической памяти обусловило появление и такого понятия, как «негативное увековечивание» – установление памятных дат, связанных не с победами или героическими событиями, а с совершением преступлений в отношении конкретных групп населения⁵.

Прежде всего, необходимо отметить, что не существует единой трактовки мемориальных законов. Они могут определяться как:

---

¹ Rouso H. Time, Memory and History. At the Crossroads of European Memory P. 2 // The European Observatory of Memories. 2017. October, 10. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/time-memory-and-history-at-the-crossroads-of-european-memory/> (Дата обращения: 11.05.2023 г.).

² Assmann A. Europe: A Community of Memory? // Bulletin of the German Historical Institute. 2007, Spring. – Iss. 40. – P. 11-12.

³ Baranowska G., Wójcik A. In defence of Europe's memory laws // Eurozine – URL: <https://www.eurozine.com/in-defence-of-europes-memory-laws/pdf> (Дата обращения: 18.05.2023 г.).

⁴ Так, на европейском континенте память о Холокосте рассматривается как негативная память, присущая всему региону. См.: Multidirectional memory in focus. Interview with Michael Rothberg // The European Observatory of Memories. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/multidirectional-memory-in-focus/> (Дата обращения: 06.05.2023 г.).

⁵ В качестве примера можно привести учреждение в Польше Дня поминовения Варшавского восстания – 1 августа (Ustawa z dnia 9 października 2009 o ustanowieniu Narodowego Dnia Pamięci Powstania Warszawskiego // Dz. U. 2009. Poz. 1588), а в Италии Дня памяти резни в Фойбе и исхода итальянцев из Далмации – 10 февраля (Legge 30 marzo 2004, n. 92. Istituzione del “Giorno del ricordo” in memoria delle vittime delle foibe, dell’esodo giuliano-dalmata, delle vicende del confine orientale e concessione di un riconoscimento ai congiunti degli infoibati // G.U. 2004, 13 aprile, n. 86).

- правовые инструменты, используемые государством в процессе формирования, распространения, продвижения и упорядочивания публичных знаний о прошлом⁶;
- правовые предписания, регламентирующие селективные и санкционированные государством интерпретации исторических событий⁷;
- особая категория законов, созданных специально с целью регулирования интерпретации истории посредством признания, оценки, предписаний, санкций и запретов⁸;
- акты, ограничивающие свободу выражения мнений, способные воспрепятствовать свободной циркуляции определенных исторических интерпретаций в обществе, исключению воспоминаний тех, кто, по мнению органов власти, представляет опасность для официальной версии прошлого⁹;
- законы, предусматривающие наказание за определенные заявления о прошлом¹⁰.

Наиболее приемлемым представляется определение, согласно которому к мемориальным законам могут относиться любые правовые акты, касающиеся интерпретации событий прошлого в своей стране или за рубежом посредством признания или оценки исторических событий, установления ответственности, реабилитации или реституции в связи с таким признанием или оценкой. В широком смысле данное понятие может распространяться и на акты, формально не подпадающие под эти категории, но оказывающие косвенное воздействие на общественную память путем формирования и распространения информации о прошлом, а также обеспечения доступа к этой информации¹¹. К числу таких законов можно отнести акты об установлении государственных праздников и памятных дат, использовании символов прошлого,

---

⁶ Heinze E. Epilogue: Beyond “Memory Laws”: Towards a General Theory of Law and Historical Discours // *Law and Memory: Towards Legal Governance of History* / Ed. by Belavusau and A. Gliszcyńska-Grabias. Cambridge, 2017. – P. 413

⁷ Demirel C. The dilemma of memory laws. To restore the dignity of victims without feeding into ultra-nationalism // *Baltics Worlds*. – 2021. – Iss. 1-2. – P. 57.

⁸ Đureinović E. Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism of Rehabilitation of Victims of Communism in Serbia // *Review of Central and East European Law*. – 2018. – Vol. 43. – №. 2. – P. 238.

⁹ Bucholc M. Commemorative Lawmaking: Memory Frames of the Democratic Backsliding in Poland After 2015 // *The Hague Journal of the Rule of Law*. – 2019. – Vol. 11. – Iss. 1. – P. 92.

¹⁰ Baranowska G. Memory laws in Turkey: protecting the memory of Mustafa Kemal Atatürk // *Criminalizing History. Legal Restrictions on Statements and Interpretations of the Past in Germany, Poland, Rwanda, Turkey and Ukraine* / Ed. by K. Bachmann, C. Garuka. Bern, 2020. – P. 108.

¹¹ Mihajlović Trbovc J., Đureinović E. Memory Laws: Legal Regulation of Historical Interpretations // *ZRC SAZU Institute of Culture and Memory Studies*. 3 April 2017. – URL: <https://ikss.zrc-sazu.si/en/novice/call-papers-memory-laws-legal-regulation-historical-interpretations> (Дата обращения: 21.05.2023 г.).

увековечивании памяти конкретных лиц, наименовании и переименовании городов, улиц, регионов, географических объектов, установлении и изменении пенсий¹², кладбищах и воинских захоронениях, государственных архивах.

Необходимо учитывать также, что в данном контексте понятие законодательства трактуется широко и включает в себя любые акты парламента, касающиеся интерпретации событий прошлого. Некоторые авторы предлагают и более широкую трактовку, относя к мемориальным законам решения судов, которые устанавливают правду о прошлом и, тем самым, формируют историческую память. В частности, в этом контексте упоминаются приговоры Международного трибунала по бывшей Югославии¹³.

В литературе можно встретить разные классификации мемориальных законов. Наибольший интерес представляют две из них. Первая классификация различает декларативные и нормативные мемориальные законы в зависимости от их юридических последствий. В свою очередь нормативные законы подразделяются на акты, предусматривающие юридическую ответственность за заявления в публичной сфере, касающиеся событий прошлого, отрицание определенных исторических событий (в частности, Холокоста, геноцида армян), и на акты, ориентированные на восстановление исторической справедливости, реабилитацию жертв соответствующих событий и увековечивание их¹⁴. Следует отметить, что такое деление достаточно условно, поскольку акты, ориентированные на восстановление справедливости, могут также содержать положения об ответственности.

Декларативные акты достаточно многочисленны. Так, в Польше 20% всех актов, принятых национальным парламентом в период с 1989 по 2020 гг., были связаны с увековечиванием памяти¹⁵. Примером декларативного акта

---

¹² Закон от 16 декабря 2016 года «О внесении изменений в Закон “О пенсионном обеспечении сотрудников полиции, Агентства внутренней безопасности, Агентства разведки, Службы военной контрразведки, Службы военной разведки, Центрального антикоррупционного управления, Пограничной службы, Агентства государственной безопасности, Государственной противопожарной службы, Службы исполнения наказания и членов их семей”» существенно сократил пенсии и пособия, которые получали лица, находившиеся на службе в период с 22 июля 1944 г. по июль 1990 г., и члены их семей. См.: Ustawa z dnia 16 grudnia 2016 r. O zmianie ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym funkcjonariuszy Policji, Agencji Bezpieczeństwa Wewnętrznego, Agencji Wywiadu, Służby Kontrwywiadu Wojskowego, Służby Wywiadu Wojskowego, Centralnego Biura Antykorupcyjnego, Straży Granicznej, Biura Ochrony Rządu, Państwowej Straży Pożarnej i Służby Więziennej oraz ich rodzin // Dz. Ust. 2016. Poz. 2270.

¹³ Demirel C. Op. cit. – P. 57, 60.

¹⁴ Ledoux S. Memory laws in Europe. What common horizons are we journeying towards? // The European Observatory of Memories. 2022. March, 11. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/memory-laws-in-europe-what-common-horizons-are-we-journeying-towards/> (Дата обращения: 21.05.2023 г.).

¹⁵ Ibid.

является, в частности, Закон Италии от 15 апреля 2005 г. № 61 «Об установлении 9 ноября “Дня свободы” в память о сносе Берлинской стены»¹⁶, согласно которому годовщина сноса Берлинской стены как событие, символизирующее освобождение угнетенных стран и являющееся предвестником демократии для населения, все еще подверженного тоталитаризму, объявляется Днем свободы (ст. 1). В этот день в соответствии с Законом ежегодно должны проводиться официальные памятные церемоний и познавательные мероприятия в школах, разъясняющие ценность демократии и свободы, а также пагубность тоталитаризма в прошлом и настоящем (ст. 2).

Мемориальные законы, запрещающие под угрозой наказания определенные заявления или действия, связанные с интерпретацией прошлого, приняты в 26 европейских странах, в том числе – в 22 странах в связи с Холокостом¹⁷. Их содержание различается довольно существенно. Следует отметить, что в ряде западноевропейских стран (Германия, Франция, Швейцария) уголовная ответственность за отрицание Холокоста предусматривается только в том случае, если это является элементом более широкой радикальной, экстремистской или политической повестки¹⁸. Так, в Германии лишением свободы на срок до трех лет или штрафом наказывается любой, кто публично или в собрании одобряет, отрицает или принижает значение совершенных в период национал-социализма подпадающих под положения ч. 1 ст. 6 Кодекса преступлений против международного права¹⁹ деяний таким способом, который может привести к нарушению общественного спокойствия (ч. 3 ст. 130 УК)²⁰.

---

¹⁶ Legge 15 aprile 2005, n.61. Istituzione del “Giorno di libertà” in data 9 novembre in ricordo dell’abbattimento del muro di Berlino // G.U. 2005, 26 aprile. – № 95.

¹⁷ Ledoux S. Memory laws in Europe. What common horizons are we journeying towards? The European Observatory of Memories – 2022. – March, 11. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/memory-laws-in-europe-what-common-horizons-are-we-journeing-towards/> (Дата обращения: 21.05.2023 г.).

¹⁸ Lyubashenko I., Garuka C., Baranowska G., Pavlaković V. The Puzzle of Punitive Memory Laws: New Insight into the Origins and Scope of Punitive Memory Laws // East European Politics and Societies and Cultures. – 2021. – Vol. 35. – № 4. – P. 1007-1008.

¹⁹ Данное положение Закона предусматривает пожизненное лишение свободы для тех, кто в целях уничтожения, полностью или частично, национальной, расовой, религиозной или этнической группы убивает ее представителя, причиняет представителю группы тяжелый физический или психический вред, создает для группы условия жизни, направленные на ее полное или частичное физическое уничтожение, вводит меры, ориентированные на предотвращение рождаемости в группе, осуществляет принудительную передачу ребенка из этой группы в другую. См: Code of Crimes against International Law of 26 June 2002 // Federal Ministry of Justice. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_vstgb/englisch_vstgb.html (Дата обращения: 26.05.2023 г.).

²⁰ Holocaust denial in criminal law. Legal framework in selected EU Member States. P. 6 // Think Tank. European Parliament. Briefing. 2022, 26 January. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2021\)698043](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2021)698043) (Дата обращения: 15.04.2023 г.)

В ряде постсоциалистических стран (Чехия, Словакия, Венгрия) действие соответствующих законов было распространено на преступления прежних режимов. В Венгрии лишением свободы на срок до трех лет наказывалась любая, кто отрицает, выражает сомнения, принижает значимость или стремится оправдать факт геноцида или другие действия против человечности, совершенные в период национал-социализма или коммунизма (§ 333 УК)²¹.

Акты, ориентированные на восстановление исторической справедливости, обычно довольно подробно регламентируют права лиц, являвшихся жертвами событий в прошлом, и обязанности органов государственной власти по отношению к данным лицам и их потомкам. Сербский Закон о реабилитации²² закрепляет понятие и разновидности реабилитации, процедуру ее осуществления, права реабилитированных лиц²³. Вместе с тем встречаются и иные подходы к правовому регулированию. Так, испанский Закон № 20 от 19 октября 2022 г. о демократической памяти²⁴ наряду с этим решает и задачи более общего характера – восстановление, защита и распространение демократической памяти в целях укрепления сплоченности и солидарности между различными поколениями вокруг принципов, ценностей и конституционных свобод; признание тех, кто подвергся преследованию или насилию по политическим, идеологическим мотивам, в связи с выражением их мнения, религиозными убеждениями в период между государственным переворотом 18 июля 1936, гражданской войной и диктатурой Франко до вступления в силу Конституции 1978 г., содействие восстановлению их прав, личной, семейной и коллективной памяти, принятие дополнительных мер, направленных на устранение разделения между гражданами и укрепление их сплоченности вокруг ценностей, принципов и конституционных свобод (ч. 1, 2 ст. 1). Закон, в частности предусматривает формирование государственной политики в данной сфере; создание

---

²¹ Holocaust denial in criminal law. Legal framework in selected EU Member States. – P. 9.

²² Закон о rehabilitaciji // Sl. glasnik RS. 2011. Br. 92. Действие Закона распространяется на граждан Сербии или лиц, имевших или имеющих место жительство на ее территории, которые по политическим, религиозным, национальным или идеологическим причинам были лишены жизни, свободы или других прав без судебного или административного решения либо судебным или административным решением органов Сербии, военных или других органов Югославии вопреки принципам правового государства и общепринятым стандартам прав и свобод человека до вступления Закона в силу (ст. 1).

²³ Реабилитированные лица имеют право на включение периода нахождения в местах лишения свободы в стаж, необходимый для назначения пенсии, ежемесячное денежное пособие, медицинское обслуживание, возврат конфискованного имущества или денежное возмещение в связи с утратой имущества, а также на возмещение материального ущерба в связи с нарушением их прав и свобод (ст. 20-26).

²⁴ Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática // BOE. 2022. Num. 252. BOE-A-2022-17100.

общенационального и территориальных советов демократической памяти; ведение государственного реестра пострадавших лиц, поиск и установление пропавших без вести (в частности, посредством создания банка ДНК); учреждение специального офиса прокурора по правам человека и демократической памяти для расследования нарушений международного права прав человека и гуманитарного права и розыску исчезнувших лиц; создание центра документации, формирование, сохранение и инвентаризацию мест увековечивания памяти; пересмотр наград, знаков отличий и титулов, предоставленных в период гражданской войны и диктатуры; восстановление достоинства жертв репрессий и увековечивание их памяти; предоставление гражданства потомкам тех лиц, которые были лишены его или вынужденных покинуть страну в период франкизма.

Вторая классификация предполагает подразделение мемориальных законов на признающих вину государства в связи с теми или иными событиями прошлого (*self-inculpatory laws*) или направленных на оправдание действий государства (*self-exculpatory laws*)²⁵ в зависимости от официального отношения к тем или иным событиям прошлого. Последняя группа законов встречается не так часто. В качестве примера можно привести турецкий Закон №5861 от 25 июля 1951 г. о преступлениях против Ататюрка²⁶, предусматривающий наказание в виде лишения свободы за публичные оскорбления или осквернение памяти Ататюрка, разрушение, причинение вреда, порчу или загрязнение его статуй и памятников или могилы.

Мемориальные законы рассматриваются в Европе в качестве инструмента умиротворения общества, утверждения национальной идентичности, построенной на демократической основе, образования граждан в духи толерантности и прав человека²⁷. Однако данные акты не всегда достигают тех результатов, которые планировались в процессе их принятия. Так, серьезные инвестиции в политику памяти не смогли предотвратить роста неофашистских и популистских движений в Европе²⁸.

Отмечая позитивную роль мемориальных законов в восстановлении справедливости в отношении жертв трагических событий, эксперты справедливо обращают внимание на опасность законодательного регулирования

---

²⁵ Elavusau U., Gliszcyńska-Grabias A. The Remarkable Rise of ‘Law and Historical Memory’ in Europe: Theorising Trends and the Prospects in the Recent Literature // *Journal of Law and Society*. – 2020. – Vol. 47. – Iss. 2. – P. 337-338.

²⁶ Law 5861 of 25 July 1951 Concerning Crimes Against Atatürk // MELA. Memory Laws in European and Comparative Perspective. – URL: <https://melaproject.org/legal-database/turkey> (Дата обращения: 22.05.2023 г.).

²⁷ Ledoux S. Memory laws in Europe. What common horizons are we journeying towards? – P. 8.

²⁸ Rouso H. Time, Memory and History. At the Crossroads of European Memory. – P. 9.

исторической памяти, инструментализации истории²⁹. Признание определенных событий прошлого более значимыми для общества порождает напряженность между теми ценностями, которые призваны защищать мемориальные законы, и универсальными свободами человека – свободой выражения мнения, свободой научного творчества, свободой преподавания, академической свободой³⁰. Следует отметить, что данные аспекты нашли отражение и в практике органов конституционного правосудия. В решении № 235 от 7 ноября 2007 г. Конституционный Суд Испании признал, что осуждение за отрицание Холокоста является нарушением права на свободу выражения мнения и ограничением академической свободы, в то время как оправдание геноцида представляет собой реальную опасность дискриминационных действий³¹.

Мемориальные законы способствуют в определенной степени упрощенному восприятию истории, которое становится обязательным для общественного воспроизводства. Вместе с тем история XX в., как отмечает профессор Э. Траверсо, не состоит исключительно из войн, геноцида и тоталитаризма, она должна рассматриваться во всей ее сложности. Демократическим странам не надо бояться своих врагов, им надо предоставлять свободу выражения мнения в пределах закона, но не интегрировать их при этом в институты государства³².

Список литературы:

1. Assmann A. Europe: A Community of Memory? // *Bulletin of the German Historical Institute*. 2007, Spring. Iss. 40. – P. 11-26.
2. Baranowska G. Memory laws in Turkey: protecting the memory of Mustafa Kemal Atatürk // *Criminalizing History. Legal Restrictions on Statements and Interpretations of the Past in Germany, Poland, Rwanda, Turkey and Ukraine* / Ed. By K. Bachmann, C. Garuka. Bern: Peter Lang, 2020. – P. 107-126.

---

²⁹ Ledoux S. Memory laws in Europe. What common horizons are we journeying towards? *The European Observatory of Memories*. – 2022. – March, 11. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/memory-laws-in-europe-what-common-horizons-are-we-journeing-towards/> (Дата обращения: 21.05.2023 г.).

³⁰ Lyubashenko I., Garuka C., Baranowska G., Pavlaković V. The Puzzle of Punitive Memory Laws: New Insight into the Origins and Scope of Punitive Memory Laws // *East European Politics and Societies and Cultures*. – 2021. – Vol. 35. – № 4. – P. 997.

³¹ Tribunal Constitucional. Pleno. Sentencia 235/2007, de 7 de noviembre de 2007. Cuestión de inconstitucionalidad 5152-2000. Planteada por la Sección Tercera de la Audiencia Provincial de Barcelona respecto al artículo 607.2 del Código penal // *BOE*. 2007. Num. 295 Suplemento. – P. 42-59.

³² About the complexity of the past. Interview with Enzo Traverso // *The European Observatory of Memories*. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/about-the-complexity-of-the-past/> (Дата обращения: 06.05.2023 г.).

3. Baranowska G., Wójcik A. In defence of Europe's memory laws // Eurozine – URL: <https://www.eurozine.com/in-defence-of-europes-memory-laws/pdf> (Дата обращения: 18.05.2023 г.)
4. Belavusau U., Gliszcyńska-Grabias A. The Remarkable Rise of 'Law and Historical Memory' in Europe: Theorising Trends and the Prospects in the Recent Literature // Journal of Law and Society. – 2020. – Vol. 47. – Iss. 2. – P. 325-338.
5. Bucholc M. Commemorative Lawmaking: Memory Frames of the Democratic Backsliding in Poland After 2015 // The Hague Journal of the Rule of Law. – 2019. – Vol. 11. – Iss. 1. – P. 85-110.
6. Demirel C. The dilemma of memory laws. To restore the dignity of victims without feeding into ultra-nationalism // Baltics Worlds. – 2021. – Iss. 1-2. – P. 57-60.
7. Đureinović E. Law as an Instrument and as a Mirror of Official Memory Politics: The Mechanism of Rehabilitation of Victims of Communism in Serbia // Review of Central and East European Law. – 2018. – Vol. 43. – № 2. – P. 232-251.
8. Heinze E. Epilogue: Beyond "Memory Laws": Towards a General Theory of Law and Historical Discourse // Law and Memory: Towards Legal Governance of History / Ed. by Belavusau and A. Gliszcyńska-Grabias. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 413-434.
9. Holocaust denial in criminal law. Legal frameworks in selected EU Member States. Breifing. 26.01.2022 // Think Tank. European Parliament. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2021\)698043](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2021)698043) (Дата обращения: 11.05.2023 г.).
10. Ledoux S. Memory laws in Europe. What common horizons are we journeying towards? // The European Observatory of Memories. – 2022. – March, 11. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/memory-laws-in-europe-what-common-horizons-are-we-journeing-towards/> (Дата обращения: 21.05.2023 г.).
11. Lyubashenko I., Garuka C., Baranowska G., Pavlaković V. The Puzzle of Punitive Memory Laws: New Insight into the Origins and Scope of Punitive Memory Laws // East European Politics and Societies and Cultures. – 2021. – Vol. 35. – № 4. – P. 996-1012.
12. Rouso H. Time, Memory and History. At the Crossroads of European Memory // The European Observatory of Memories. 2017. October, 10. – URL: <https://europeanmemories.net/magazine/time-memory-and-history-at-the-crossroads-of-european-memory/> (Дата обращения: 11.05.2023 г.).

Конституционно-правовые технологии исторической преемственности: сущность и содержание

1. Историческая преемственность представляет собой систему общественных отношений по поводу целенаправленного выбора людьми среди событий прошлого таких исторических фактов, которые отражают модели поведения, одобряемые современным социумом и способные выступить в качестве социального нормативного регулятора в настоящем и будущем. Полезные результаты реализации таких моделей в прошлом рассматриваются как общее достояние тех членов общества, которые признают подобные образцы поведения для себя обязательными и самоидентифицируются в качестве продолжателей традиций участников (актеров) исходных, сформировавших эти модели исторических событий.

Внедренные в социальную практику эти модели поведения становятся важным объединяющим фактором. Личная самоидентификация в этом случае приобретает более или менее массовый характер и – получив поддержку со стороны государства – приобретает характер самоидентификации народа (публичной самоидентификации). Речь, таким образом, идет об относительно самостоятельном процессе формирования идентичности на двух уровнях: государственном и общественном³³.

Достижение целей исторической преемственности предполагает решение ряда взаимообусловленных социально значимых задач. Они, в первую очередь, связаны с определением глубины исторического выбора, то есть временных рамок погружения в прошлое, факты которого могут стать основой для восприятия моделей поведения современниками. Далее, требуется осуществить фактический событийный отбор с соответствующей хронологической привязкой (памятные даты) и персонализацией (исторические личности). Это создает предпосылки для решения задачи интерпретации и объяснения фактов прошлого как результатов следования людей определенным моделям поведения, после чего требуется описание и схематизации таких моделей, придание им наиболее доступных для восприятия форм. Наконец, важнейшей задачей исторической преемственности становится создание предпосылок повышения эффективности регулирующего воздействия исторических моделей на сознание современников. Она решается как через интеллектуальные, когнитивные сферы общественного сознания (путем распространения знаний о фактах прошлого), так и через его волевые и эмоциональные компоненты. Это требует

---

³³ Дорская А.А. Переживание истории как фактор формирования африканской идентичности: правовое измерение // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 68.

комплексного формирования социальной среды, обеспечивающей восприятие и оценку современниками опыта прошлого как своего собственного опыта, а алгоритмов и правил поведения предшественников как своих собственных моделей. Для этого нужно воспроизвести прошлое «как живое», заново прожить его, сформировать к историческим фактам личный эмоциональный отклик (переживание истории).

Исторический преемник получает фактическую возможность в некотором смысле владеть, пользоваться и распоряжаться определенными моделями социального поведения как историческими ценностями, что в каком-то смысле сближает природу исторического преемника с природой наследника материальных ценностей. Политическое значение исторической преемственности в целом, а также связанных с ней отношений самоидентификации народов и механизмов переживания истории, давно осознано и на протяжении веков всесторонне учитывалось в практике деятельности по овладению и удержанию публичной власти. Высокая эффективность политических технологий, основанных на «эксплуатации» прошлого, получала неоднократное подтверждение, что обусловило повышенное внимание к политическому измерению истории и исторической политике (политике памяти).

В этом отношении право во многом находится пока в тени политики. Законодательство и иные юридические институты нередко воспринимается лишь как форма политического веления, подкрепленная принудительной силой государства. Это нивелирует самостоятельную ценность права как особого социального регулятора, основанного на принципе справедливости, а не целесообразности. Поэтому правовое измерение истории и правовые технологии исторической преемственности требуют самостоятельного исследовательского внимания.

2. Методология юриспруденции вообще имеет значительную историческую составляющую. Это особенно заметно в правоприменительной сфере. Юриспруденция, как и история, во многом связана с обращением к фактам прошлого, определением степени достоверности сведений о них, исследованием фактов с точки зрения их характерных признаков и причин, установлением лиц, причастных к происшедшим событиям, оценкой самих фактов и их последствий. Заметны и заимствования юридической терминологии в исторических оценках, особенно в области исторической политики (историческое наследие, историческая вина, историческая ответственность).

Рассмотрение истории в правовом измерении (историческая юриспруденция) позволяет лучше уяснить как имеющиеся общие подходы, так и особенности юридических технологий исторической преемственности.

Проведенные нами ранее исследования позволили определить юридические технологии как научно-обоснованную систему предназначенных для

регулирования отношений между людьми юридических инструментов, рассматриваемую в единстве с методикой их применения в целях решения социально значимых задач³⁴. Основными элементами содержания юридических технологий выступают правовые средства решения определенной задачи (предмета технологии), а также метод ее решения как упорядоченная совокупность приемов и способов применения этих средств. Ключевой качественной характеристикой каждого из этих элементов становится их научная обоснованность. Поэтому конструкт «юридическая технология» позволяет конкретизировать роль правоведения в научно-технологическом прогрессе, которая заключается в повышении качества решения актуальных социальных задач. Телеологическая характеристика исторической преемственности и выделение актуальных для ее обеспечения задач формирует для правоведения необходимость анализа и совершенствования юридических технологий их решения.

При этом системный характер права предполагает учет отраслевых особенностей различных юридических средств и методов. Так, например, уголовно-правовые технологии, сущность которых выражается в запрете общественно-опасного поведения людей под угрозой уголовного наказания, в отношениях исторической преемственности применяются для вытеснения взглядов и установок, которые свойственны моделям поведения, получившим ранее отрицательную правовую оценку как порождающие общественно опасное поведение³⁵.

Под углом зрения исторической преемственности особое значение приобретают конституционно-правовые технологии. Оно обусловлено как ключевой, интегрирующей юридической ролью конституционного права в системе других отраслей и институтов российского права в целом, так и тесной связью конституционно-правовых отношений с политикой и, как следствие, с необходимостью тщательного подхода к особым свойствам и возможностям конституционно-правовых технологий по сравнению с технологиями политическими.

С политической точки зрения отражение в Конституции определенной позиции, в том числе определенного взгляда на историю, рассматривается, прежде всего, как политическая победа над сторонниками иных подходов, закрепленная в акте высшей силы и породившая обязанность государственного

---

³⁴ Савченко Д.А. Юридические технологии: сущность и содержание // Правовые технологии в современной юриспруденции: материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной памяти проф. А. К. Черненко (Новосибирск, 21-22 апреля 2022 г.): в 2 ч. - Новосибирск: Изд-во СибАГС, 1922. – Ч. 1. – С. 35.

³⁵ См., например, ст. 354.1 УК России, устанавливающую уголовную ответственность за реабилитацию нацизма.

аппарата ее реализовать. Конституционно-правовое измерение истории имеет, по нашему мнению, несколько иные цели и смыслы.

Сущность конституционно-правовых технологий исторической преемственности вытекает из регулятивной природы и функций конституционного права, имеющего определяющее значение для упорядочения политической власти на основе принципов справедливости. В этой связи главной идеей конституционно-правовых технологий в сфере исторической памяти становится идея организации политического механизма на началах государственного единства и суверенного, вытекающего из национальных потребностей, баланса социальных интересов, а также социального консенсуса. Под этим углом зрения баланс и консенсус выступают в качестве основы устойчивости государства и поступательного развития общества.

Особую роль здесь играет баланс социально-политических инноваций и преемственности. Ведь конституционные акты часто используются для закрепления новых отношений и моделей поведения, которые могут достаточно серьезно, иногда кардинальным, революционным образом отличаться от предшествующих. Это создает опасность социальных потрясений, ведущих к дезорганизации социальных институтов и социальному регрессу. Поэтому реализация задач исторической преемственности конституционно-правовыми средствами призвано ограничивать подобные обновления только такими, которые на соответствующем историческом этапе действительно необходимы для упорядочения политической власти на началах справедливости (принцип минимизации, «конституционно-правовой экономии» перемен).

3. Конституционно-правовые средства и методы решения социальных задач имеют свои научные основания. В современном правоведении они базируются на доктрине конституционализма. Главной идеей здесь выступает необходимость такого политического порядка, при котором реализованы конституционные ограничения (фактически – самоограничения) государственной власти с целью повышения ее социальной эффективности. По этому поводу еще в конце XIX века приват-доцент Санкт-Петербургского университета М.И. Свешников писал, что конституционализм есть «такая теория государства, которая ограничивает государственную власть известными нормами, стоящими выше этой власти»³⁶.

Устойчивая взаимосвязь между самоограничением власти, ее стабильностью, упорядоченностью и справедливостью рассматривается как научно установленная закономерность. Историко-правовые и государственно правовые исследования, а также конституционная практика неоднократно ее

---

³⁶ Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. – Санкт-Петербург, 1896. – С. 218.

подтверждали. При этом ключевые ограничивающие факторы нашли отражение в доктринах правового государства и прав человека. Поэтому правовые средства решения социальных задач как элемент конституционно-правовых технологий по своей юридической природе представляют собой, прежде всего, закрепление прав применительно к человеку и установление обязанностей и запретов в отношении государства и его органов.

Специфическая конституционно-правовая методика применения юридических средств для решения социальных задач базируется на их понимании, толковании и реализации только в той мере, в какой не страдают конституционные права человека и конституционная характеристика государства как правового. А в силу интегративной роли конституционного права в правовой системе такой подход распространяется и на правовые приемы иной отраслевой принадлежности, применяемые в единстве со средствами конституционно-правовыми. Именно такой подход демонстрирует Конституционный суд Российской Федерации, правовые позиции которого выступают в качестве концентрированного отражения современных конституционно-правовых технологий решения отдельных социальных задач.

С учетом изложенного выше общего понимания содержания конституционно-правовых технологий можно точнее охарактеризовать современные конституционно-правовые технологии исторической преемственности в Российской Федерации.

Ключевыми правовыми средствами, образующими их содержание, выступает обязанность государственных органов действовать в соответствии с положениями о государственном единстве и суверенной государственности России (Преамбула Конституции Российской Федерации). Закрепленные в Конституции позиции о причинах государственного единства («сложилось исторически на основе общности судьбы народов») является принципиальной основой их официального понимания и толкования.

Преамбула Конституции России называет и главные модели поведения, которые воспринимаются от предков нынешним поколением и которые должны поддерживаться государством. Это «любовь и уважение к Отечеству», а также «вера в добро и справедливость». Поправка к Конституции России 2020 года дополнила их положением о «вере в Бога» (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации).

Текст Конституции Российской Федерации отражает обязательное для государственных органов понимание глубины исторической преемственности («тысячелетняя история»), а также ее ключевых сфер – преемственность в развитии Российского государства, правопреемство Союза ССР, память защитников Отечества, культура как уникальное наследие многонационального народа (статьи 67.1 и 68 Конституции Российской Федерации).

Кроме того, результаты решения задач исторической преемственности имеют особую конституционно-правовую охрану посредством установление всеобщей обязанности (обязанности «каждого») заботиться о сохранении исторического наследия и беречь памятники истории (статья 44 Конституции Российской Федерации), а также специальной обязанности Российской Федерации обеспечивать защиту исторической правды (статья 67.1 Конституции Российской Федерации).

Говоря о содержании конституционно-правовых средств исторической преемственности необходимо учитывать не только прямо закрепленные в Конституции Российской Федерации положения исторического характера. Отношения исторической преемственности регламентируются также нормами иных отраслей права, в том числе административного, гражданского и уголовного. Для них основополагающими являются конституционные положения о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина.

В силу этих положений при решении отдельных задач исторической преемственности, в том числе задач отбора и интерпретации исторических фактов, организации мероприятий по переживанию истории, запрещается ограничивать свободу мысли, слова и научного творчества человека, его право свободно искать и распространять информацию любым законным способом, а также запрещается пропагандировать социальное, расовое, национальное, религиозное или языковое превосходство, возбуждать социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть или вражду (статьи 26, 44 Конституции Российской Федерации).

Отмеченные положения играют важную роль в обеспечении социального баланса и консенсуса как сущностных характеристик конституционно-правовых технологий исторической преемственности.

Список литературы:

1. Дорская А.А. Переживание истории как фактор формирования африканской идентичности: правовое измерение // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 67-72.

2. Савченко Д.А. Юридические технологии: сущность и содержание // Правовые технологии в современной юриспруденции: материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной памяти проф. А.К. Черненко (Новосибирск, 21-22 апреля 2022 г.): в 2 ч. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 1922. – Ч. 1. – С. 34-39.

3. Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова, 1896. – 312 с.

Объективирование научно-правовой проблематики средствами международной политики

Востребованность науки в качестве конституенты в социальной и как ее части в государственно-правовой сфере и соответственно основанной на признанных нормативных регуляторах государственного и межгосударственного управления представляется логически не вызывающей серьезных сомнений и жесткого сопротивления, что создает основу для синтезирования системы взаимосвязанных утверждений как смысла научного знания в комплексе категорий наука, право, политика. Субстанциональная сущность политики – власть³⁷, реализуемая в различного рода и уровня управления, по общему правилу опосредует в историческом измерении связь политики и права через государственные институты. В случае их взаимообусловленной связи первостепенную значительность в данной триаде, на наш взгляд, все более и по существу приобретает политика в силу своей гибкости, меньшей формализации и близости к обществу в принципе, что соответственно актуализирует дальнейшую проблематизацию выбранной темы.

Аксиоматично, что в современную эпоху глобализма и погружения его в кризисную спираль, при условии предотвращения этой динамики, как и прежде, при интернациональной природе науки значение ее будет возрастать, поскольку она обеспечивает в значительной мере функциональное и институциональное пространство социально-политической системы общества на микро и макро-уровнях. Во-вторых, наука представляется не только материальной силой в действительности или реальности (разница здесь не критична), но она и корректирует действующие модели технологизации мыслительной деятельности³⁸, способствуя оперативности предметного мышления и социализации индивида в новых обстоятельствах диджитализации, тем самым преобразуя играющий главную роль в эволюции мирового сообщества человеческий фактор и, в конечном счете, цивилизационные начала бытия коренным образом. Параллельно естественным образом возрастает учет прав, свобод и законных интересов индивида, что создает ситуацию наилучшего режима в реализации взаимной ответственности личности и государства. Возможно,

---

³⁷ Антанович Н.А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // Новейшая история (1991-2006 гг.): государство, общество, личность: материалы науч.-теорет. конф. (Минск, 29 сент. 2006 г.) / Нац. Акад. Наук Беларуси. Минск, Беларус. Наука, 2006. – С. 337.

³⁸ Кодан С.В. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий / Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы. Монография. Под общей редакцией О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2022. – С. 33-61.

излишне подчеркивать, но стоит учитывать, что институциональная организация науки государством служит импульсом прогресса человечества и придает ей роль «рычага» в обеспечении устойчивости политико-правовых преобразований и других сфер общественной жизни – экономики, политики, духовно-нравственной, социально-бытовой. Отсюда, однако, в-третьих, возникает и проблема – институционализация на уровне государства обуславливает неидеальное и несвободное развитие науки ввиду прямой ее зависимости от государственных интересов и его воли, производных от разнородных аспектов суверенитета на международной арене.

Говоря выше о социальной ориентированности политики, не будем обманываться, вернее сказать, заниматься самообманом и потому оговоримся, что в политической деятельности интересы акторов детерминированы конъюнктурой и разными векторами зависимости-подчинения-согласования, соответственно в итоге сами политики повышают востребованность научно-правового знания ввиду возможностей последнего в рамках оценочно-нормативной (методологической) функции юридической науки создавать правила практической, целесообразной деятельности, а также оно позволяет легализовать компромисс волевых решений в международном сотрудничестве.

Извечный вопрос о соотношении права и политики выступает отдельной стороной рассматриваемой проблемы, потому есть смысл отметить, что они связаны генетически, имея единое социальное назначение, логику существования и функционирования, причем это единство обеспечивает удовлетворение объективных потребностей общественного развития и достижение всеобщего блага и в этом качестве призваны выполнять взаимообеспечительную функцию³⁹. Есть необходимость обратиться к суждениям классика теоретико-правовой науки Е.А. Лукашевой, делавшей акцент на обязательности учета права в качестве элемента политической системы⁴⁰, и, следовательно, правовые нормы упорядочивают политические отношения, формализуя пределы возможностей и границы должных действий политических институтов и, прежде всего государства как основного компонента политической организации данной системы. Но, как указывает современник, политико-правовой синкретизм нередко игнорируется, хотя политика и право фундируют государство, что является общепризнанным в отечественной и зарубежной

---

³⁹ Верещагина А.Д. Механизм взаимодействия права и политики современной России: Теоретико-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Юрид. ин-т МВД РФ. Москва, 2000. – С. 4.

⁴⁰ Лукашева Е.А. Право в политической системе развитого социализма // Право и правотворчество: вопросы теории: [сб. статей] / Редкол.: С.В., Казимирчук В.П. (Отв. ред.). М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 17-28.

философии⁴¹. Отклоняясь, от предмета статьи, параллельно, стоит отметить, что мы видим налицо аргументы в пользу дискуссии о политической целесообразности права как его признаке.

Анализируя действия акторов, состояние и вызовы в системе современного международного сотрудничества, установим как условия ее функционирования глубокий кризис определяющих ее эволюционное развитие институтов. Необходимо поддержать суждение, что, «к сожалению, реализация политики «двойных стандартов» – объективно сложившиеся реалии современного мира»⁴². Усугубляя проблемность видения ситуации, отметим и такое давление совокупности реалий, как «неопределенность и связанная с нею стратегическая нестабильность – питательная среда для сохранения остропроблемных узлов глобальной политики и затягивания поисков конструктивных решений, приближающих к взаимоприемлемой модели грядущего мирового порядка. В контексте нынешних геополитических противостояний и конкурентного соперничества опыт осмысления неопределенности в научных и экспертных сообществах России приобретает особую практико-политическую значимость⁴³.

По нашему мнению, обозначенные трудности ведут к осознанию потребности, в силу меньших рисков и большей предсказуемости, поиска партнеров для международного взаимодействия и сотрудничества на двусторонней основе, и на этой базе соответственно наблюдается повышение востребованности учета совместных интересов с государствами-соседями в различных областях, обусловленных региональной интеграцией. И в этих обстоятельствах существенным элементом процесса внешнеполитической деятельности для России является выбор средств и оценка перспектив результативности их использования, что в итоге будет свидетельствовать о ее рациональности и эффективности в достижении наших целей. Как известно, критериями отбора способов воздействия и взаимодействия в международных отношениях выступают, прежде всего, следующие: национальные интересы; состояние международной политической ситуации и угрозы национальной безопасности; совокупность внешнеполитических партнеров и соперников; потенциал государственного развития и соотношение сил внутри страны. Очевидно, в определенных сложных условиях происходит учет и иных характеристик, которые

---

⁴¹ Равочкин Н.Н. Взаимосвязи между политикой и правом: социально-философский анализ // *Философская мысль*. – 2020. – № 4. – С. 47-60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.4.32498 – URL: https://e-notabene.ru/fr/article_32498.html. (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

⁴² Гончаров И.В. Соотношение права и политики в международных отношениях // *Труды Академии управления МВД России*. – 2013. – № 2 (26). – С. 121.

⁴³ Неймарк М.А. Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность» // *Проблемы постсоветского пространства*. – 2021. – Том 8. – № 3. – С. 304-314. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314> (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

были явились результатом внутривластного консенсуса. Суждение эксперта о том, что «пристальное аналитическое внимание к ожидаемым и особенно – к непредвидимым рискам и вызовам мировому развитию в условиях растущей неопределенности в глобальной политике расширяет возможности государства максимизировать свои преимущества не только в двусторонних отношениях, но и в различных международных форматах», позволяет придерживаться выбранной линии исследования о взаимообусловленной связи науки, политики и права⁴⁴.

Говоря о возможностях двустороннего взаимодействия между государствами и согласовании позиций при многостороннем формате, прежде всего, в этом отношении Китай и Россия не являются исключением. Продолжающаяся в обозримой исторической ретроспективе трансформация роли Китая в системе региональной политики однозначно указывает на постепенное и планомерное усиление его статуса. Уже достигнутый уровень интеграционного сближения наших государств, когда дипломатия осуществляется в форме переговоров, переписки, повседневного представительства государства за границей в различных формах и участия в международных организациях, дает основания рассматривать международное сотрудничество как один из важных признаков поступательного современного (то есть соответствующего вызовам современной эпохи) развития. Реальная политика находит отражение, в том числе, на уровне отдельных научно-образовательных учреждений, к примеру, Новосибирский национальный исследовательский университет и Хэйлунцзянский университет в 2011 году создали Китайско-Российский институт. В дальнейшем время в России было запущено еще 16 совместных китайско-российских проектов между другими российскими и китайскими вузами, но создание КРИ НГУ/ ХУ было первым, и несколько опередило по времени тенденцию, а позднее и интенсивное развитие российско-китайского сотрудничества в области образования и науки последних лет⁴⁵. В сфере юридического образования на грантовой основе подготовка ведется по бакалавриату в Новосибирске и в Харбине преподавателями НГУ, на программы магистратуры граждане КНР поступают по большинству наших профилей: Магистр частного права. Гражданское право, корпоративное право, семейное право; Магистр предпринимательского права и арбитражного процесса; Право интеллектуальной собственности и цифровые технологии; Уголовное право и уголовный процесс. В

---

⁴⁴ Неймарк М.А. Тревожный мир и кризисная геополитика / Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира: монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. Москва: Квант Медиа, 2021. – С. 30.

⁴⁵ Китайско-российский институт (КРИ). История создания / Сайт Новосибирского национального исследовательского университета <https://www.nsu.ru/n/sino-russian-institute/project/history.php> (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

2023 году по результатам отбора экспертным советом при Правительстве Китая планируется прием в НГУ шести граждан КНР, выпускников магистратуры НГУ, в аспирантуру по специальностям 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки и 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки, а также годичная стажировка в НГУ трех соискателей ученой степени кандидат юридических наук, подготавливающих диссертацию в Харбине под руководством китайских ученых.

В рамках сотрудничества в этой сфере России и Китая Ассоциация китайского правового просвещения совместно с Юридическим институтом Китайского народного университета и Юридическим институтом Хэйлунцзянского университета совместно в июне 2023 года проводит II Форум директоров Юридических институтов в Китае и России. В письме-приглашении отмечается, что «соседние народы Китая и России дружат на протяжении поколений. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин по приглашению Президента Российской Федерации В.В. Путина в марте 2023 года совершил государственный визит в Российскую Федерацию. Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху, достигли наивысшего уровня в своей истории. Китайские и российские ученые в области юриспруденции поддерживают тесный и дружеский обмен мнениями, обсуждают правовые вопросы и юридические вызовы, представляющие взаимный интерес, все из которых будут иметь важное эпохальное значение»⁴⁶. В этой связи думается, что в рамках стратегии и тактики политической линии Президент России В.В. Путин, обращая внимание на необходимость повышения роли экспертных советов⁴⁷, в очередной раз способствовал, в том числе, «приземлению» науки к потребностям нашего научно-технологического развития⁴⁸ и политико-правовых преобразований.

Безусловно, выделяя существенные связи во взаимной обусловленности права и политики, а также их значительную предопределенность институционализированной научной средой, нужно отдать должное внимание проблеме политической конъюнктуры, в том числе и на международной арене, которая находит свое специфическое проявление во всех основных сферах правового регулирования, иначе объективная картина материального мира не найдет отражение в триаде наука-право-политика. Согласно актуальным для XXI в.

---

⁴⁶ Письмо-приглашение имеется в распоряжении автора.

⁴⁷ Путин поручил оптимизировать экспертные советы при органах власти и госкорпорациях / – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17581035> (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

⁴⁸ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

выводам, в правосознании проявление политической конъюнктуры состоит в идейно-психологическом обосновании и признании приоритета политики над правом; в правотворчестве – в принятии законов, не соответствующих объективным потребностям общества, противоречащих конституционным принципам и нормам, носящих не регулятивный, а политический характер, предоставляющих большое поле для чиновничьего усмотрения; в правоприменении – в ненадлежащем исполнении законов, необоснованном разрешении или отказе в реализации прав физических и юридических лиц при разрешительно-уведомительном порядке, произвольном толковании неясностей, противоречий в содержании законов⁴⁹. Политическая же конъюнктура определяет и использование политики двойных стандартов, но заметим, что она ведется с эпохи появления человеческого общества и повсеместно распространена в наши дни. Она широко реализуется в лице экспертов, политиков, юристов-международников как средство давления на соперников через институты общественного мнения и соответственно, как элемент системы оправдания и (или) легитимизации проводимых собственных действий. По словам специалиста, «широко распространены и обвинения в двойных стандартах, к которым нередко прибегают для отражения критики»⁵⁰.

Итак, накопившаяся неопределенность в международном взаимодействии выступает условием и, скорее всего, состоянием на ближайшую перспективу в опосредованных связях науки, права и политики. Стремление изменить ситуацию закономерно и далее детерминировано, прежде всего, политическими подходами, при этом науке и праву в силу политической целесообразности будет отводиться роль инструментария в объективировании потребностей общества на данном этапе его эволюции, а также легализации действий государства на международной арене и с этой помощью в рамках научно-правовой экспертизы дальнейшей легитимизации власти внутри общества. Сложившаяся исторически практика в исследуемой сфере, думается, сохраняет возможность и в дальнейшем движении признавать ее показателем истинности действующей государственно-правовой системы России в контексте идеологии и прикладном значении.

Список литературы:

1. Антанович Н.А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // Новейшая история (1991-2006 гг.): государство,

---

⁴⁹ Верещагина А.Д. Механизм взаимодействия права и политики современной России: Теоретико-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Юрид. ин-т МВД РФ. Москва, 2000. – С. 5.

⁵⁰ Гончаров И.В. Соотношение права и политики в международных отношениях // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 2 (26). – С. 121.

общество, личность: материалы науч.-теорет. конф. (Минск, 29 сент. 2006 г.) / Нац. Акад. Наук Беларуси. – Минск, Беларусь. Наука, 2006. – 702 с.

2. Верещагина А.Д. Механизм взаимодействия права и политики современной России: Теоретико-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Юрид. ин-т МВД РФ. – Москва, 2000. – 24 с.

3. Гончаров И.В. Соотношение права и политики в международных отношениях // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 2 (26). – С. 120-124.

4. Кодан С.В. Научная деятельность в сфере юриспруденции: методологические проблемы технологизации и технологий / Юридическая деятельность: содержание, технологии, принципы, идеалы. Монография. Под общей редакцией О.Ю. Рыбакова. – М.: Проспект, 2022. – 360 с.

5. Лукашева Е.А. Право в политической системе развитого социализма // Право и правотворчество: вопросы теории: [сб. статей] / Редкол.: С.В., Казимирчук В.П. (Отв. ред.). – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – 128 с.

6. Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира: монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. – Москва: Квант Медиа, 2021. – 624 с.

7. Неймарк М.А. Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность» // Проблемы постсоветского пространства. – 2021. – Том 8. – № 3. – С. 304-314. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314> (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

8. Неймарк М.А. Тревожный мир и кризисная геополитика / Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира: монография / под науч. ред. О.П. Иванова; Дипломатическая академия МИД России. – Москва: Квант Медиа, 2021. – С. 11-30.

9. Равочкин Н.Н. Взаимосвязи между политикой и правом: социально-философский анализ // Философская мысль. – 2020. – № 4. – С. 47-60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.4.32498 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_32498.html (Дата обращения: 25.05.2023 г.).

Религиозный фактор в процессе самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение⁵¹

Религиозный фактор практически всегда имел важное значение в процессе самоидентификации государств и народов. Само значение слова «religare» (лат.) означает связывание, что на протяжении веков выражалось не только в тесном общении на всех уровнях единоверцев, но и в более серьезном взаимодействии государств и народов, объединённых одной религией.

Как отмечает Я. Ассман – известный немецкий египтолог, историк религии и культуры, в центре исследований которого находится проблематика религии и коллективной памяти в древних и новых обществах – в своей работе «Культурная память», функция религии в общей системе культуры состоит в обосновании положения вещей в реальности. Кроме того, религия может нести контрапрезентную функцию, выступая в качестве ядра сопротивления складыванию новых или старых, но дисфункциональных порядков, утверждая границы⁵².

Мировоззрение верующего человека, в основном, определяется религиозными нормами. Если государства будут относиться к ним диаметрально противоположно, неминуемо на всех уровнях возникнут серьезные конфликты. Французское Просвещение нашло ответ на эту проблему в свободе совести как одном из базовых понятий системы прав человека. В XIX столетии международное право восприняло из национальных правовых систем свободу совести уже как юридическую категорию и в XX – начале XXI вв. внесло огромный вклад в её развитие.

Несмотря на все достижения прошлого века, который оценивается как самый «атеистический» за всю историю человечества, в III тысячелетии религиозный фактор снова получил своё развитие, что отражается, в том числе, в правовой сфере. Исследователи ещё в 1970-е гг. отмечали, что религия укрепляет и объединяет общество и государство в критические периоды развития⁵³, а XXI век пока сопровождается многочисленными мировыми, локальными и внутригосударственными кризисами.

---

⁵¹ *Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».*

⁵² Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.89.

⁵³ Кубланов М.М. Возникновение христианства: эпоха, идеи, искания. М.: Наука, 1974. С.153.

Можно выделить следующие правовые аспекты влияния религиозного фактора на современном этапе на процесс самоидентификации государств и народов.

Во-первых, масштабная миграция населения, «интернационализация» семейных связей, рынка труда и т.д. заставляют государства создавать условия для сосуществования и взаимодействия представителей разных религий и конфессий. В частности, рост числа браков, осложнённых иностранным элементом, активизирует деятельность государств, в которых существует только светская или только церковная форма брака, заключать международные договоры, направленные на урегулирование возникающих коллизий.

Во-вторых, государства, население которых преимущественно исповедуют одну религию, как правило, оказывают друг другу большую психологическую, а иногда и политическую, и материальную поддержку.

Так, например, в апреле 2010 г., когда в авиакатастрофе под Смоленском погибли Президент Польши Лех Качиньский и обширная государственная делегация страны, в Литве, как стране близкой к Польше и в силу исторического прошлого, и по преимущественному исповедованию католической веры, был объявлен трёхдневный траур⁵⁴.

В-третьих, на современном этапе существует множество международных религиозных организаций, участие в которых ставит перед государствами новые задачи. Например, Организация исламского сотрудничества (с 1969 до 2011 г. – Организация исламская конференция) стремится объединить мусульманские государства в различных сферах, о чём свидетельствует её сложная система: Исламский банк развития, Исламская организация по продовольственной безопасности, Исламское агентство новостей, Организация радиовещательной и телевизионной службы исламских государств, Исламская комиссия по экономическим и культурным вопросам, Исламский центр по профессионально-техническому обучению и исследованиям, Исламский фонд научно-технического развития, Центр по исследованию исламского искусства и культуры, Фонд Иерусалима, Комитет по Иерусалиму, Исламская торгово-промышленная палата, Организация исламских столиц, Центр по статистическим, экономическим и социальным исследованиям, Комитет исламской солидарности с мусульманскими африканскими странами зоны Сахеля, Исламская ассоциация судовладельцев, Исламский центр развития торговли, Исламский фонд развития, Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры⁵⁵.

---

⁵⁴ Трёхдневный траур объявлен в Литве // Комсомольская правда. 2010. 11 апреля // www.kp.ru/online/news/648610/ (Дата обращения: 20.07.2023 г.).

⁵⁵ Официальный сайт Организации исламского сотрудничества // <https://www.oic-oci.org/> (Дата обращения: 13.10.2023 г.).

Вместе с тем, даже при вступлении в Организацию иногда возникают проблемы. Так, несмотря на то, что Индия является третьей страной мира по количеству мусульман, Пакистан блокировал заявку Индии на вступление, т.к. она высказалась против поддержки ОИС решения ООН о плебисците в Кашмире и призыва «ослаблению напряжённости позиций обеих стран» (Индии и Пакистана).

Хотя, в целом, исследователи пока отмечают, что «в современном международном праве только начинает складываться отдельная группа правовых норм, регламентирующая участие религиозных организаций в международных отношениях, включая порядок их создания и функционирования, взаимоотношения с другими международными организациями и государствами»⁵⁶.

В-четвёртых, религиозный фактор должен учитываться при разработке норм и механизмов защиты прав коренных малочисленных народов, верования которых, чаще всего, языческие, являются необходимым условием не только их национальной или этнической самоидентификации, но и выживания.

Именно поэтому в 1995-2004 гг. было провозглашено Первое десятилетие коренных малочисленных народов, а в 2005 г. – началось Второе десятилетие коренных малочисленных народов.

Ежегодно на международном уровне определяется повестка работы в этом направлении. Например, 2021 г. она звучала так: «Никого не оставить позади: коренные народы и призыв к новому общественному договору».

В-пятых, религиозный фактор, к сожалению, даже в XXI веке используется в периоды вооружённых конфликтов. Как отмечает А.Е. Себенцов, на какой бы основе не возникала война, в ней обязательно проявляется религиозная составляющая, поскольку в безумии и жестокости происходящего каждый нуждается в вере, в духовной поддержке, которую даёт религия. Последние десятилетия дали немало примеров национально-религиозной окраски войн – вспомним сербско-мусульманскую борьбу в бывшей Югославии и недавние события на Ближнем Востоке. Северный Кавказ испытал религиозную мотивацию в ходе конфликта в Чечне⁵⁷.

Хотя существуют примеры, направленные на предотвращение возможных конфликтов. Например, показательно, что в Маастрихтский договор 1992 г. о создании Европейского Союза было включено положение, согласно

---

⁵⁶ Международное право: Учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2001. – С.504.

⁵⁷ Себенцов А.Е. Тенденции развития государственно-конфессиональных отношений в России и их нормативное регулирование // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. Е.Н. Мельниковой, М.И. Одинова. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. – С.34.

которому нормы договора не распространяются на характер государственно-церковных отношений в каждой отдельной стране-члене Европейского Союза⁵⁸. Это был единственный путь объединить страны, где огромное значение в культурном развитии сыграли католицизм, православие, различные протестантские вероисповедания и между которыми неоднократно происходили войны, в том числе религиозного характера.

В-пятых, даже в тех странах, где существует государственная религия или население страны, в основном, однородно в религиозном смысле, могут быть существенные особенности, связанные с историческим развитием страны.

Так, в Иране, несмотря на то, что 90 % населения официально исповедуют ислам, продолжают сохраняться многие традиции зороастрийского наследия. Как отмечает Ю.О. Молчанова, как это часто бывает, ислам лёг пластом на зороастрийское наследие, не нивелировав его полностью, а скорее адаптировав его элементы в определенном русле. Пример такой адаптации и синкретизма – существование народных поверий в дивов, пари, или сохранение праздника Новруз⁵⁹. Это одна из причин, почему Иран осознаёт себя вне того цивилизационного подхода, который делит мир на восток и запад, но при этом скорее разделяет ту модель, когда мир делится на исламскую часть и другую и была выражена в лозунге исламской революции: «На шарки, на гарби – эслами» («не восточная, не западная, но исламская»)⁶⁰.

В-шестых, современные международные религиозные организации пытаются реагировать на глобальные проблемы человечества и предлагают свои пути их решения.

Так, например, с 1948 г. существует Всемирный совет церквей (The World Council of Churches), который провозгласил своей главной целью диалог и взаимодействие между христианскими церквями.

Всемирный совет церквей объединяет 352 церкви, деноминации и церковные сообщества в более чем 120 странах и территориях по всему миру, представляя более 580 миллионов христиан и включая большинство христианских церквей мира (англиканских, баптистских, лютеранских, методистских и реформатских церквей, а также многие Объединенные и Независимые церкви).

---

⁵⁸ Консолидированная версия Договора о Европейском Союзе от 07.02.1992 г. // Официальный сайт Европейского Союза // https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/teu_2012/oj (Дата обращения: 14.05.2023 г.).

⁵⁹ Молчанова Ю.О. Религиозный фактор в формировании этнокультурной идентичности (на примере Ирана) // Культура: теория и практика. – 2018. – № 5(26). – С.2.

⁶⁰ Кляшторина В.Б. Происхождение и трансформация лозунга иранской революции «на шарки, на гарби — эслами» (к проблеме национальной идентификации) // Иран: ислам и власть. – М., Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2001. – С. 31-36.

Несмотря на серьёзные успехи в продвижении общехристианского диалога во второй половине XX века, на современном этапе произошли значительные трансформации. Примером тому является то, что хотя большинство церквей-основателей Всемирного совета церквей были европейскими и североамериканскими, сегодня большинство церквей-членов находятся в Африке, Азии, Карибском бассейне, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Тихоокеанском регионе⁶¹.

Вместе с тем, такая работа приносит свои позитивные плоды. Так, членом организации является Африканская внутренняя церковь Южного Судана и Судана, относящаяся к евангелическим церквам. Если учесть, что Южный Судан выделился из территории Судана в 2011 г. и до сих пор между данными странами постоянно происходят конфликты, такой диалог, безусловно, может рассматриваться как попытка поддержания добрососедских отношений.

В качестве ещё одного примера можно привести Всемирное братство буддистов (The World Fellowship of Buddhists - WFB). Это крупнейшая и наиболее представительная международная неправительственная организация буддистов, основанная в 1950 г. в Коломбо (Шри-Ланка) представителями буддийских организаций 27 стран.

На первую конференцию Всемирного братства буддистов были созваны представители большинства буддийских стран Азии, а также делегаты из западных стран (таких как США, Великобритания, Франция и Германия), которые приняли ряд резолюций о признании изображения колеса о восьми спицах и шестцветного буддийского флага в качестве международных символов буддизма, о международном «Дне Будды» в мае (Visakha/Vesakh).

Данная организация пытается помогать людям, исповедующий буддизм, адаптироваться к сложным проблемам современного мира, сохранять общности, основанные на одной вере.

Так, 18-21 октября 2022 г. одновременно с 21-й Генеральной конференцией Всемирного братства буддийской молодежи (WFBY) и 12-м заседанием Совета Всемирного буддийского университета (WBU) состоялась 30-я Генеральная конференция «Буддизм во время кризиса», на котором обсуждались вопросы, как выжить в кризис, вызванный пандемией и стихийными бедствиями⁶².

В-седьмых, к сожалению, религиозный фактор не всегда используется в процессе самоидентификации государств и народов без политической составляющей.

---

⁶¹ Официальный сайт Всемирного Совета Церквей // <https://www.oikoumene.org/about-the-wsc> (Дата обращения: 21.09.2023 г.).

⁶² Официальный сайт Всемирного братства буддистов // <https://wfbhq.org/general-conference-detail.php?id=015000033> (Дата обращения: 14.05.2023 г.).

Так, например, 14 сентября 2018 г. Русская Православная Церковь исключила из диптиха Константинопольский патриархат, заявив об его антиканонических действиях, направленных на создание Православной церкви Украины (ПЦУ)⁶³. Однако затем произошло признание ПЦУ Элладской церковью (3 ноября 2019 г.), Александрийской церковью (8 ноября 2019 г.) и Кипрской церковью (20 ноября 2020 г.).

Такие ситуации только осложняют политические конфликты и способствуют эскалации напряжения.

Однако в начале XXI века намечалась другая тенденция. Международные религиозные организации стали разрабатывать и принимать свои международные соглашения, которые, конечно, не имели нормативно-правовой природы, но учитывались мировым сообществом и государствами.

Примером может служить «Хартия экуменизма» («Charta Eecunemica»)⁶⁴, которая была принята в Страсбурге 22 апреля 2001 г.

Разработка этого документа велась несколько лет. Ещё в 1989 г. на Первой европейской экуменической ассамблее в Базеле, а затем на Второй ассамблее 1997 г. в Граце европейским христианским церквам было рекомендовано «выработать общий рабочий документ, в котором описывались бы базовые экуменические права и обязанности». Это должно было помочь руководству и прихожанам церкви выяснить различия между прозелетизмом и христианским свидетельством. Для реализации этой программы была создана рабочая группа, в которую вошли представители Европейского совета епископов (Римско-католическая церковь) и Конференции европейских церквей (православные, протестантские церкви, старокатолическая церковь, свободные церкви Европы).

«Хартию экуменизма» достаточно быстро официально одобрили, по крайней мере на декларативном уровне, большинство традиционных для Европы христианских конфессий – Римско-католическая церковь, православные церкви (Русская, Греческая, Румынская, Вселенский патриархат, Армянская апостольская церковь), а также протестантские церкви (лютеранская, реформатская, англиканская, методистская).

Как отмечала в 2008 г. Е.А. Степанова, большинство европейских стран в это время уже применяли этот первый документ, принадлежащий всем

---

⁶³ Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с незаконным вторжением Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5268282.html> (Дата обращения: 21.09.2023 г.).

⁶⁴ Хартия экуменизма // Ортодоксия и гетеродоксия. Материалы по межконфессиональным связям. Богословские и канонические проблемы экуменизма // <http://www.orthohetero.ru/doc-ecum/157> (Дата обращения: 21.09.2023 г.).

христианским церквам Европы⁶⁵. А.В. Радецкая вообще назвала данный документ «Конституцией экуменизма»⁶⁶.

Смещение акцентов с объединяющих моментов деятельности религиозных организаций на раскол, конфронтацию крайне негативно сказывается на политической обстановке, взаимоотношениях государств и народов, их самоидентификации.

Таким образом, религиозный фактор в XXI веке, безусловно, влияет на самоидентификацию государств и народов. Сейчас сосуществуют две тенденции: первая – на сближение государств и народов, относящихся к одной религии, решение ими общих проблем, диалог между представителями разных конфессий, вторая – политическое использование религии для разжигания или поддержания конфликтов, не имеющих вероисповедной основы. Естественно, что только первая тенденция способствует поддержанию мира, добрососедских отношений между государствами и народами и способствует разрешению сложных проблем различного характера.

Список литературы:

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
2. Кубланов М.М. Возникновение христианства: эпоха, идеи, искания. – М.: Наука, 1974. – 215 с.
3. Международное право: Учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2001. – 720 с.
4. Молчанова Ю.О. Религиозный фактор в формировании этнокультурной идентичности (на примере Ирана) // Культура: теория и практика. – 2018. – № 5(26). – С.2.
5. Радецкая А.В. Экуменизм и антиэкуменизм в современном православии. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. – СПб., 2011. – 27 с.
6. Себенцов А.Е. Тенденции развития государственно-конфессиональных отношений в России и их нормативное регулирование // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. Е.Н. Мельниковой, М.И. Одинцова. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. – С.34-41.

---

⁶⁵ Степанова Е.А. Проблема толерантности в межконфессиональных отношениях. Курс лекций: В 2-х тт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. – Т.2. – С.94.

⁶⁶ Радецкая А.В. Экуменизм и антиэкуменизм в современном православии. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. – СПб., 2011. – С. 16.

7. Степанова Е.А. Проблема толерантности в межконфессиональных отношениях. Курс лекций: В 2-х тт. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2008. – Т.2. – 274 с.

8. Трехдневный траур объявлен в Литве // Комсомольская правда. 2010. 11 апреля // www.kp.ru/online/news/648610/ (Дата обращения: 20.07.2023 г.).

Поцелуев Е.Л.

Участие Советского Союза в вооруженных конфликтах международного характера: некоторые уроки истории

«В узком смысле юридический конфликт понимается как *противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами*, возникающими в связи с применением, изменением, нарушением либо толкованием норм права», – такое определение приводит в учебнике «Социология права» В.М. Сырых. И далее отмечает, что оно по сравнению с широким подходом к юридическому конфликту «заслуживает большего внимания и доверия», но все же «остается достаточно широким и включает в себя явления, которые в действительности к конфликтам не относятся»⁶⁷. По нашему мнению, у одной из сторон, например у государства-агрессора, полностью отсутствуют правовые интересы. При этом мы исходим из либертарного понимания права или понимания права в духе возрожденного естественного права Г. Радбруха или международного права после окончания Второй мировой войны.

В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук выделили такой вид юридического конфликта как криминальный и совершенно верно констатировали, что «преступление, преступное поведение, а значит, и интересы преступника противоречат интересам общества и отдельных граждан»⁶⁸. Данное утверждение в полной или даже в еще большей мере можно экстраполировать на все международные преступления, в том числе и на акт агрессии. Война – это апогей юридического конфликта.

Вооруженных конфликтов международного характера с прямым или косвенным участием советской страны и воинских частей Красной Армии или отдельных военных офицеров было несколько: столкновения на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1926 г., бои Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) у озера Ханко и озера Хасан в 1938 г., Вторая русско-

---

⁶⁷ Сырых В.М. Социология права: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2012. – С. 262-263.

⁶⁸ Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: учебник для вузов. М.: Юристъ, 1995. – С. 223.

японская война – сражение советско-монгольских войск против Японии весной-осенью 1939 г. и советско-финская война (30 ноября 1939 – 12 марта 1940). Особняком стоит гражданская война в Испании (косвенное участие) (июль 1936- март 1939).

В 1926 году китайские власти в Маньчжурии пытались захватить Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В 1929 г. была вновь сделана попытка напасть на КВЖД, но враг был разбит частями Красной Армии. Протоколом от 22 декабря 1929 года, подписанным СССР и Китаем, был восстановлен прежний порядок. Советский Союз не сделал никаких территориальных или иных приобретений и немедленно после урегулирования конфликта вывел войска из Маньчжурии⁶⁹. Как верно пишет Т.П. Филиппова: «Социально-экономические и политические противоречия достигли особой остроты в период кризисов 20-х – нач. 30-х гг. Выход из создавшегося положения правящие круги видели в ужесточении военно-политического режима внутри страны и активизации колониальной экспансии вовне»⁷⁰.

В 1931 году при попустительстве правящих кругов США, Англии и Франции Япония развязала войну на Дальнем Востоке и захватила несколько районов Китая⁷¹.

СССР и война в Испании

«4 октября 1936 года СССР открыто заявил о своей поддержке Испанской республики»⁷², но участие нашей стране в испанских делах было постепенным и ограниченным⁷³.

Японо-китайская война 1937-1945 годов и Советский Союз. В июле 1937 г. Япония начала военные действия на севере Китая⁷⁴. В августе 1937 г. Китай заключил с СССР Договор о ненападении⁷⁵. Еще до заключения соглашения советское правительство твердо заверило китайское руководство, что оно обеспечит китайскую армию самолетами и танками, подготовит в нашей

---

⁶⁹ Бахов А.С. Органы дипломатии // История советского государства и права в трех кн. Советское государство и право в период строительства социализма (1921-1935 гг.). Кн. 2. / отв. ред. кн. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1968. – С. 363.

⁷⁰ Филиппова Т.П. Глава 23. Япония // Всеобщая история государства и права: учебное пособие / под ред. К.И. Батыра. М.: Манускрипт, 1993. – С. 339.

⁷¹ Чистяков О.И. Международное положение советского государства и борьба за мир // История государства и права СССР. Часть II. История советского государства и права. М.: Госюриздат, 1962. – С. 226.

⁷² Верт Н. История советского государства. 1900-1991. Пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – С. 256.

⁷³ Там же. – С. 257.

⁷⁴ Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937-1945 / отв. ред. и авт. вступит. ст. М.С. Капица. М.: Мысль, 1980. – С. 61.

⁷⁵ Там же. – С. 62.

стране инструкторов-преподавателей для китайского военного вуза, а по просьбе командования китайской армии готов послать несколько советских «самолетных и танковых соединений» с советским персоналом «для включения в китайскую армию» и предоставит кредит в 500 млн. долларов. Переброска оружия началась уже в октябре 1937 г.⁷⁶.

1938 год – бои РККА с Японией у озера Хасан, неподалеку от Владивостока. Японские милитаристы готовили захват Советского Приморья и Сибири, поэтому в июне 1938 г. они предприняли вооруженное нападение на советскую территорию в районе озера Хасан близ Владивостока, но были отброшены войсками РККА⁷⁷. Летом 1938 г. начались вооруженные действия между Японией и Советским Союзом. Ожесточенные сражения произошли в августе 1938 года в Восточной Сибири в районе озера Хасан, а затем в Монголии, где длившиеся несколько месяцев наземные и воздушные бои в районе Халхин-Гола закончились победой советских войск. 15 сентября 1939 г. было заключено перемирие⁷⁸.

Весна-осень 1939 года: советско-монгольские войска против Японии или Вторая русско-японская война. 11 мая 1939 года японские захватчики вторглись в пределы Монгольской Народной Республики в районе Халхин-Гол (Халхин-Гол), Советский Союз в соответствии с договором о взаимопомощи между СССР и МНР помог изгнать врага⁷⁹. Советские историки называли действия Красной Армии вместе с частями монгольской армии операцией крупного масштаба⁸⁰.

Советско-финская война. Финляндия создала мощные укрепрайоны и большую сеть аэродромов, провела к советской границе стратегические шоссейные и железные дороги, в нескольких километрах от Ленинграда держала войска, готовые вторгнуться на советскую территорию⁸¹. Эти укрепления на Карельском перешейке известны как «линия Маннергейма» и они находились всего в 35 километрах от Ленинграда. Советские историки пишут, что Советский Союз предложил Финляндии отодвинуть финскую границу на несколько десятков от Ленинграда, соглашаясь взамен уступить Финляндии вдвое большую территорию в Советской

---

⁷⁶ Там же. С.64.

⁷⁷ Софроненко К.А. Советское государство и право в период борьбы за завершение строительства социализма. Победа социализма в СССР (1935-июнь 1941 г.) // История государства и права СССР. Ч. II. История советского государства и права. М.: Госюриздат, 1962. – С. 262.

⁷⁸ Верт Н. Указ. соч. – С. 258-259.

⁷⁹ Софроненко К.А. Указ. соч. – С. 262.

⁸⁰ История СССР (эпоха социализма): учебник / под ред. М.П. Кима. 3-е изд., доп. М.: Высшая школа, 1974. – С. 317.

⁸¹ Софроненко К.А. Указ. соч. – С. 266.

Карелии⁸². Н. Верт использует другой термин и его описание этой ситуации носит более конкретный характер. Он пишет, что «СССР потребовал произвести демилитаризацию приграничной зоны и перенести границу на 70 км от Ленинграда, ликвидировать военно-морские базы на Ханко и Аландских островах...»⁸³.

По мнению отечественных ученых, в войне с Финляндией советской стране «пришлось по существу иметь дело не только с финской военщиной, но и соединенными силами империалистических государств. Военная помощь Финляндии оружием, деньгами, людьми шла из Англии, Франции, США, Швеции, Норвегии. Империалисты стремились превратить советско-финскую в начало большой войны против Советского Союза, и Лига Наций, ставшая орудием англо-французского военного блока, всячески содействовала этому»⁸⁴. В сентябре 1934 года Советский Союз был принят в Лигу Наций: 39 – за, 7 – воздержались и 3 – против⁸⁵. Лига Наций посчитала начало военных действий СССР против Финляндии 30 ноября 1939 г. актом агрессии и исключило нашу страну из этой международной организации.

Н. Верт «дипломатично» лишь упоминает, что «общественное мнение Франции и Великобритании было целиком на стороне Финляндии» и в его книге нет слова о военной, финансовой и другой помощи западных держав Финляндии во время этого вооруженного конфликта⁸⁶.

Итоги советско-финской войны. «Линия Маннергейма» в конце февраля 1940 г. была прорвана и советские войска заняли Выборг. Финское правительство запросило мира и 12 марта 1940 г. был заключен мирный договор между двумя странами, который обеспечил безопасность Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги⁸⁷. Н. Верт отмечает, что эта война дорого обошлась для советских войск: 50 тыс. убитых, более 150 тыс. раненых и пропавших без вести⁸⁸. Действительно, победа досталась нелегко и обнажила кадровые и военно-технические проблемы, но при этом возникает два вопроса: первый – как «слабая» и «неподготовленная» Красная Армия победила Финляндию? Второй – почему французский историк не приводит безвозвратные потери финских войск, количество их раненых и пропавших без вести?

По сути, в предвоенный период, то есть до начала Великой Отечественной войны, Советский Союз прямо или косвенно боролся с

---

⁸² Там же.

⁸³ Верт Н. Указ. соч. – С. 262.

⁸⁴ Софроненко К.А. Указ. соч. – С. 266.

⁸⁵ Верт Н. Указ. соч. – С. 254.

⁸⁶ Там же. – С. 263.

⁸⁷ Софроненко К.А. Указ. соч. – С. 267.

⁸⁸ Верт Н. Указ. соч. – С. 263.

фашизмом в разных его проявлениях. Если под фашизмом понимать «выражение острого социального и политического кризиса капитализма», «форму перехода от монополистического (а иногда и домонополистического) капитализма к капитализму государственно-капиталистическому». Важная особенность этого явления заключается «в его способности устанавливать широкие связи с многочисленными группами, не относящимся к правящим классам, в умении мобилизовать и политически активизировать эту часть населения в интересах эксплуататорского строя». И как еще в 1989 г. констатирует эксперт по фашизму А.А. Галкин: «фашистская политика чревата трагическими последствиями как для народа, от имени которого выступает фашизм (национал-социализм, национализм, расизм, шовинизм и т.п. – Е.П.), та и для других, прежде всего, соседних народов»⁸⁹.

Уроки участия Советского Союза в вооруженных конфликтах в рассматриваемый период истории:

1) нужно искать союзников, пусть временных и ненадежных, но понимать это и не допускать формирования единого и многочисленного блока своих противников, использовать дипломатические возможности, в том числе международные конференции и международные организации (в предвоенный период – это Лига Наций);

2) искать возможности заключения международных договоров о гарантированном ненападении, но при этом укреплять свои государственные границы, свою оборонную промышленность, военную науку и военный потенциал;

3) приходить союзникам на помощь, причем адекватную, то есть соразмерную военной помощи, а еще лучше – большую по сравнению с военными поставками наших врагов, если наш союзник или наши союзники стали жертвой агрессии, доказывая верность взятым на себя обязательствам, надежность партнерства в военной сфере;

4) статус великой державы обязывает наше государство на определенные расходы на военно-промышленный комплекс (ВПК), на участие в решении важнейших вопросов мировой политики, в том числе, как крайнее, последнее, исключительное средство, и с помощью военной силы;

5) перемирие в вооруженном конфликте, если это возможно, лучше заключать после полного разгрома или серьезного поражения противника;

6) вооруженный конфликт показывает уровень боеспособности вооруженных сил, возможности военной мобилизации и переброски сил, боевой техники, вооружений и т.п. на театр военных действий; выявляет неспособность или не достаточную способность одних военачальников к

---

⁸⁹ Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1989. – С. 9.

управлению войсками и, наоборот, выявляет талантливых и успешных полководцев;

7) государственный суверенитет и само существование страны, безопасность и жизнь граждан важнее норм и принципов международного права, но при одном важном условии, если другие акторы мировой политики, главные субъекты международного права – государства, а тем более сверхдержавы, грубо, нагло, беспардонно нарушают императивные нормы и принципы международного права и представляют реальную угрозу территориальной целостности нашей Отчизны, нерушимости и неприкосновенности ее государственных границ и т.п.

Список литературы:

1. Бахов А.С. Органы дипломатии // История советского государства и права в трех кн. Советское государство и право в период строительства социализма (1921-1935 гг.). Кн. 2. / отв. ред. кн. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1968. – С. 352-366.
2. Верт Н. История советского государства. 1900-1991. Пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.
3. Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 1989. – 352 с.
4. Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937-1945 / отв. ред. и авт. вступит. ст. М.С. Капица. М.: Мысль, 1980. – 279 с.
5. История СССР (эпоха социализма): учебник / под ред. М.П. Кима. 3-е изд., доп. М.: Высшая школа, 1974. – 560 с.
6. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права: учебник для вузов. М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
7. Софроненко К.А. Советское государство и право в период борьбы за завершение строительства социализма. Победа социализма в СССР (1935-июнь 1941 г.) // История государства и права СССР. Ч. II. История советского государства и права. М.: Госюриздат, 1962. – С. 258-312.
8. Сырых В.М. Социология права: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2012. – 472 с.
9. Филиппова Т.П. Глава 23. Япония // Всеобщая история государства и права: учебное пособие / под ред. К.И. Батыра. М.: Манускрипт, 1993. – С. 339-344.
10. Чистяков О.И. Международное положение советского государства и борьба за мир // История государства и права СССР. Ч. II. История советского государства и права. М.: Госюриздат, 1962. – С. 225-228.

Клятва Президента Российской Федерации как квинтэссенция целей и задач развития государства

Официальное обращение Президента Российской Федерации в момент вступления в должность носит название присяги. В рамках данной статьи мы рассмотрим присягу как обязательство перед гражданами и как квинтэссенцию целей и задач развития государства.

Как отмечает ряд авторов, присяга едва ли не один из самых слабо изученных вопросов в рамках отечественного института президентства⁹⁰. Действительно, процедуру принесения присяги можно оценивать и как юридический факт, и как символическую процедуру.

Так, по мнению Р. Хайретдинова, гражданин, избранный на должность Президента РФ, становится субъектом конституционно-правового отношения, другой стороной данных отношений является многонациональный народ Российской Федерации⁹¹. В рамках указанных правоотношений народ уполномочивает законно избранного Президента реализовывать цели и задачи России, Президент клянется исполнять взятые на себя обязательства. Однако парадокс заключается в том, что на сегодняшний день отсутствует конституционно-правовая ответственность за нарушение Президентом указанных в присяге обязательств.

Следует отметить, что происхождение слова присяга имеет корни в славянских языках и образовано от глагола «присгати», «сягати», «касаться». Буквальное значение – «прикосновение» связано с тем, что, принося клятву, обычно прикасались к какому-либо священному предмету (например, к Библии, Евангелие и др.)⁹². Наиболее распространенное современное объяснение звучит как официальное торжественное обещание, клятва соблюдать верность, обязательства, поступать согласно с законом⁹³.

В толковом словаре Даля подчеркивается глагольная форма, форма действия - присягать, присягнуть, клясться, дать клятвенное обещанье, уверенье в чем-либо, призывая гласно Бога и целуя Святой Крест, и Евангелие»⁹⁴.

---

⁹⁰ Зуйков А.В., Кукушкин Е.В. О конституционно-правовом смысле присяги Президента РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 22. – С. 28-34.

⁹¹ Хайретдинов Р.Д. Юридическая природа присяги, приносимой при вступлении в должность президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 24. – С. 13-16.

⁹² – URL: <https://lexicography.online/etymology/п/присяга> (Дата обращения: 01.05.2023 г.).

⁹³ – URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/присяга> (Дата обращения: 01.05.2023 г.).

⁹⁴ Даль В.И. Толковый словарь русского языка // – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=33525> (Дата обращения: 30.05.2023 г.).

Добавляет полноты понимания смысла присяги определение из толкового словаря русского языка Ожегова, где присяга есть официальное торжественное обещание соблюдать верность, добровольное обязательство, внушение надежды. Присяжный есть характеристика субъекта, принявшего присягу, всегдашний, постоянный⁹⁵.

Подводя итоги анализа данного понятия уместно выделить три аспекта его действия: правовой, психологический, этический.

В правовом плане присяга является одним из атрибутов правового статуса публичных субъектов, таких, например, как глава государства, депутаты, судьи. История церемонии принесения присяги президентами – инаугурации – ведет свой отсчет с конца 18 века в США, 30 апреля 1789 года. Президент Джордж Вашингтон впервые принес присягу. Традицией принесения присяги современными американскими президентами стало возложение руки на ту Библию, которой присягали ранее их выдающиеся предшественники. Так, президенты Б. Обама и Д. Трамп использовали Библию, принадлежавшую ранее Аврааму Линкольну.

Однако были и курьезные случаи принятия присяги в США. Так, Л.Б. Джонсон присягнул в самолете на римско-католическом молитвеннике, найденном прямо на борту.

Различаются как формулировки, так и способ закрепления присяги в нормативных актах разных стран: как «присяга на верность», «торжественная присяга», «священная клятва», «верность стране». Слова присяги президента могут быть закреплены либо в теле конституции, либо упоминаются в ней.

Так, Мархгейм и Чаплицкий выделяют вариант присяги в Румынии, единообразный для «граждан, которым доверено осуществление публичных функций, а также военнослужащих, отвечающих за надлежащее исполнение возложенных на них обязанностей»⁹⁶.

Также следует выделить указание на цели и задачи государства, отраженные в присяге некоторых государств. Так, присяга канцлера, включенная в основной закон Федеративной Республики Германии, завершается обращением за помощью к Богу, однако, вступающий в должность по своему усмотрению может ее не произносить, или нет. Сами обязательства касаются блага народа, уважительного отношения к законам и их беспрекословного исполнения, а также принципов справедливости.

---

⁹⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство Оникс, 2008. – С. 351, 486.

⁹⁶ Мархгейм М.В., Чаплицкий Ф.Ф. Конституционное закрепление присяги в странах Восточной Европы // Научные ведомости, Серия Философия. Социология. Право. – 2017. – № 3 (252). – Выпуск 39. – С. 106.

Многообразие формулировок в тексте присяги тесно связано с особенностями государственного устройства, светскими и религиозными традициями. К общим чертам процедуры принятия присяги можно отнести торжественную атмосферу. Так, в большинстве случаев оглашение присяги традиционно происходит в присутствии депутатов, судей, транслируется через средства массовой информации, информационную сеть интернет. В Грузии это происходит на площади перед Парламентом, при этом рука Президента лежит на Евангелии. В Армении в резиденции главы государства, клятва на верность стране и народу произносится одновременно на Конституции и Евангелии. Во многих мусульманских странах, в частности, в Индонезии, клянутся при вступлении в должность на Коране. Президент Французской республики, начиная с Наполеона III, присяги не приносит⁹⁷.

Согласно Конституции Российской Федерации, Президент является гарантом реализации всех указанных в ней принципов. Помимо охраны суверенитета, независимости, государственной целостности государства, он также формирует вектор развития внешней и внутренней политики, представляет Россию внутри страны и на уровне международных отношений в установленном законом порядке.

И все-таки, одной из главных задач деятельности руководителя Российского государства и Верховного Главнокомандующего, на наш взгляд, является «поддержание мира и согласия в стране, обеспечение эффективного взаимодействия органов публичной власти»⁹⁸. Основной смысл присяги-клятвы касается таких функций Президента как уважение, охрана, защита государства и граждан. Присутствие представителей Государственной Думы и судей Конституционного Суда соответствует статусу главы государства и определяет место Президента внутри страны и на международной арене⁹⁹.

Следует выделить несколько психологических функций присяги (клятвы): психологию личности субъекта, принимающего присягу; психологию управления, так как в присяге отражены цели и задачи деятельности; социально-психологические аспекты взаимодействия субъекта с социальными группами.

Президенту необходимо сочетать в себе качества лидера и хорошего организатора. Одной из его задач является формирование высокоэффективной команды управленцев, способных реализовать все конституционные

---

⁹⁷ Костяева А.Э. Процедура формирования должности главы государства в странах с различными формами правления: США, ФРГ, Франция // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 542-544.

⁹⁸ Конституция Российской Федерации. Глава 4. Президент Российской Федерации // – URL: <https://sfr.gov.ru/order/konstituciya/~4850> (Дата обращения: 23.04.2023 г.).

⁹⁹ Васильева Н.Ю. Правовые особенности принесения присяги Президентом Российской Федерации // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 6(174). – С.50-53.

положения и планы развития государства и общества. Так, к управленческим функциям Президента Российской Федерации относится общее руководство Правительством Российской Федерации, назначение Председателя Конституционного Верховного Суда, Генерального Прокурора и др.

Личностный фактор включает интеллектуальный потенциал личности, способность осознавать суть деятельности, ставить и решать задачи данной деятельности. Лидер государства должен не только уметь управлять собственным поведением, но и показывать пример стойкости, выдержки, воли другим людям. Управление поведением особенно важно в изменяющихся ситуациях внешней среды, лидеру желательно не только полагаться на интуицию и чувственный опыт, но и четко осознавать и анализировать реальность.

Также стоит отметить фактор личностной зрелости субъекта присяги, предполагающий готовность брать ответственность за трудные решения, находить разумные компромиссы. Лидеру государственного уровня необходимо владеть устойчивыми навыками психологического анализа поведения участников общения, уметь составлять психологический портрет любой личности, обладать многообразием психологических стратегий в коммуникации, знать принципы и приемы разрешения конфликтов. Как отмечает Дж. Боулби, «чем реалистичнее понимание происходящего и четче формулировки, чем больше прошлого успешного опыта, тем вероятнее достижение поставленных целей¹⁰⁰.

Следует также учитывать тот факт, что часто «мораль находится в подчинении идеологии, так как любая социальная группа, придя к власти, стремится закрепить ее путем законов». В данной формулировке Бондырева и Колесов отмечают конкретно-исторический характер морали, ее несамодостаточность и многообразие стандартов¹⁰¹. Подобное наблюдение подтверждает влияние внешних раздражителей провокативного характера, которые будут всегда усложнять присягнувшему субъекту выполнение взятых на себя обязательств. Могут возникать искушения допустимости нарушения принципов и норм, проверки надежности авторитетов, испытания свободы воли в удержании выбранной позиции, принятии трудных решений в диалектическом противоборстве добра и зла¹⁰². Тем более что цена ошибки, допущенной президентом, чрезвычайно высока. И здесь главными регуляторами поведения выступают мораль и право.

Совість, как известно, является внутренним регулятором поведения и побуждает субъекта соотнести собственную волю с системой личных

---

¹⁰⁰ Боулби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003. – С.88.

¹⁰¹ Бондырева С.К., Колесов Д.В. Нравственность. – М.: издательство Московского психолого-социального института, 2006. – С.103.

¹⁰² Там же. – С. 71.

ценностей и системой ценностей общества и государства. В случаях соответствия личных и общественных ценностей человек чувствует себя более уверенно и спокойно, ему легче осуществлять саморегуляцию поведения, соблюдая моральные принципы в соотношении целей и средств. Присяга (клятва) в данном контексте выступает в качестве идеального представления, а совесть регулирует ее исполнение.

Современная традиция принесение присяги уходит корнями к традиции принесения клятвы, обета. Специалисты отмечают, что древние люди относились к подобным обещаниям очень аккуратно, учитывали сакральную силу сказанных слов. Клялись богами, оружием, благосостоянием, своим здоровьем, здоровьем близких. Нарушение клятвы, как считалось, влекло быстрое и жестокое наказание со стороны богов¹⁰³. С распространением влияния религиозных норм в обществе, в частности Православия на Руси, обещания скреплялись целованием креста, Библии, Святого Евангелия. С одной стороны это было символическое «наполнение» божественной силой, энергией, а с другой – усиление «тяжести» обязательств.

В Российской Империи со времен Императора Петра I вводилось множество различных присяг: воинская присяга, присяга при принятии российского подданства, при вступлении на государственную службу. Данные обязательства закрепляли гарантии преданности и верности Государю и Отечеству.

В воинском Уставе присяга закрепилась при Петре I, время от времени императоры вносили изменения. Так, включались варианты принесения присяги иноверцами в присутствии муллы, пастора, ксендза, либо двух свидетелей-единоверцев, командира части для язычников.

Присяга после Октябрьской революции начиналась со слов «Я, сын трудового народа...», уже не содержала упоминаний ни Бога, ни императора, но зато грозила отступнику всеобщим презрением и карой сурового революционного закона¹⁰⁴.

Церемония принесения присяги российскими цесаревичами проводилась по достижении ими совершеннолетия. Принятие присяги запускало процесс ответственности за обеспечение устойчивости самодержавной власти и готовности при необходимости «подхватить знамя», заменив отца на троне Российской империи¹⁰⁵.

---

¹⁰³ Клятва или присяга: что приносили правители России при вступлении на престол // – URL: <https://dzen.ru/a/YoP5lizeVzXKVJh2> (Дата обращения: 28.04.2023 г.).

¹⁰⁴ На верность своему Отечеству: из истории русской военной присяги // – URL: <https://histrf.ru/read/articles/na-viernost-svoiemu-otiechiestvu-iz-istorii-russkoi-voiennoi-prisiaghi> (Дата обращения: 28.04.2023 г.).

¹⁰⁵ Церемониалы российского Императорского двора // – URL: http://www.plam.ru/hist/carskaja_rabota_xix_nachalo_xx_v/p3.php (Дата обращения 28.04.2023 г.).

Интересен факт, что при короновании русских царей, возлагал корону на его голову не архиерей, а делал это сам Царь. Царю задавался вопрос «как веруеши?», на который он должен был утвердительно ответить знанием Символа Веры (одна из главных молитв православия). Молитва Государя содержала слова о справедливости по образу и подобию Божьему, просьбу о помощи и вразумлении, о поддержке при принятии трудных решений и сохранении чести и достоинства перед судом людским и Божьим¹⁰⁶.

Таким образом, исследуя содержание Присяги (клятвы) Президента Российской Федерации, можно утверждать, что в ней отражены исторические традиции взятия на себя личных моральных обязательств и ответственности, указаны актуальные социальные цели и задачи деятельности на данной должности, подтверждена преданность своему государству и народу своей страны. Процедура принятия Присяги всегда отличается красотой оформления, строгим соблюдением этикета, четкостью и торжественностью.

Список литературы:

1. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Нравственность. – М.: издательство Московского психолого-социального института, 2006. – 336 с.
2. Боулби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003. – 477 с.
3. Васильева Н.Ю. Правовые особенности принесения присяги Президентом Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 6(174). – С. 50-53.
4. Зуйков А.В., Кукушкин Е.В. О конституционно-правовом смысле присяги Президента РФ // *Конституционное и муниципальное право*. – 2009. – № 22. – С. 28-34.
5. Костяева А.Э. Процедура формирования должности главы государства в странах с различными формами правления: США, ФРГ, Франция // *Молодой ученый*. – 2022. – № 21 (416). – С. 542-544.
6. Мархгейм М.В., Чаплицкий Ф.Ф. Конституционное закрепление присяги в странах Восточной Европы // *Научные ведомости, Серия Философия. Социология. Право*. – 2017. – № 3 (252). – Выпуск 39. – С. 105-108.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство Оникс, 2008. – 736 с.
8. Хайретдинов Р.Д. Юридическая природа присяги, приносимой при вступлении в должность президента Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. – 2008. – № 24. – С.13-16.

---

¹⁰⁶ О чине коронования Российских Императоров // – URL: <https://3rm.info/publications/2765-o-chine-koronovaniya-rossijskix-imperatorov.html> (Дата обращения: 28.04.2023 г.)

Необходимость учета исторического опыта специализации и кооперирования в деятельности Евразийского экономического союза

Введение

Регулирование специализации и кооперирования является исторически сложившимся институтом международного частного права. Юридическое оформление этого института было осуществлено в рамках СЭВ – интеграционного образования социалистических государств с присущими ему механизмами интеграции в сфере промышленности.

Общие условия специализации и кооперирования производства между организациями стран-членов СЭВ (ОУСК СЭВ) применялись к контрактам специализации или кооперированию производства, заключаемым между юридическими лицами по праву более чем двух государств-членов СЭВ. При этом они детально регламентировали только контракт специализации. По контракту специализации специализирующаяся сторона обязана производить специализированную продукцию в соответствии с требованиями к технико-экономическим параметрам и качеству в количестве, в сроки согласно техническому заданию, предусмотренных контрактом, а неспециализирующаяся сторона обязана принять поставку специализированной продукции на условиях, установленных контрактом.

ОУСК СЭВ регулировали в полном объеме вопросы, связанные с контрактом специализации, включая: заключение, изменение и вступление в силу контракта; обязательства сторон; их ответственность; претензии и исковую давность; прекращение контракта; применимое право. При этом к отношениям сторон, возникающим из контракта и с ним связанным, по вопросам, не урегулированным Общими условиями или контрактом, применялась правовая система государства специализирующейся стороны, если иное не предусмотрено контрактом.

Сторонами контракта специализации или кооперирования могли быть только уполномоченные государствами хозяйственные организации. Хозяйственная организация, не уполномоченная государством, участвовала в контракте совместно с уполномоченной государством организацией. Как следствие в основе специализации и кооперирования было межгосударственное сотрудничество, которое реализовывалось через уполномоченные государствами хозяйственные организации (юридические лица). Межгосударственное сотрудничество реализовывалось в сфере промышленности посредством координации производства и сбыта. Интеграция в сфере промышленности является высокой степенью экономической интеграции.

В современной доктрине мы не находим глубоких исследований контрактов специализации и кооперирования в аспекте экономической интеграции¹⁰⁷. Кооперирование как форма международного разделения труда рассматривается специалистами в области экономики¹⁰⁸.

Применительно к сотрудничеству в рамках ЕАЭС в промышленной сфере рассматриваются вопросы промышленной политики,¹⁰⁹ оборота промышленной продукции в рамках ЕАЭС,¹¹⁰ кооперации как синониму промышленного сотрудничества¹¹¹.

Общие закономерности евразийской интеграции проанализированы в фундаментальных монографических исследованиях Ю.Г. Александра,¹¹² Т.Н. Нешатаевой,¹¹³ П.А. Кохно, А.П. Кохно, Ю.И. Енина, С.А. Карпова,¹¹⁴

---

¹⁰⁷ Абрамов В.А. Международное производственное кооперирование в электронной промышленности. Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – 195 с.; Клюка Е.И. Международное кооперирование вузов: основные методологические подходы // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2014. – № 3 (70). – С. 117-119; Останин В.А. Международное производственное кооперирование: шансы и потери российской экономики // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2022. – № 1. – С. 37-41.

¹⁰⁸ Захаренко Н.Н. Формы международного разделения труда // Экономика и социум. – 2014. – № 4-2 (13). – С. 1375-1378; Решетова Л.В. Влияние тенденций международного разделения труда на формирование национальной инновационной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – Т. 9. – № 4 (193). – С. 24-29; Филатова Т.В., Цороева З.Б., Мосаева С.Р. Международное разделение труда и его значение в экономике // Вестник Академии. – 2014. – № 1. – С. 79-83.

¹⁰⁹ Марышев А.Н. Технологическая модернизация производства - главная задача промышленной политики в Евразийском экономическом сообществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2007. – № 2. – С. 96-99; Панкова К.О., Кузьмина В.М. Основные направления и перспективы промышленной политики в Евразийском экономическом союзе в условиях санкционной политики США // Приграничное и межрегиональное взаимодействие государств-участников ЕАЭС. аналитический сборник / Под редакцией профессора В.П. Бабинцева. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2019. – С. 247-259.

¹¹⁰ Утаров К.А. О понятии незаконного оборота промышленной продукции в Евразийском экономическом союзе // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 88-94.

¹¹¹ Иванова О.Б., Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. Перспективы цифровизации промышленной кооперации в Евразийском экономическом союзе // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2019. – № 3 (67). – С. 112-120.

¹¹² Александров Ю.Г. Евразийская экономическая интеграция: ЕАЭС. М.: Аналитическо-консультативный центр «Стратегические изыскания», 2018. – 178 с.

¹¹³ Нешатаева Т.Н. Суд и право: евразийская интеграция. М.: Норма.: ИНФРА-М, 2021 – 336 с.

¹¹⁴ Кохно П.А., Кохно А.П., Енин Ю.И., Карпов С.А. Евразийская индустриально-инфраструктурная интеграция. М.: Издательский дом «Граница», 2019. – 312 с.

И.А. Свистула, Е.С. Пермяковой, И.Н. Сычевой,¹¹⁵ Е.И. Мазилкиной, О.И. Цыбулевской,¹¹⁶ Р.А. Курбанова,¹¹⁷ Е.Ю. Трещенкова, К.Е. Мещерякова¹¹⁸.

Настоящее исследование посвящено узкоспециальному вопросу: в какой степени исторический опыт СЭВ по регулированию специализации и кооперирования может быть учтен при формировании правовой системы ЕАЭС?

2. Особенности регулирования промышленного производства в Евразийском экономическом союзе и перспективы внедрения специализации и кооперирования

Основополагающим договором, определяющим промышленную политику в рамках ЕАЭС, является Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (также – Договор о ЕАЭС), который, в том числе регламентирует вопросы, прямо или косвенно связанные с промышленностью. Договор о ЕАЭС является основным элементом в системе права ЕАЭС, поскольку формулирует цели и принципы функционирования ЕАЭС, определяя тем самым облик интеграционного объединения и устанавливая направления развития его правовой системы. Развитие промышленности является важным элементом интеграционного процесса, а унификация правил специализации и кооперирования может свидетельствовать о достижении одной из целей интеграции – выработки единой промышленной политики.

Во-первых, Договором о ЕАЭС введено унифицированное понятие единого экономического пространства, охватывающего территории государств-членов, где должны функционировать сходные или однотипные механизмы регулирования экономики, для которых в праве ЕАЭС вырабатываются гармонизированные или унифицированные правовые нормы. Как следствие, поставлена цель выработки сходных или единых механизмов регулирования экономики государствами-членами. Формирование единого экономического пространства неразрывно связано с интеграцией промышленности, которая достигается в процессе установления и реализации правил специализации и кооперирования.

Во-вторых, ст. 3 Договора о ЕАЭС устанавливает принципы функционирования интеграционного объединения, в том числе принцип сотрудничества, являющийся общим принципом международного права, и

---

¹¹⁵ Свистула И.А., Пермякова Е.С., Сычева И.Н. Евразийская интеграция в развитии экономики трансграничных территорий: теория, методология, практика. Барнаул: Азбука, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2021. – 201 с.

¹¹⁶ Мазилкина Е.И., Цыбулевская О.И. Евразийская экономическая интеграция: экономико-правовой аспект. Саарбрюкен: LAP LAMBERT 2015. – 117 с.

¹¹⁷ Курбанов Р.А. Евразийская интеграция и право. М.: Изд-во «Юнити -Дана», 2016. – 496 с.

¹¹⁸ Трещенков Е.Ю., Мещеряков К.Е. Евразийская интеграция и Россия. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2014. – 258 с.

необходимость соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции. Необходимо отметить, что специализация и кооперирование являются исключением из механизмов конкуренции. Как правило, специализирующиеся стороны вырабатывают только один вид специализированной продукции. По существу, происходит разделение рынка между специализирующимися субъектами. При этом это единый рынок реализации произведенной продукции интеграционного объединения. В то же время специализация и кооперирование в полной мере соответствуют принципу сотрудничества государств в рамках ЕАЭС и служат целям интеграции. Принципы функционирования ЕАЭС должны находиться в системной взаимосвязи, а механизмы их реализации не должны входить во взаимопроверчение, и должны служить единой цели интеграции.

В-третьих, Договором о ЕАЭС определены категории политики, проводимой в различных сферах сотрудничества. Единая политика предполагает применение государствами унифицированного правового регулирования в рамках ЕАЭС, в том числе на основе решений органов ЕАЭС. Данный вид политики реализуется исключительно в рамках правовой системы ЕАЭС. Единая политика может проводиться в отношении продукции, для которой сформирован единый рынок обращения в рамках ЕАЭС.

Скоординированная политика предполагает выработку органами ЕАЭС общих подходов для достижения целей ЕАЭС. Эта политика также реализуется в рамках правовой системы ЕАЭС, и предполагает унифицированный общий подход, выраженный в актах органов ЕАЭС.

Согласованная политика связана с гармонизацией правового регулирования для достижения целей ЕАЭС.

Необходимо определить, к какому виду политики в рамках ЕАЭС относится промышленная политика в рамках ЕАЭС.

Промышленная политика в рамках ЕАЭС должна соответствовать основным направлениям промышленного сотрудничества, утверждаемым Межправительственным советом ЕАЭС. Она осуществляется при консультативной поддержке и координации Комиссии. Таким образом, промышленная политика ЕАЭС носит характер скоординированной политики. Недостатком скоординированной политики является ее «промежуточный» характер между согласованной и единой политиками. Она не предполагает разработку и применение конкретных унифицированных норм. Внедрению механизмов специализации и кооперирования в большей степени способствует единая политика.

Целями осуществления промышленной политики в рамках ЕАЭС являются, в том числе: ускорение и повышение устойчивости промышленного развития, что косвенно может быть отнесено к специализации и кооперированию.

Установлены также формы сотрудничества государств для достижения целей осуществления промышленной политики в ЕАЭС такие как: взаимное информирование о планах развития промышленности; совместные программы развития приоритетных видов экономической деятельности и т.п. Данные формы сотрудничества государств носят общий характер, что связано со скоординированной политикой в сфере промышленности – она не предполагает выработки правил унификации организации производственного процесса.

Однако в качестве формы сотрудничества государств названа также реализация совместных проектов, в том числе, для углубления промышленной кооперации. Для реализации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС государства-члены при консультативной поддержке и координации Комиссии могут разрабатывать и применять такой инструмент как стимулирование взаимовыгодной промышленной кооперации. Как следствие, допускается кооперирование в рамках скоординированной промышленной политики ЕАЭС.

В СЭВ были выработаны унифицированные нормы в отношении специализации и кооперирования и единый механизм их осуществления. Опыт СЭВ можно было бы использовать только в том случае, если бы промышленная политика была единой. При этом единство промышленной политики в рамках интеграционного объединения означает высшую ступень интеграции. Использование опыта СЭВ в деятельности ЕАЭС препятствует скоординированный характер промышленной политики. Интеграция в рамках ЕАЭС имеет иную экономическую природу и осуществляется на ином уровне исторического развития не только общества, но и науки и техники.

Необходимо также отметить, что единственным исключением из правил конкуренции в ЕАЭС являются только естественные монополии. Эта категория означает отсутствие конкуренции на рынке услуг в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг. Естественные монополии в сфере промышленности не допускаются, что препятствует установлению статуса специализирующейся стороны на основании межгосударственных соглашений государств-членов ЕАЭС.

Правовая система ЕАЭС в целом не приспособлена для рецепции норм о специализации и кооперировании, выработанных в рамках СЭВ. Международные договоры в рамках ЕАЭС затрагивают только обращение отдельных видов товаров, но не их производство (Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года). Установление единых правил организации производства товаров, в том числе специализации и кооперирования, в настоящее время не соответствует уровню интеграции в рамках ЕАЭС. Следует учесть, что даже

обращение ряда значимых категорий товаров не урегулировано международными договорами.

В правовой системе ЕАЭС присутствуют также отдельные международные договоры, косвенно связанные с вопросами производства (Соглашение о порядке добровольного согласования государствами – членами Евразийского экономического союза с Евразийской экономической комиссией специфических субсидий в отношении промышленных товаров и проведения Евразийской экономической комиссией разбирательств, связанных с предоставлением государствами – членами Евразийского экономического союза специфических субсидий от 26 мая 2017 года). Международный договор направлен на реализацию промышленной политики ЕАЭС, но сферу производства затрагивает опосредованно. Он направлен на координацию промышленной политики в сфере субсидирования производства.

ЕАЭС стремится разработать собственные механизмы кооперирования. Программным документом является Концепция создания евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации, утвержденная Решением Совета ЕАЭС № 143 от 21 декабря 2016 г. Вместо категории «кооперирование» вводится категория «субконтрактации». Контракт заключается между контрактором и субконтрактором и предполагает передачу одним юридическим лицом (контрактором) другому юридическому лицу (субконтрактору) работ или услуг и принятие их к выполнению этим другим юридическим лицом (субконтрактором) на основании контракта. По контракту субконтрактации передается не часть производства, как при кооперировании, а обслуживающие операции для производства товара.

Следует отметить, что контракт кооперирования связан с рассредоточением производства отдельных комплектующих на территории разных государств с последующей сборкой единой продукции. Контракт субконтрактации предполагает выполнение части производственных функций субконтрактором для контрактора. Продукцию производит контрактор, а не кооперирующиеся стороны совместно. Контракт субконтрактации ближе к субподряду, а контракт кооперирования – к совместной деятельности.

Евразийская сеть субконтрактации объединяет Евразийскую экономическую комиссию, уполномоченные органы, центры субконтрактации, контракторов, субконтракторов. В рамках формирования евразийской сети субконтрактации Комиссией формируется и ведется единый реестр промышленных предприятий (контракторов и субконтракторов). Вводится также единая система классификации продукции. Основная функция сети субконтрактации – информационное взаимодействие сторон контракта при заключении и исполнении контракта. Она не является межгосударственным органом, устанавливающим и координирующим кооперирование в рамках ЕАЭС.

Основными задачами евразийской сети субконтрактации являются: оптимизация процессов производства и повышение конкурентоспособности предприятий; ликвидация непроизводительных издержек и др. В числе задач также названо расширение промышленной кооперации на основе функционирования евразийской сети субконтрактации. Таким образом, экономическое явление промышленной кооперации юридически оформляется в виде правил функционирования евразийской сети субконтрактации. Однако кооперация в рамках ЕАЭС – качественно иное явление в сравнении с кооперированием в рамках СЭВ.

Комиссия, являясь координирующим органом евразийской сети субконтрактации, осуществляет: 1) мониторинг функционирования центров субконтрактации; 2) обобщение практики функционирования центров субконтрактации; 3) организацию мероприятий по актуальным вопросам промышленной кооперации и субконтрактации; 4) разработку механизмов включения в международные сети промышленной кооперации. Все эти функции носят вспомогательный характер, не связаны с наделением Комиссии полномочиями по организации и контролю в области субконтрактации. По существу, Комиссии только способствует установлению связей между частными субъектами. Предпосылок для выработки унифицированных правил применительно к контракту контрактации в праве ЕАЭС не имеется.

Необходимо отметить, что механизм субконтрактации в рамках ЕАЭС представляет собой, по существу, международную сеть по организации сотрудничества частных субъектов в промышленной сфере, и только косвенно связан с процессом производства. Это международная сеть смешанного характера, в которой органы интеграционного объединения, государства и хозяйствующие субъекты выступают как юридически равные участники. ЕАЭС только способствует функционированию сети, не осуществляя управление ею. Контракт субконтрактации в рамках ЕАЭС не регламентируется, в контрактные отношения ЕАЭС и государства не вмешиваются.

3. Вывод

Установление положений о специализации и кооперировании в правовой системе ЕАЭС применительно к регулированию соответствующих контрактов возможно, только если ЕАЭС воспримет модель промышленной интеграции СЭВ. Модель СЭВ была тесно связана с идеологией сотрудничества между государствами-членами, переходящего в единство. На данном этапе интеграции в рамках ЕАЭС его правовая система не может воспринять модель СЭВ, поскольку проводится скоординированная промышленная политика. Остается выразить надежду, что ЕАЭС постепенно придет к исторически сложившейся модели специализации и кооперирования как высшей ступени интеграции.

Список литературы:

1. Абрамов В.А. Международное производственное кооперирование в электронной промышленности. Дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – 195 с.
2. Александров Ю.Г. Евразийская экономическая интеграция: ЕАЭС. М.: Аналитическо-консультативный центр «Стратегические изыскания», 2018. – 178 с.
3. Захаренко Н.Н. Формы международного разделения труда // Экономика и социум. – 2014. – № 4-2 (13). – С. 1375-1378.
4. Иванова О.Б., Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. Перспективы цифровизации промышленной кооперации в Евразийском экономическом союзе // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2019. – № 3 (67). – С. 112-120.
5. Клюка Е.И. Международное кооперирование вузов: основные методологические подходы // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. – 2014. – № 3 (70). – С. 117-119.
6. Кохно П.А., Кохно А.П., Енин Ю.И., Карпов С.А. Евразийская индустриально-инфраструктурная интеграция. М.: Издательский дом «Граница», 2019. – 312 с.
7. Курбанов Р.А. Евразийская интеграция и право. М.: Изд-во «Юнити -Дана», 2016. – 496 с.
8. Мазилкина Е.И., Цыбулевская О.И. Евразийская экономическая интеграция: экономико-правовой аспект. Саарбрюкен: LAP LAMBERT, 2015. – 117 с.
9. Марышев А.Н. Технологическая модернизация производства - главная задача промышленной политики в Евразийском экономическом сообществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2007. – № 2. – С. 96-99.
10. Нешатаева Т.Н. Суд и право: евразийская интеграция. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 336 с.
11. Останин В.А. Международное производственное кооперирование: шансы и потери российской экономики // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2022. – № 1. – С. 37-41.
12. Панкова К.О., Кузьмина В.М. Основные направления и перспективы промышленной политики в Евразийском экономическом союзе в условиях санкционной политики США // Приграничное и межрегиональное взаимодействие государств-участников ЕАЭС. аналитический сборник / Под редакцией профессора В.П. Бабинцева. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2019. – С. 247-259.
13. Решетова Л.В. Влияние тенденций международного разделения труда на формирование национальной инновационной системы //

Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – Т. 9. – № 4 (193). – С. 24-29.

14. Свистула И.А., Пермякова Е.С., Сычева И.Н. Евразийская интеграция в развитии экономики трансграничных территорий: теория, методология, практика. Барнаул: Азбука, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2021. – 201 с.

15. Трещенков Е.Ю., Мещеряков К.Е. Евразийская интеграция и Россия. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2014. – 258 с.

16. Утаров К.А. О понятии незаконного оборота промышленной продукции в Евразийском экономическом Бсоюзе // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 88-94.

17. Филатова Т.В., Цороева З.Б., Мосаева С.Р. Международное разделение труда и его значение в экономике // Вестник Академии. – 2014. – № 1. – С. 79-83.

Рахманова Е.Н.

Эволюция понятия *Mens Rea* в международном уголовном праве

Принцип международного правосудия, заключенный в максиме *actus non facit reum nisi mens sit rea* (действие не делает виновным, если не виновна мысль), лежит в основе современного международного уголовного права, предусматривающего ответственность только за виновно совершенное деяние.

Субъективное (ментальное) отношение к совершенному деянию традиционно обозначается термином *mens rea*. Но «содержание *mens rea* не тождественно привычным для российской юридической мысли понятиям «вина» или «субъективная сторона преступления». ... Дословный и однозначный перевод латинского выражения «*mens rea*» на русский язык крайне затруднителен, поскольку этот термин имеет не только юридическую, но и некую морально-философскую трактовку»¹¹⁹.

С философской точки зрения *mens rea* – это состояние вины, которое человек испытывает, совершая преступление, а с правовой – отсутствие в преступном деянии вины исключает уголовную ответственность или является основанием освобождения от нее¹²⁰.

---

¹¹⁹ Галиакбаров Р.Р. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. – 2019. – № 3(69). – С. 41.

¹²⁰ Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключющие ответственность, в современном международном уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 126.

В первых современных документах международного уголовного права – Уставах Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Устав Нюрнбергского трибунала) и Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (Устав Токийского трибунала) содержание *mens rea* не раскрывалось. На суды были возложены широкие дискреционные полномочия в том числе для того, чтобы урегулировать природу *mens rea* в отношении преступлений, входящих в их юрисдикцию. Не случайно во время процесса состоялась дискуссия о толковании *mens rea*, когда подсудимые пытались отрицать знание масштабов вменяемых им преступлений и использовали для защиты ссылки на приказы вышестоящих лиц¹²¹. Но Нюрнбергский трибунал дал ясно понять, что «один Гитлер не мог вести агрессивной войны. Он нуждался в сотрудничестве со стороны государственных деятелей, военных лидеров, дипломатов и дельцов. И когда они, зная о его целях, начали сотрудничать с ним, они сделали себя участниками того плана, который он создал. Их нельзя считать невиновными лишь потому, что Гитлер использовал их, если они знали, что делали. Тот факт, что они получали задания от диктатора, не избавляет их от ответственности за совершенные ими действия...»¹²².

С тех пор международное уголовное право так и не сформулировало точного определения *mens rea*, несмотря на то что «речь идет о концепции, которая опирается на классическое понимание умысла как отрицательного отношения человека к конкретным ценностям»¹²³. Ни в Уставе Трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), ни в Уставе Трибунала по Руанде (МУТР) его содержание не раскрывается, толкование предоставлено судам для каждого конкретного случая, поскольку установление наличия в деянии не только материальных (*actus rea*), но и ментальных (*mens rea*) элементов состава преступления, признается общим принципом права¹²⁴.

---

¹²¹ Рубцов Ю.В. Приговор Нюрнберга: за преступные приказы несут ответственность не только их авторы, но и исполнители // На пороге войны. 1939 год: материалы Международной научной конференции, Москва, 13-16 сентября 2019 года / Российское военно-историческое общество, Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР), Институт военной истории Академии Генерального штаба ВС РФ. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Яуза-каталог», 2020. – С. 343–346.

¹²² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8 т. Т. 8. / Сост., автор предисл., отв. ред. Н.С. Лебедева. – М.: Юрид. лит., 1999. – С. 609, 612

¹²³ Кораблёва С.Ю. Личный вклад в достижение преступного результата как ограничение концепции вины в международном уголовном праве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2022. – Вып. 1 (842). – С. 138

¹²⁴ Верле Г. Принципы международного уголовного права: учебник / пер. с англ. С.В. Саяпина. – М.: ТрансЛит, 2011 – С. 201.

В результате подход к формулировке в довольно общих и не очень конкретных терминах сохранился и сегодня, что породило применение международными судами зачастую непоследовательных и несоответствующих друг другу терминов.

Если говорить о понимании *mens rea*, то, прежде всего, следует кратко раскрыть содержание данного понятия в системах общего (англосаксонского) и континентального (романо-германского) права. Тем более, что суды в своих решениях зачастую проводят сравнение правовых школ и систематический анализ международной и национальной судебной практики¹²⁵.

Степень акцента на виновность как на существенный элемент уголовной ответственности при установлении характера и строгости наказания является фактором, разделяющим уголовное правосудие общего и континентального права. Последнее в отличие от общего права довольно догматично и тщательно формулирует элементы, составляющие преступление в целом, четко классифицируя конкретные составы преступлений. Англо-американский подход, наоборот, не стремится к единообразию и кажется более казуистичным по сравнению с континентальным правом.

В общем праве термин *mens rea* означает «релевантный для целей уголовного права заслуживающий морального порицания настрой ума деятеля, характеризующийся намеренностью, неосторожностью или небрежностью по отношению к объективным элементам совершенного преступного деяния»¹²⁶. Так, в английском уголовном праве преступление считается совершенным с прямым умыслом или намеренно, если наступивший результат является целью исполнителя; и с косвенным умыслом, если у исполнителя было предвидение того, что результат вполне вероятен вследствие его действий¹²⁷.

Безрассудство (преступное легкомыслие) – другая форма *mens rea*, известная общему праву. Речь идет о предвидении риска и неоправданном или необоснованном принятии этого риска. Именно это отличает его от намерения. При этом разные страны данной правовой системы по-разному оценивают уровень безрассудства. Австралийское уголовное законодательство требует осознания «существенного риска»¹²⁸, в то время как Примерный уголовный кодекс США – сознательного игнорирования «существенного и

---

¹²⁵ Правовая защита во время войны. В 4-х томах. Т. 4 Часть III: Прецеденты и документы/Марко Сассоли и Антуан Бувье при участии Сьюзан Карр, Линдсей Кэмерон и Томаса де Сен-Мориса. – М., Международный комитет Красного Креста, 2009.

¹²⁶ Есаков Г.А. *Mens Rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: Историко-правовое исследование – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 551 с.

¹²⁷ Jefferson M.M.A. *Criminal law*. 9th ed. – Pearson Education Limited. – 2009. – P. 109.

¹²⁸ Australian Criminal Code, Section 5.4. // – URL: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/cca1995115/sch1.html (Дата обращения: 06.05.2023 г.)

неоправданного риска»¹²⁹, а в английском праве достаточно предвидения любого риска¹³⁰. Иногда безрассудство также включает в себя отсутствие мысли об очевидном и неоправданном риске (умышленная слепота).

Концепция умышленной слепоты, относящаяся к теории общего права, подразумевает, что человек намеренно предпочитает не выяснять или не знать истинное положение дел. В канадском деле «Регина против Финта» отмечалось, что «требование наличия вины в отношении как преступлений против человечности, так и военных преступлений будет соблюдено, если будет установлено, что обвиняемый умышленно не замечал факты или обстоятельства, в результате которых его или ее действия подпадают под действие положений об этих преступлениях»¹³¹.

Умышленная слепота, как указывается в Примерном уголовном кодексе США, равносильна знанию¹³². Само понятие указывает на то, что виновный должен знать, что противоправные деяния совершаются или вероятность того, что они могут быть совершены, либо понимать последствия, ради которых он должен взять на себя ответственность. Умышленная слепота явный признак либо косвенного умысла, либо безрассудства. Соответственно, лицо может быть привлечено к ответственности в тех случаях, когда этих признаков вины будет достаточно для ее установления. Умышленная слепота имеет особое значение в случае ответственности командира за преступления, подпадающие под юрисдикцию международных уголовных судов, совершенные силами, находящимися под его фактическим командованием.

Названные формы *mens rea* считаются субъективными, что отличает их от преступной небрежности – третьей формы *mens rea*.

В ситуации преступной небрежности лицо неосознанно идет на риск, не хочет его, не знает о нем, действует небрежно и не желает причинить вред¹³³. Указанная форма считается объективной: лицо привлекается к ответственности, поскольку оно проявило преступную небрежность.

В свою очередь, в континентальном праве четче различаются умысел и неосторожность. Этот подход свойственен практически всем странам континентальной школы. При этом умысел виновного должен охватывать все элементы объективной стороны и подразделяется на три формы в зависимости от

---

¹²⁹ Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект Института американского права: Перевод с английского / Под ред.: Никифоров Б.С. (Предисл.); Пер.: Никифоров А.С. – М.: Прогресс, 1969. – С.48-50.

¹³⁰ R. v. Parker [1977] 1 WLR 600 (CA) // – URL: <https://lawprof.co/criminal-law/general-part-cases/r-v-parker-1977-1-wlr-600/> (Дата обращения: 06.05.2023 г.).

¹³¹ R. v. Finta, Supreme Court of Canada, 24 March 1994, 819 // – URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/1124/1/document.do> (Дата обращения: 10.05.2023 г.).

¹³² Примерный уголовный кодекс США. – С. 48-50.

¹³³ Jefferson M.M.A. Op cit.

наличия или отсутствия желания вызвать вредные последствия, вытекающие из действия или бездействия.

Первый – *dolus directus* первой степени или умысел в узком смысле. В целом, он соответствует пониманию прямого умысла в общем праве.

Второй – *dolus directus* второй степени: обвиняемый безразлично относится к результату своего поведения, но, в принципе, осознает, какие могут быть последствия. Это похоже на косвенный умысел в общем праве, но не требует предвидения фактической определенности.

Третий – *dolus eventualis*, наиболее спорный из перечисленных. Считается, что о нем речь может идти, когда лицо предвидит последствия, отличные от желаемых, как возможность (включая вероятность наступления последствий), и, тем не менее, их совершает. Следует при этом отметить, что *dolus eventualis*, например, предусмотрен в рамках умышленной вины в уголовном законодательстве Германии¹³⁴, но отсутствует во французском.

Dolus eventualis необходимо отличать от небрежности. В первом случае лицо предвидит, что последствия могут наступить в результате противоправного деяния; а в случае небрежности лицо не предвидит этих последствий, но как разумное лицо должно было бы предвидеть возможность их наступления.

В англо-саксонском праве *dolus eventualis* обычно определяется как проявление вины в случаях, когда правонарушитель действовал «безрассудно» в отношении нежелательных последствий своего деяния, в результате чего различие между *dolus eventualis* и небрежностью стирается.

Как видно из вышеизложенного, в правовых системах и даже между национальными законодательствами, принадлежащими к одной правовой системе, существуют разные точки зрения на то, что входит в *mens rea*, что, в свою очередь, находит свое отражение и в международном уголовном праве. И это вполне понятно, поскольку на судей из разных стран, работающих в международных судах и трибуналах, влияет, в том числе и то, как понятие уголовного права определяется и понимается в их правовых системах и законодательстве.

Возвращаясь к развитию концепции *mens rea* в международном уголовном праве, следует отметить, что Уставы МТБЮ и МУТР, так же как Нюрнбергский и Токийский, не содержат определения вины. Некоторые судьи использовали термины общего права, такие как «прямой умысел», «косвенный умысел», «безрассудство», в то время как другие придерживались терминов континентального права, такие как, например, «*dolus directus*» или «*dolus*

---

¹³⁴ Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной республики Германия – *Strafgesetzbuch (Stubs)*: Научно-практический комментарий и перевод текста закона – *Universität Verlag Potsdam*. – 2021. – С. 84

eventualis. Хотя сразу следует оговорить, что влияние англо-американских представлений о субъективном элементе преступления больше повлияло на МТБЮ, чем на МУТР. Единственный состав преступления, в котором прямо указывается умышленная вина – это геноцид, применительно ко всем остальным составам преступления, на которые распространяется юрисдикция МТБЮ и МУТР, вопрос о формах вины и мотивах совершения преступления решается только судом.

Но анализируя решения судов, не всегда легко понять, как именно ими интерпретируется намерение или умысел. Также не всегда легко определить, что суды считают альтернативой прямому умыслу, поскольку они не проводят четких границ между намерением и безрассудством.

Так, в заключении Судебной палаты МТБЮ по делу Т. Блашкича, говоря о серьезных нарушениях Женевских конвенций (ст. 2 Устава МТБЮ), Суд указывает, что «по мнению Судебной камеры, *mens rea* ... включает как умысел, так и неосторожность, которые можно приравнять к серьезной преступной халатности»¹³⁵. Поскольку вывод о применимом стандарте *mens rea* был неточным и неопределенным, Апелляционная камера была вынуждена остановиться на анализе содержания *mens rea* применительно к отдельным статьям Устава МТБЮ. В частности, рассматривая субъективную сторону, вменяемых Блашкичу преступлений против человечности, Апелляционная камера указала, что «когда подсудимый имеет необходимое намерение совершить лежащее в их основе правонарушение (правонарушения), вменяемое ему в вину, и когда он знает, что происходит нападение на гражданское население и что его действия составляют часть этого нападения»¹³⁶ речь идет о прямом умысле. Но далее суд утверждает, что подсудимый необязательно должен разделять цель или задачи нападения. Также неважно, планировал ли он направить свои действия против всего пострадавшего населения или только против своей жертвы. «Нападение, а не действия подсудимого, должно быть направлено против пострадавшего населения, а подсудимый только должен знать, что его действия являются частью такого нападения. Самое большее, доказательства того, что он совершил свои действия по исключительно личным мотивам, могут указывать на вполне опровержимое предположение, что он не сознавал, что его действия являются частью этого нападения»¹³⁷.

В другом же деле – деле Челебичи – защита, основываясь на положениях английского права, утверждала, что умысел не включает безрассудство. Но

---

¹³⁵ Прецедент № 185, МТБЮ, «Обвинитель против Блашкича» // Правовая защита во время войны. – С. 256.

¹³⁶ Там же. – С. 276.

¹³⁷ Там же. – С. 277.

Судебная палата, сославшись на Комментарий Ива Сандоса и др.¹³⁸ к Дополнительному Женевскому протоколу 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемуся жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), который прямо указывает на безрассудство как элемент умысла в «умышленном убийстве», рассмотрела термин общего права «прямой умысел» и понятие *dolus eventualis*, основываясь на положениях континентального права в свете требований *mens rea* в общем праве (которое обычно включает безрассудство и осознание вероятности) и закона в континентальном праве (где имеют значение предсказуемость и возможность смерти). В итоге Судебная палата установила, что *mens rea* для умышленного убийства присутствует «... когда доказано намерение со стороны обвиняемого убить или причинить тяжкие телесные повреждения по неосторожному пренебрежению к человеческой жизни»¹³⁹.

В свою очередь, Судебная камера МТР в деле Ж.-П. Акайесу определила ментальный элемент убийства следующим образом: «убийство имеет место, если причиной смерти являются действия, совершаемые с намерением вызвать смерть»¹⁴⁰.

Приведенные выше позиции судов *ad hoc* показывают, что они признают умысел и безрассудство для убийства как необходимые стандарты *mens rea*. Но, полагаем, что включение безрассудства в них представляется неудачным, поскольку это значительно снижает порог *mens rea* для международных преступлений. Очевидно, что сама формулировка преступления как умышленного убийства уже предполагает наличие умышленной вины.

Но проблема в данном случае в том, что в основе решений лежат положения теории общего права. Так, в деле Прокурор против Стакича, указывалось, что как *dolus directus*, так и *dolus eventualis* достаточны для установления убийства. Французским и немецким законодательствами стандартная форма убийства (*meurtre*, *Totschlag*) определяется как преднамеренное убийство другого человека. Для немецкого закона *dolus eventualis* достаточно, чтобы квалифицировать умышленное убийство. Техническое определение *dolus eventualis* следующее: если лицо проявляет опасное для жизни поведение и «примиряется» с вероятностью смерти, убийство становится преднамеренным. Таким образом, убийство, совершенное с «явным безразличием к ценности

---

¹³⁸ Yves Sandoz et al. (1986) Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, International Committee of the Red Cross // – URL: <https://www.legal-tools.org/doc/6d222c/> (Дата обращения: 28 апреля 2023 г.).

¹³⁹ The Prosecutor v. Zejnir Delalic, Zdravko Mucic (a/k/a/ «Pavo»), Hazim Delic, Esad Landzo (a/k/a «Zenga») Case No. IT-96-21-T // – URL: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/jud_supplement/supp1-e/celebici.htm (Дата обращения: 28 апреля 2023 г.).

¹⁴⁰ Прецедент № 200 МУТР «Обвинитель против Жан-Поля Акайесу» // Правовая защита во время войны. – С. 539.

человеческой жизни», даже с минимальным риском можно квалифицировать как умышленное убийство. «Крупномасштабные убийства, которые можно было бы классифицировать как убийство по неосторожности в Соединенных Штатах будут соответствовать континентальным критериям *dolus eventualis*. Судебная палата подчеркивает, что понятие *dolus eventualis* не включает стандарт небрежности или грубой небрежности»¹⁴¹.

В то же время сравнительный анализ материального уголовного общего и континентального права свидетельствует об обратном. Безрассудство действительно менее опасно, чем намерение, в то время как *dolus eventualis* является формой намерения, хоть и в слабом его проявлении. Неправильное понимание взаимосвязи между ними коренится в сходстве когнитивного элемента предсказуемости, которое имеет отношение к обоим состояниям *mens rea*. Во многом это произошло из-за использования пересекающихся концепций общего и континентального права.

Международные уголовные суды столкнулись также с серьезными проблемами при доказывании наличия умысла в ситуациях, когда лицо физически не причастно к совершению преступления. Впервые этот вопрос рассматривался МТБЮ в знаменитом деле Д. Тадича, которого обвиняли в убийстве пяти человек, хотя отсутствовали доказательства того, что он лично убил кого-либо из них. В результате Апелляционная палата сформулировала стандарт *mens rea*, указав, что лицо, которое способствует совершению преступления группой или ее членами ради достижения общей преступной цели, должно быть привлечено к уголовной ответственности. Применяя понятие «общая цель», Апелляционная камера пришла к выводу, что Судебная камера должна признать обвиняемого виновным в соответствии со статьей 7(1) Устава МТБЮ¹⁴².

Помимо намерения (психическое отношение), понятие знания (интеллектуальный момент) долгое время истолковывалось в судебной практике международных уголовных судов с учетом знания лицом контекста, в котором совершались геноцид, военные преступления и преступления против человечности. В деле Прокурор против Тадича Судебная камера указала, что «если преступник знает... контекст ... этого достаточно, чтобы привлечь его к ответственности за преступления против человечности»¹⁴³. Подобные формулировки впоследствии повторялись почти во всех делах, касающихся преступлений против человечности, но при этом не было предпринято никаких усилий, чтобы определить точное значение «конструктивного знания», может ли оно

---

¹⁴¹ The Prosecutor v. Milomir Stakic, para 587 – Case No. IT-97-24-T // – URL: <https://www.legal-tools.org/doc/32ecfb/pdf> (Дата обращения: 28 апреля 2023 г.).

¹⁴² The Prosecutor v. Dusko Tadic – Case No. IT-94-1-A // – URL: https://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/jud_supplement/supp6-e/tadic.htm (Дата обращения: 28 апреля 2023 г.).

¹⁴³ Там же.

являться неотъемлемой частью умысла хотя бы только в форме предвидения возможных или вероятных последствий.

В отличие от Уставов МТБЮ и МУТР Римский статут Международного уголовного суда содержит ст. 30, согласно которой «если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно» (ч. 1 ст. 30)¹⁴⁴.

Казалось бы, международное сообщество пришло к общему пониманию *mens rea*, но специалисты до сих пор расходятся во мнениях относительно точного значения умысла в соответствии со статьей 30. В частности, высказываются мнения, что ст. 30 Статута охватывает не все варианты субъективных элементов международных преступлений. Некоторые считают, что она охватывает три категории *dolus*, а именно *dolus directus* первой и второй степени и *dolus eventualis*. Другие, напротив, утверждают, что прямое значение названной статьи ограничивается *dolus directus* первой степени (*intenti stricto sensu*) и *dolus directus* второй степени (косвенное или косвенное намерение)¹⁴⁵. В свою очередь, профессор У. Шабас, известный специалист в области международного права, пишет, что статья 30 Римского статута не только сбивает с толку и двусмысленна, но и лишняя, поскольку по его мнению судьи Международного уголовного суда также, как и их коллеги в МТБЮ, в случае необходимости и так легко бы поняли субъективный элемент преступлений¹⁴⁶.

Данную ситуацию подтвердила дискуссия о первом деле МУС по обвинению Т. Лубанги, в котором толкование умысла осуществлялось в соответствии с немецкой доктриной вины в уголовном праве¹⁴⁷.

Нельзя также забывать, что положения ст. 30 Римского статута имеют ограниченную сферу действия, поскольку распространяются только на преступления, подпадающие под юрисдикцию международного уголовного суда.

Завершая краткий анализ эволюции понятия *mens rea* в современном международном уголовном праве, следует признать, что в его развитии в

---

¹⁴⁴ Римский статут Международного уголовного суда (с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года.) // – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (Дата обращения: 28 апреля 2023 г.).

¹⁴⁵ Badar, M. E. (2008) *The mental element in the Rome Statute of the International Criminal Court: a commentary from a comparative criminal law perspective*// *Criminal Law Forum*. Vol. 19. No. 3-4. Springer Netherlands, P. 473 – URL: <https://core.ac.uk/reader/338390> (Дата обращения: 30.04.2023)

¹⁴⁶ Schabas, William A. (2002-2003) *Mens rea and the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia*. *New England Law Review*, Vol. 37, Issue 4. P. 1024

¹⁴⁷ Кораблева С. Ю. Указ. соч. - С. 138

полной мере отразилась особенность международного уголовного права, которое представляет собой своеобразную смесь правовых традиций континентального и общего права, правда, при отсутствии механистического переноса уголовно-правовых концепций в теорию международного уголовного права. И хотя международные суды и трибуналы внесли серьезный вклад в толкование *mens rea*, правовое понятие *mens rea* до сих пор нельзя признать полностью урегулированным. Необходимо более конкретное определение *mens rea*, не изменяющееся и не трансформирующееся в зависимости от правовых систем и сложившейся судебной практики.

Список литературы:

1. Верле Г. Принципы международного уголовного права: учебник / пер. с англ. С.В. Саяпина. Феникс, М.: ТрансЛит, 2011. – 910 с.
2. Галиакбаров Р.Р. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. – 2019. – № 3(69). – С. 37-44.
3. Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной республики Германия – *Strafgesetzbuch (Stubs)*: Научно-практический комментарий и перевод текста закона – *Universität Verlag Potsdam*. 2021. – 451 с.
4. Есаков Г.А. *Mens Rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: Историко-правовое исследование – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 551 с.
5. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключаящие ответственность, в современном международном уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 124-128.
6. Кораблева С.Ю. Личный вклад в достижение преступного результата как ограничение концепции вины в международном уголовном праве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2022. – Вып. 1(842). – С. 136-141.
7. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 8 т. Т. 8. / Сост., автор предисл., отв. ред. Н.С. Лебедева. – М.: Юрид. лит., 1999. – 792 с.
8. Правовая защита во время войны. В 4-х томах. Т. 4 Часть III: Прецеденты и документы / Марко Сассоли и Антуан Бувье при участии Сьюзан Карр, Линдсей Кэмерон и Томаса де Сен-Мориса. – М., Международный комитет Красного Креста, 2009. – 908 с.
9. Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права: Перевод с английского / Под ред.: Никифоров Б.С. (Предисл.); Пер.: Никифоров А.С. – М.: Прогресс, 1969. – 303 с.

10. Рубцов Ю.В. Приговор Нюрнберга: за преступные приказы несут ответственность не только их авторы, но и исполнители // На пороге войны. 1939 год: материалы Международной научной конференции, Москва, 13-16 сентября 2019 года / Российское военно-историческое общество, Государственный центральный музей современной истории России (ГЦМСИР), Институт военной истории Академии Генерального штаба ВС РФ. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Яуза-каталог», 2020. – С. 343-346.
11. Badar M.E. (2008) The mental element in the Rome Statute of the International Criminal Court: a commentary from a comparative criminal law perspective // Criminal Law Forum. – Vol. 19. – № 3-4. – Pp. 473-518. – URL: <https://core.ac.uk/reader/338390> (Дата обращения: 30.04.2023 г.).
12. Jefferson M.M.A. Criminal law (2009). 9th ed. – Pearson Education Limited. – 712 p.
13. Schabas W.A. (2002-2003) Mens rea and the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia // New England Law Review. – Vol. 37. – Issue 4. – Pp. 1015-1036.
14. Yves Sandoz et al. (1986) Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. International Committee of the Red Cross // – URL: <https://www.legal-tools.org/doc/6d222c/> (Дата обращения: 28.04.2023 г.).

РАЗДЕЛ II. МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Скоробогатов А.В.

Мемориальное законодательство как экспликация «мест памяти»

Проблемы политики памяти и мемориального законодательства, являющегося средством позиционирования официальной политики памяти, были актуализированы в 1980-х гг. и связаны как с переходом к постклассической рациональности в гуманитарных науках, так и с трансформацией ценностных оснований политического и правового развития по всему миру, вызванной крушением мировой системы социализма. Однако если исследования политики памяти все больше приобретают интегративный характер, то изучение мемориального законодательства преимущественно осуществляется в рамках юрпозитивистской парадигмы¹⁴⁸. Но, как показывает опыт «борьбы с памятниками» в странах Восточной и Центральной Европы, особенно в последние годы¹⁴⁹, интерпретация мемориального законодательства исключительно в догматическом смысле не позволяет определить его роль в развитии и функционировании правовой и социальной реальности. Это ставит на повестку дня необходимость разработки нового методологического инструментария, который позволяет исследовать мемориальное законодательство в общем контексте правовой эволюции.

Одним из наиболее перспективных методологических подходов к исследованию мемориального законодательства, позволяющим поднять его на уровень междисциплинарной интеграции, нам представляется концепция «мест памяти», разработанная французским историком Пьером Нора¹⁵⁰. Ориентируясь на достижения Школы Анналов, он определяет места памяти как феномены коллективной памяти, которые формируют идентичность определенного сообщества и служат основой для его самоопределения. При этом категорию места он рассматривает не в географическом, а в социальном контексте, включая в него культурные артефакты (феномены), независимо от формы их выражения, которые являются носителем коллективных представлений о прошлом и исследование которых ориентировано не на реконструкцию прошлого, а на

---

¹⁴⁸ Kopolov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – XVI. – 321 p.

¹⁴⁹ Dobrescu C. Recognition and Secularisation: Memorialising Mass Exterminations in Western and Eastern Europe // Kulas P., Waśkiewicz A., Krawczyk S. *Understanding Recognition: Conceptual and Empirical Studies*. New York: Routledge, 2023. – P. 163-180.

¹⁵⁰ Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // *Representations*. 1989. No. 26 (Spec. Iss.): Memory and Counter-Memory. – P. 7-24.

деконструкцию воспоминаний о нем¹⁵¹. Места памяти являются символами, которые кристаллизуют национальную идентичность, определяя ее границы пространственно, темпорально и персонально¹⁵².

Данное определение, по нашему мнению, охватывает и мемориальное законодательство, легализующее коллективные представления об историческом прошлом в определенном пространственно-временном континууме. Однако мемориальное законодательство, эксплицируя места памяти, не остается неизменным, статичным фиксатором прошлого. Оно развивается в соответствии с общими закономерностями социально-культурной эволюции и отражает изменение отношения к прошлому всех участников социальной коммуникации. Примером может служить Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России»¹⁵³, первая редакция которого была принята 13.03.1995 г., а последние изменения были внесены в 29.12.2022 г. Политическая элита, выступая адресантом коммуникации, одновременно придает местам памяти, сконструированным в социальном сознании, официальный статус и, транслируя их адресату, обеспечивает их устойчивое бытование как средства национальной идентификации. Благодаря формализации мест памяти в законодательстве они приобретают черты репрезентации прошлого. Однако речь при этом идет не только о формальном закреплении в законодательстве имен, дат и событий, имеющих памятное значение, но и об усилении символического аспекта национальной памяти, проявляющегося в т.ч. в ритуалах и церемониях. Так, 29.12.2022 г. в указанный выше закон была внесена поправка, касающаяся использования георгиевской ленты при проведении торжественных мероприятий мемориального характера¹⁵⁴.

Места памяти могут символизировать как триумф (героическое прошлое, достойное прославления и гордости), так и травму (трагическое прошлое, требующее покаяния)¹⁵⁵. Если первый вариант традиционно присутствует в социальной памяти российского народа и активно проводится в мемориальном законодательстве и политике памяти¹⁵⁶, то второй, изначально

---

¹⁵¹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – С. 26.

¹⁵² Там же. – С. 25.

¹⁵³ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 13.03.1995. – № 11. – Ст. 943.

¹⁵⁴ Федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 26.

¹⁵⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

¹⁵⁶ Подробнее см.: Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный

возникший в послевоенной Германии как реакция на нацистские преступления¹⁵⁷, в последние десятилетия получил распространение в государствах Центральной и Восточной Европы в качестве ответа на социалистическое прошлое. Однако здесь этот вариант социальной памяти был существенно трансформирован путем включения в него виктимного элемента. Следствием этого стало конструирование места памяти как «травмы и жертвы», требующее раскаяния прежней политической элиты не только доктринально, но и нормативно¹⁵⁸.

Особенно ярко эта тенденция проявилась на постсоветском пространстве, где мемориальное законодательство стало средством осуждения советского прошлого и наказания лиц, принимавших участие в его реализации¹⁵⁹. Однако приведенные примеры являются крайними полюсами политики памяти. На практике мифомоторика конструирования национальной идентичности действует между этими двумя полюсами¹⁶⁰, создавая интегрированные места памяти, сочетающие в себе и травму, и триумф. Примером может служить закрепление в законодательстве «Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов (1945 год)»¹⁶¹, который в социальной памяти сохранился как «праздник со слезами на глазах»¹⁶².

Новый этап «столкновения цивилизаций», развернувшийся в условиях специальной военной операции, существенно обострил аксиологический компонент национальной безопасности. На повестку дня поставлено сохранение российской национальной идентичности как условия существования российского общества. В этих условиях государство должно использовать все возможные доктринальные, институциональные и нормативные средства для сохранения и укрепления российской идентичности. Осознание актуальности этой проблемы нашло отражение в обновленной

конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб.: СПбГУП, 2022. – С. 446-448.

¹⁵⁷ Breuer L. *Kommunikative Erinnerung in Deutschland und Polen: Täter- und Opferbilder in Gesprächen über den Zweiten Weltkrieg*. Wiesbaden: Springer VS, 2015. – VIII. – 313 s. DOI: 10.1007/978-3-658-08320-5.

¹⁵⁸ Nadkarni M. *Remains of Socialism: Memory and the Futures of the Past in Postsocialist Hungary*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2020. – 252 p.

¹⁵⁹ Budrytė D. *Memory, War, and Mnemonical In/Security: A Comparison of Lithuania and Ukraine* // Resende, E., Budrytė, D., Buhari-Gulmez, D. (eds) *Crisis and Change in Post-Cold War Global Politics*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 155-177. DOI: 10.1007/978-3-319-78589-9_7.

¹⁶⁰ Giessen V. *Triumph and Trauma*. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. – 208 p.

¹⁶¹ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 13.03.1995. – № 11. – Ст. 943.

¹⁶² Данилова Е.А., Суляк С.Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы в России // Русин. 2021. № 66. – С. 248-282.

Стратегии национальной безопасности¹⁶³ и развивающих ее в ценностном контексте Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹⁶⁴, где обеспечение культурной безопасности связано с сохранением традиционных ценностей.

Существенно меньше доктринального внимания уделяется другому социокультурному вектору поддержания российской идентичности. Мы имеем в виду интерпретативный потенциал политики памяти и мемориального законодательства как ее важнейшего компонента, которые позволяют не только апроприировать ценностные, в т.ч. символические, структуры памяти, но и сконструировать фреймы социальной памяти, определяющие исторические границы национальной идентичности. Как показано в работах П. Нора на примере Франции, утрата единой национальной памяти и формирование множества локальных видов памяти сопровождается фрагментацией единой истории страны и ведет к кризису национальной идентичности¹⁶⁵. Эта ситуация была характерна и для нашей страны в 1990-е гг. В этом смысле мемориальное законодательство способно оказать противодействие подобной тенденции, эксплицируя места памяти, которые получили наиболее широкое социальное распространение, и придавая им официальный статус.

Конструирование государством фреймов памяти является завершающим процессом формирования мест памяти, легитимируя конвенциональный результат горизонтальной социальной коммуникации, связанной с рефлексией, коммеморацией и номинацией духовных и материальных носителей образа прошлого в сознании социума. При этом происходит синтез индивидуальных памятей в коллективную. По словам М. Хальвбакса, социальная память возникает в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний¹⁶⁶. Однако речь идет не о механическом объединении множества индивидуальных памятей (или памятей реальных и номинальных социальных

---

¹⁶³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (Ч. 2). – Ст. 5351.

¹⁶⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

¹⁶⁵ Нора П. Как писать историю Франции? // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – С. 66-94.

¹⁶⁶ Подробнее о концепции социальной памяти М. Хальвбакса см.: Хальвбакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

групп), являющихся хронологическим отражением прошлого, а о достижении компромисса, выражающего темпоральные представления о прошлом нации¹⁶⁷. Для социума важны те факты, имена и события прошлого, которые имеют значение для конструирования социальной и правовой реальности в настоящем, оказывая воздействие на сознание и поведение большинства субъектов права. С этим связано большое внимание, уделяемое в политике памяти мировым войнам как мемориальным маркерам¹⁶⁸. Конструируемые при этом фреймы памяти определяют ценностные границы социальной идентификации.

Конституируя места памяти путем номинации в законодательстве, политическая элита как адресант коммуникации создает информацию, трансляция которой должна служить ценностной основой правомерного поведения индивида. Воспроизводя в своем поведении данную информацию или совершая иные действия, основанные на ней, адресат заявляет о своей приверженности определенной системе правовых ценностей, что позволяет ему идентифицировать себя с обществом. При этом участие в коммеморативных практиках как функциональной экспликации политики памяти и мемориального законодательства позволяет индивиду придать своей идентификации не только перспективный, но и ретроспективный вектор адаптации в определенном пространственно-временном континууме, детерминированный социальной интерпретацией мест памяти.

Благодаря фреймированию памяти, коммеморативные практики приобретают целенаправленный характер. Восприятие таких событий в обществе является, по словам И. Гофмана, фоновым¹⁶⁹, обеспечивается укоренением фреймов на уровне правовой ментальности. Это достигается не только трансляцией фреймов вербально, но и использованием элементов культуры соучастия при проведении церемониальных мероприятий мемориального характера. Такие мероприятия могут быть как стихийными, хотя и получившими государственную поддержку (примером служит акция «Бессмертный

---

¹⁶⁷ Термин «нация» используется нами в смысле «политической нация» Б. Андерсона не только как совокупность граждан определенного государства, но и как люди, позиционирующие ценностную принадлежность к данной группе даже при отсутствии формального гражданства (См.: Anderson B. *Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Rev. ed. London, New York: Verso, 2006. – XVI. – 240 p.). Примером может служить понятие «русский мир».

¹⁶⁸ Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. – Т. 17. – № 6. – С. 5-15. DOI 10.12737/jflcl.2021.061.

¹⁶⁹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 82.

полк»¹⁷⁰), так и целенаправленно организованными государством для вовлечения человека в коммеморативные практики (примером является поднятие в школах государственного флага¹⁷¹).

Благодаря закреплению в законодательстве, места памяти маркируют публичное правовое пространство, в рамках которого национальная культурная матрица приобретает не только легитимный, но и легальный характер. Глорифицируя даты, имена и события, которые в социальном представлении оказали наибольшее ретроспективное воздействие на содержание и функционирование социальной реальности, законодательство нормативно закрепляет символическое значение ценностных ориентиров определенного сообщества, которые не только показали свое аксиологическое значение для сохранения национальной идентичности в историческом разрезе, но и являются необходимым средством обеспечения национальной безопасности в современных условиях.

Глорифицированные мемориальным законодательством места памяти служат мемориализации и коммеморации определенных исторических событий, в которых приобрела воплощение борьба за сохранение и укрепление ценностей определенного социума.

Мемориальное законодательство в силу аксиологической специфики мест памяти, вербализацией которых оно является, имеет не столько пространственное действие, сколько персональное. При этом оно приобретает сакральный характер, что сближает его с религиозным правом. Главным для соблюдения норм мемориального законодательства становится не гражданство и проживание на территории определенного государства, а исповедование определенной системы ценностей. Примером может служить память о Великой Отечественной войне, получившая фреймирование в российском законодательстве, но разделяемая не только в нашей стране, но и в других странах.

По словам П. Нора, места памяти проявляются в трех смыслах: материальном, символическом и функциональном¹⁷², в соответствии с которыми мемориальные законы можно разделить на три группы: материальные, символические и функциональные.

---

¹⁷⁰ Береснев В.Д., Береснева Н.И. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 1. – С. 67-74. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-67-74.

¹⁷¹ Письмо Минпросвещения России от 15.04.2022 № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации» (вместе с Методическими рекомендациями «Об использовании государственных символов Российской Федерации при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления») // Вестник образования России. – 2022. – № 13. – С. 12-40.

¹⁷² Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. No. 26 (Spec. Iss.): Memory and Counter-Memory. – P. 19.

Первую группу составляют нормативные правовые акты, связанные с номинацией топонимических объектов как мест памяти, и акты о создании комплексных мест памяти, под которыми мы понимаем архивы, музеи и иные места памяти, предназначенные для сохранения и экспозиции мест памяти второго порядка. Примером первого вида законов может служить Указ Президента РФ от 26.05.2021 г. № 319 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством»¹⁷³. Ко второму виду можно, например, отнести Федеральный закон от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»¹⁷⁴.

Ко второй группе относятся нормативные правовые акты, как связанные с определением роли символов в конструировании мест памяти, так и посвященные символическим аспектам политики памяти. В качестве примера нормативных правовых актов первого вида можно назвать Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 г. № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации»¹⁷⁵, а также Федеральный закон от 13.03.1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»¹⁷⁶. Второй вид представлен, например, Федеральным законом от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 - 1945 годов»¹⁷⁷.

Третью группу составляют нормативные правовые акты, направленные на определение и характеристику функций государства по сохранению мест памяти. К ним относятся, во-первых, нормативные правовые акты, устанавливающие ответственность за высказывания и(или) действия в отношении прошлого, которые не соответствуют официальной политике памяти (ст. 354.1 УК РФ¹⁷⁸, устанавливающую ответственность за реабилитацию нацизма, и ч. 4 и

---

¹⁷³ Указ Президента РФ от 26.05.2021 № 319 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» // Собрание законодательства РФ. 31.05.2021. – № 22. – Ст. 3806.

¹⁷⁴ Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 27.05.1996. – № 22. – Ст. 2591.

¹⁷⁵ Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О Государственном флаге Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2000. № 52 (Ч. 1). – Ст. 5020.

¹⁷⁶ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 13.03.1995. – № 11. – Ст. 943.

¹⁷⁷ Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» // Собрание законодательства РФ. 22.05.1995. – № 21. – Ст. 1928.

¹⁷⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

4.1 ст. 13.15. КоАП РФ¹⁷⁹, устанавливающие ответственность за распространение информации, противоречащей или порочащей память о воинской славе России); во-вторых, нормативные правовые акты о создании, принципах и порядке действий государственных органов в сфере защиты национальной памяти (Указ Президента РФ от 06.04.2016 г. № 163 «О создании фонда “История Отечества”»¹⁸⁰); в-третьих, акты, посвященные трансляции информации о местах памяти в процессе правовой социализации (Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁸¹); в-четвертых, акты о сохранении памяти отдельных категорий лиц (Федеральный закон от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»¹⁸²).

Места памяти, получив закрепление в законодательстве, выполняют ряд коммеморативных функций, необходимых для поддержания национального единства не только граждан России, но и русского мира в целом:

- фреймируют имена, даты и события прошлого, которые в наибольшей степени ретроспективно эксплицируют ценностные основания национальной идентичности;
- конструируют символы, ритуалы и церемонии, необходимые для поддержания национального согласия; использование таких символов индивидом, как и участие в соответствующих ритуалах и церемониях должны являться не только когнитивным, но и функциональным показателем национальной идентичности человека;
- способствуют формированию неконфликтной, патриотической социальной памяти;
- способствуют ценностному укреплению национальной солидарности как условию социокультурной, политической и правовой идентичности российского социума;
- укрепляют чувство морального долга и гражданской ответственности перед Отечеством, мобилизуют человека на защиту страны;
- пропагандируют пацифизм и необходимость разрешения конфликтов мирными средствами;
- позиционируют страну как суверенную, способную и готовую к защите суверенитета не только ценностно и нормативно, но и функционально.

---

¹⁷⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

¹⁸⁰ Указ Президента РФ от 06.04.2016 № 163 «О создании фонда "История Отечества"» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2016. – № 15. – Ст. 2074.

¹⁸¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (Ч. 1). – Ст. 7598.

¹⁸² Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. 16.01.1995. – № 3. – Ст. 168.

При этом мемориальное законодательство направлено не столько на реконструкцию прошлого, сколько на его деконструкцию. Речь идет не об отражении в тексте нормативных правовых актов событий прошлого, а о репрезентации образа прошлого, который необходим в настоящем для формирования и поддержания национальной идентичности. Несмотря на то, что конструирование мемориального законодательства осуществляется политической элитой, выступающей в роли адресанта коммуникации, она лишь эксплицирует места памяти, сформированные в сознании общества и отражающие социальные представления об именах, датах и событиях прошлого, которые можно рассматривать в качестве социального опыта сохранения национальной идентичности. В этом смысле мемориальное законодательство является легитимным средством формирования мест памяти. Одновременно оно выступает средством их легализации, придавая официальный статус местам памяти и определяя пределы, в которых транслируется социальная память в процессе правовой социализации.

Мемориальное законодательство носит интертекстуальный характер. Каждое сконструированное законодательно место памяти воздействует на сознание и поведение человека не только в силу нормативного выражения, но и ценностного смысла, детерминированного культурной матрицей эпохи. Конструируя фреймы памяти, адресант не стремится раскрыть их онтологическое содержание и аксиологическое значение в тексте нормативного правового акта. Законодательно определяется лишь перечень дат, имен и событий, имеющих мемориальное значение. При этом адресант апеллирует к культурным кодам, существующим в обществе, знание которых адресатом, идентифицирующим себя с данным социумом, позволяет ему понимать фреймы памяти именно в том смысле, который в него заложил адресант. Тем самым места памяти приобретают не только формальное выражение, но и символическое значение, но лишь для социума, бытие которого протекает в пределах определенного пространственно-временного континуума.

Политическая элита, закрепляя в законодательстве места памяти, не стремится к точной реконструкции исторического прошлого. Напротив, при этом конструируется мифологическое прошлое. Это соответствует высказанной П. Нора идее о разграничении истории и памяти¹⁸³. С одной стороны, это позволяет избежать субъективности мест памяти. С другой стороны, для государства и общества важнее не точность каждого фрагмента прошлого, а его адекватность современным политическим, социально-экономическим и культурным целям. Именно поэтому эксплицированные в законодательстве места памяти, как правило, включают лишь общие характеристики, имеющие

---

¹⁸³ Нора П. Между памятью и историей. – С. 19.

символическое значение. Понимание этих символов детерминировано матрицей культуры определенного пространственно-временного континуума и не требует специальных усилий со стороны субъектов, идентифицирующих себя с обществом, сконструировавшим данный историко-мифологический нарратив. Степень же рефлексии этого нарратива внешним наблюдателем может варьироваться от полного неприятия до восторженного поклонения и зависит от схожести культурных кодов.

Благодаря мемориальному законодательству и основанным на нем коммеморативным практикам, места памяти сохраняют свою актуальность и оперативность. При этом можно говорить не только об их воздействии на сознание и поведение индивида в процессе вертикальной коммуникации, но и об использовании мест памяти в качестве ценностных аргументов горизонтальной коммуникации. В последнем случае отсылка к законодательству усиливает аргументированность позиции субъекта правовой коммуникации в силу не столько воспроизводства легального пространства социальной памяти, сколько легитимной экспликации intersубъективной оценки прошлого. Однако речь идет не о целенаправленной трансляции исторической или историко-правовой информации в процессе социальной коммуникации, а о ситуативном обращении к мемориальному законодательству как фрейму памяти.

Таким образом, мемориальное законодательство в современной России выступает в качестве средства экспликации мест памяти и играет две взаимосвязанные роли. С одной стороны, законодательство призвано легализовать сконструированные в общественном сознании места памяти с целью официального фреймирования конвенционального результата горизонтальной правовой коммуникации. С другой стороны, законодательство является средством трансляции информации о местах памяти с целью конструирования ценностных ориентаций сознания и поведения субъектов в передачах определенного пространственно-временного континуума. Аксиологическая роль мемориального законодательства особенно обостряется в транзитивном обществе, где оно выполняет не только идентификационную функцию, но и функцию обеспечения безопасности.

Список литературы:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2014. - 328 с.
2. Береснев В.Д., Береснева Н.И. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2019. - № 1. - С. 67-74. - DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-67-74.

3. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. - М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

4. Данилова Е.А., Суляк С.Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы в России // Русин. - 2021. - № 66. - С. 248-282.

5. Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. - № 6. – С. 5-15. – DOI 10.12737/jflcl.2021.061.

6. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – С. 66-94.

7. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – С. 17-50.

8. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. - СПб.: СПбГУП, 2022. - С. 446-448.

9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. - М.: Новое издательство, 2007. - 348 с.

10. Anderson B. Imagined. Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. - Rev. ed. - London, New York: Verso, 2006. – xvi. – 240 p.

11. Breuer L. Kommunikative Erinnerung in Deutschland und Polen: Täter- und Opferbilder in Gesprächen über den Zweiten Weltkrieg. - Wiesbaden: Springer VS, 2015. – VIII. – 313 s. - DOI: 10.1007/978-3-658-08320-5.

12. Budrytė D. Memory, War, and Mnemonical In/Security: A Comparison of Lithuania and Ukraine // Resende, E., Budrytė, D., Buhari-Gulmez, D. (eds) Crisis and Change in Post-Cold War Global Politics. - Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – P. 155-177. - DOI: 10.1007/978-3-319-78589-9_7.

13. Dobrescu C. Recognition and Secularisation: Memorialising Mass Exterminations in Western and Eastern Europe // Kulas P., Waśkiewicz A., Krawczyk S. Understanding Recognition: Conceptual and Empirical Studies. - New York: Routledge, 2023. - P. 163-180.

14. Giessen B. Triumph and Trauma. - Boulder: Paradigm Publishers, 2004. - 208 p.

15. Kopysov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. - Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – xvi. – 321 p.

16. Nadkarni M. Remains of Socialism: Memory and the Futures of the Past in Postsocialist Hungary. - Ithaca, London: Cornell University Press, 2020. - 252 p.

17. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. - 1989. - No. 26 (Spec. Iss.): Memory and Counter-Memory. - P. 7-24.

Шатковская Т.В.

Роль устной традиции в сохранении культурного своеобразия российского права

Правоведы не могут оставаться в стороне от актуальных проблем современного российского общества, которое в очередной раз оказалось в переходном состоянии. Социально-значимой научной задачей становится выработка объективного, соответствующего традиционным сущностным ментальным характеристикам россиян, понимания дальнейшего пути общественного развития.

В условиях многополярного и многоукладного мира этот выбор будет сложным. Поскольку и обществу и государству приходится решать задачи, кажущиеся взаимоисключающими. Примером тому может служить стратегия сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, в том числе правокультурных, и дальнейшая цифровизация всех сфер общественной жизни, в том числе и юридической деятельности.

Возникает вопрос о том, можно ли совместить, казалось бы, несовместимое? Полагаем, что это возможно при выполнении ряда условий, среди которых выделим признание самостоятельной роли права как ключевого социального института и его разграничение с иными регуляторами, рационализация принимаемых законодательных решений и сохранение правового разнообразия как отражения сложной структуры российского общества.

Полагаем, что правовое разнообразие не следует рассматривать в качестве угрозы национальной безопасности. Для России правовое разнообразие можно признать неременным фактором исторического развития, так и сегодня по данным Росстата в ней проживают 194 этноса. Данный процесс должен контролироваться государством, но он не имеет свойств агрессивности и полярности. Исторически сформировавшийся как титульный народ – русские составляют свыше 85% населения. Другие этносы в целом лояльны по отношению к титульному народу. Толерантность русских, их уважение к традициям других этносов создает условия для взаимного доверия и сплоченности. Поэтому для России правовое разнообразие отражает многообразие ее правокультурного мира и является мощным источником общественного развития.

Что касается первого условия, то, чтобы говорить об идентичности национального права, нам все равно придется вернуться к вопросу об идентичности самого права. Неоднозначность понятия права и видимая усталость научного сообщества от постоянного интеллектуального поиска его значения приводит к тому, что ответ на вопрос какова фундаментальная природа права как современного социального института постепенно вытесняется из актуального юридического дискурса.

Вместе с тем обсуждение любых социально значимых вопросов в правовом измерении без понимания того, что можно считать правом, а что по сути является неправом, но именуется таковым, как представляется, не только лишено научной объективности, но и влечет ряд негативных последствий. Прежде всего, речь идет о чрезмерном увлечении технологизацией регулирования, которое ошибочно понимается правовым.

За примерами спорной идентификации в качестве права отдельных регуляторов далеко ходить не надо достаточно взглянуть в современное российское законодательство. В нем технические регуляторы названы правом, к примеру, цифровое право, цифровые права, утилитарные цифровые права и др.

Согласимся с Н.Н. Алексеевым в том, что между правовыми и техническими нормами имеется целый ряд отличий. В частности, технические нормы не содержат ценностных императивов. Они нацелены на оптимальное достижение утилитарного практического результата, допускают конкуренцию средств и имеют условный характер¹⁸⁴.

К сожалению, приходится напоминать о том, что правом не следует именовать все предписания, исходящие от органов государственной власти. И не менее важно и то, что мертворожденность таких конструкций зачастую объясняют дефектами самого права. Тем самым заблуждение по поводу того, что есть право, приводит к неверному выбору регулятора и как следствие нерешенности важных социальных проблем.

В связи с этим важно выделить свойства, определяющие фундаментальную природу права. Одним из таких свойств является непререкаемость устной (вербально-коммуникативной) формы его существования. Для обоснования данного положения не надо выходить на метафизический уровень, можно оставаться в пределах физического.

Возникновение права связано с деятельностью мозга и сознанием человека, реальность права обеспечивается свойствами человеческого мышления. Для трансформации психофизических реакций на право в знание о праве необходимо устное общение как проявление такого природного качества людей как социальность. Именно поэтому традиция имеет

---

¹⁸⁴ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., «Аграф», 2003. – С. 497, 498.

преимущественно вербально-символическую форму как наиболее естественную и стабильную форму сосуществования людей разных поколений и результат их культурного обмена.

Устная традиция способствует сохранению исторической памяти, формированию и совершенствованию правового языка, мышления, судоговорения и правовых форм социального сотрудничества. Поэтому ее можно признать неотъемлемой формой существования национального права.

Саму традицию следует воспринимать как результат коллективной памяти социума, имеющий ядро в виде устойчивых норм и ценностей особо значимых для коллектива и сменяемых культурных образцов недавнего и далекого прошлого. Традиция выступает как продуктом, так и детерминантом правовой коммуникации.

Обыденность вышеназванного свойства видимо настолько очевидна, что постепенно оно начинает игнорироваться и это приводит к серьезным заблуждениям о закономерной смене устного права письменным, а далее рукой подать до алгоритмов.

Это заблуждение имеет далеко не безобидные последствия.

Устная традиция выполняет общественно значимую стабилизирующую роль. Она способствует регулярному воспроизводству и трансляции особо значимых для социума культурных образцов, признаваемых нормой жизни, не вследствие их принятия уполномоченным органом, а потому, что в их формировании участвует большинство членов общества. Не случайно Монтескье назвал традицию одним из законов существования в обществе¹⁸⁵. Ему вторил Огюст Конт, определявший традиции как фундаментальный закон человеческого порядка¹⁸⁶. Анализ конкретных проявлений правовых традиций М. Моссом приводит его к мысли о том, что они содержат истину человеческих отношений.

Русские правовые традиции также имеют мощное стабилизирующее значение. Они принимали агрессивную форму как оборонительная стратегия общества только в случае их принудительной отмены или игнорирования. И в этих ситуациях насилие и принуждение становились нормой во взаимоотношениях власти и народа. Наиболее ярким историческим примером этому служит игнорирование властью народных правовых представлений о справедливом перераспределении земли в начале XX в., что вызвало крестьянскую агрореспотию и революционные события, ставшие одной из причин крушения Российской империи.

Своеобразие национального правокультурного обмена приводит к тому, что именно традиция выполняет в праве идентификационную роль. В

---

¹⁸⁵ Монтескье Ш. Дух законов. СПб., 1839. – С. 9.

¹⁸⁶ Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. М., 2011. – С. 13-15.

современном мире законодательство имеет более или менее универсальный характер. Изучение законов может дать некоторое представление об особенностях национальной правовой системы, но они будут иметь лишь формально-юридическое выражение. Письменное право информирует субъекта, а устная традиция его формирует, связывая его с различными национальными феноменами духовной культуры.

Кроме того, недооценка роли устной традиции в национальном праве порождает ряд негативных стереотипов. Так, широко распространена позиция о России как стране правового нигилизма с широким распространением неправовых регуляторов. Причем такой взгляд бытует не только среди западно-европейских, но и российских авторов¹⁸⁷.

Для российского правового развития характерна тенденция, связанная с доминированием устной традиции над письменной, что в принципе характерно для любого традиционного общества. Сам факт бытования русского обычного права и обычного права других народов России преимущественно в устной форме осложняет его изучение.

Отличие истории права народа от пестрого собрания этнографического материала, изложенного в хронологической последовательности, как представляется, состоит в следующем:

во-первых, понимание недостаточности и противоречивости эмпирических фактов для проведения исследования. Тем более, что наибольший интерес представляет выявление комплекса понятий, служащих проявлением живых форм правового мышления и правовых суждений, сложившихся в определенной социально-исторической общности. Кроме того, следует необходимо выявление тенденций в правовом развитии народа;

во-вторых, выявление на основе диалектического анализа длительных устойчивых правовых представлений народа, их комбинаций, образующих правовое мировоззрение народа и представляющих собой опытную копилку для решения повторяющихся проблем действительности. Научный интерес вызывает как правовое мировоззрение исторической группы в целом, так и влияние ее отдельных выдающихся представителей на повороты в нем. Не менее важно установить генетические связи правовых представлений предшественников и господствующие представления изучаемого времени. В этом поможет отграничение устойчивых правовых представлений от воззрений, обусловленных ситуацией конкретно-исторического момента и имеющими временный характер;

в-третьих, собранный для изучения фактический материал должен соответствовать критериям точности и достоверности, что не

---

¹⁸⁷ Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. – № 10. – С. 24.

презюмируется фактом наличия источника, а проверяется методом исторической критики всех собранных источников. Как и всякая история правовая история – критическая наука, поэтому исследователь обязан не только изложить и разъяснить, но и дать оценку полученным результатам. При этом масштаб оценки должны быть критерии научной объективности, в качестве которых можно использовать принципы формально-логической последовательности, согласованности суждений и непротиворечивости выводов¹⁸⁸.

В целом можно констатировать, что современная российская историко-правовая наука имеет богатый арсенал исследований традиционного права¹⁸⁹. Данные исследования позволяют заключить, что русские являются правовым народом. В числе аргументов, подтверждающих данное утверждение, приведем следующее:

Во-первых, существование права в устной форме требовало его творческого усвоения, осознания, актуализации, а не простого механического запоминания. Поскольку у человека нет иного способа понять мысли своих предков, кроме как усвоить их заново. Для лучшего усвоения правовых императивов и аксиом, их выражали в пословицах и поговорках. Причем многие из них имеют вполне современное звучание, например: «закон назад не пишется», «с одного вола двух шкур не дерут», «первая вина не виновата» и др.

Во-вторых, устная форма обычного права не стала препятствием к выработке богатого юридического глоссария, необходимых правовых средств и способов доказывания, правового признания, правопреемства, правовых соглашений, общественного контроля, правосудия, имущественного оборота, стимулирования и др.

В-третьих, традиционное право русского народа основано на христианских и общечеловеческих ценностях, обладавших высшей юридической силой. Правовым идеалом и одновременно категорическим императивом выступала правда, выражавшаяся, прежде всего, в справедливом отношении к другим людям. Поэтому признавалось и равное право всех на правду. Осуждалось неприятие правды другого человека. Стремление к правде можно признать отличительной чертой и современного русского человека.

---

¹⁸⁸ Шатковская Т.В. Применение исторического метода как непереносимое условие действительности современного законодательства // В сборнике: Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций. Сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права. Под редакцией А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. Саратов, 2022. – С. 96-105.

¹⁸⁹ Шатковская Т.В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 4. – С. 15-20.

Таким образом, игнорирование и/ или запрет традиционных форм права оборачивается оскудением национальной правовой культуры, теряющей не только свое правовое наследие, но и духовно-нравственные стандарты жизни, разрушением сложившейся правовой коммуникации и правового общения в обществе. Поэтому вместе с утратой устной традиции национальное право во много теряет и свое лицо.

Список литературы:

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., «Аграф», 2003. – 604 с.
2. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. М., 2011. – 256 с.
3. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 24-30.
4. Монтескье Ш. Дух законов. СПб., 1839. – 380 с.
5. Шатковская Т.В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 4. – С. 15-20.
6. Шатковская Т.В. Применение исторического метода как непременное условие действительности современного законотворчества // В сборнике: Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций. Сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права. Под редакцией А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Саратов, 2022. – С. 96-105.

Карасаева Л.В.

Ответственность в сфере культурных ценностей: национальный и международно-правовой аспект

Культура и культурные ценности играют большую роль в осознании самобытности и уникальности народов Российской Федерации. Это, в частности, подтверждается и конституционными законоположениями, согласно которым «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». Кроме того, «каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»¹⁹⁰.

---

¹⁹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.

Значение культурных ценностей выражается в том, что посредством культурных особенностей и общей истории у граждан Российской Федерации создается чувство единства и взаимной поддержки, общей цели. Кроме того, посредством культурных ценностей и искусства определяется место, как самой Российской Федерации, так и каждого гражданина в мировой парадигме.

Одним из способов обеспечения защищенности тех или иных правоотношения является установление в праве ответственности. На сегодняшний день в Российской Федерации установлены различные виды ответственности за посягательства на культурные ценности – уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная. Вместе с тем, самыми эффективными способами обеспечения защиты является именно административная и уголовная ответственность. Однако на практике правоприменители зачастую сталкиваются со сложностями при квалификации деяний, посягающих на культурные ценности. Данные проблемы связаны со сложностями в толковании отдельных составов, отсутствии разъясняющих положений по их квалификации. Данные вопросы и актуализировали необходимость проведения исследования по избранной теме.

Так, на современном этапе развития общества культура играет основополагающую роль в развитии личности, гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов¹⁹¹. Объекты культурного наследия и культурные ценности обладают бесспорной уникальностью, поскольку являются ярким примером культурной памяти общества. В данной связи их охране уделяется особое внимание, как на международном, так и на национальном уровне.

Так, на международном уровне с целью сохранения культурных ценностей были приняты такие акты как Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 года), Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей (Дельфы, 23 июня 1985 года), Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 года) и др. Второй протокол 1999 г. был принят в дополнение к положениям Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Данные акты сыграли ключевое значение при построении отечественного законодательства в сфере установления административной и уголовной ответственности за посягательства на культурные ценности.

---

¹⁹¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. – 1992. – № 248.

С нравственной точки зрения, общество обязано заботиться о культурном наследии и обеспечивать его сохранность. Данное утверждение нашло свое отображение в Конституции РФ, в которой устанавливается, что у каждого есть право на доступ к культурным ценностям и в обязанности каждого входит забота о сохранении исторического и культурного наследия, охрана памятников истории и культуры (ч. 2 и 3 ст. 44 Конституции РФ).

В ходе исторического развития общество, помимо морального и культурного обогащения, сталкивалось с различными поступками, которые противоречили общественному порядку, что привело к необходимости создавать рычаги воздействия на такие антиобщественные проявления. Для обеспечения условий необходимых для сохранения и развития культуры, государство использует все имеющиеся у него средства, в том числе и меры административного и уголовного характера.

Эффективность административно-правовых и уголовно-правовых норм напрямую зависит от реализации норм нравственности, включающие в себя нравственные идеи и принципы общества.

Для начала соответствующего анализа необходимо определиться с понятийным аппаратом рассматриваемой темы. Так, культурные ценности имеют множество легальных определений, которые в каждом отдельном нормативно-правовом акте имеют свою специфику в связи с предметом регулирования того или иного нормативно-правового акта. Вместе с тем, основным, в понятийном плане, нормативным правовым актом, определяющим понятие культурных ценностей, являются Основы законодательства Российской Федерации о культуре. По смыслу указанных Основ, «культурными ценностями являются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты».

Вместе с тем, в законе Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» под культурными ценностями понимаются движимые предметы материального мира, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение. Кроме того, выделяются еще и культурные ценности, имеющие особое значение (ст. 5)¹⁹². То

---

¹⁹² Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 08.12.2020) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. – 1993. – № 92.

есть в этом законе акцент сделан на движимых предметах, ценность и значимость которых не зависит от времени их создания.

Таким образом, можно отметить, что законодатель создал путаницу в понимании «культурных ценностей». В данной связи можно говорить о том, что такой законодательный подход накладывает сложности при квалификации деяний, связанных с посягательствами на культурные ценности.

Представляется, что культурными ценностями являются материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком либо природой или человеком и природой, имеющие особую историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для части общества, всего общества и государства независимо от формы собственности на них и времени их создания.

О том, что культурным ценностям придается пристальное внимание, говорит и установление уголовной ответственности за преступные посягательства на такие объекты. Вместе с тем мы можем говорить о бессистемном подходе законодателя при регламентации составов преступлений, связанных с посягательством на культурные ценности, поскольку они разбросаны по нескольким главам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ¹⁹³).

Как уже ранее было отмечено, мы можем найти такие нормы в следующих главах уголовного законодательства:

- 1) гл. 21 («Преступления против собственности»);
- 2) гл. 22 («Преступления в сфере экономической деятельности»);
- 3) гл. 24 («Преступления против общественной безопасности»);
- 4) гл. 25 («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»).

Соответственно, объект преступления (на какие общественные отношения посягают преступные деяния) также будет различаться в зависимости от того, в какой главе находится состав преступления.

В связи с этим в научной литературе можно встретить мнение о том, что законодатель не определился с тем, какое благо, связанное с культурными ценностями, является для него первостепенным, и что он хотел бы защитить в первую очередь (чью-то собственность, монополию государства на

---

¹⁹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

определенные действия с названными предметами, культурное пространство страны, общественную нравственность и т.д.)¹⁹⁴.

Соответственно, исследовав все составы преступлений, в рамках которых могут быть посягательства на культурные ценности, мы пришли к выводу, что все такие предусмотренные российским уголовным законом посягательства можно распределить по следующим группам:

- 1) фальсификация;
- 2) хищение;
- 3) повреждение или уничтожение;
- 4) вывоз с таможенной территории Таможенного союза и ввоз на нее;
- 5) иные посягательства на сохранность культурного наследия РФ.

При этом следует отметить, что ряд статей УК РФ в данной сфере появились не так давно. Иными словами, законодательство по таким вопросам продолжает совершенствоваться.

Так, если ст. 243 УК РФ, предусматривающая ответственность за уничтожение или повреждение культурного наследия народов, включена в состав Особенной части УК РФ давно, то остальными нормами (ст. 243.1, 243.2 и 243.3) уголовный закон был дополнен лишь в 2013 году. Обусловлено это тем, что уничтожение памятников культуры остается в памяти поколений и вызывает общественное порицание, а также препятствует реализации конституционного права граждан на доступ к таким объектам – поэтому законодатель изначально включил ст. 243 в состав Особенной части УК РФ. Между тем, следует отметить, что анализ уголовного законодательства позволяет резюмировать, что культурные ценности в качестве предмета преступного посягательства предусмотрены также нормами ст. 164, 190 УК РФ.

Специальные статьи были включены в состав УК РФ в связи с ратификацией 27 июня 2011 г. Европейской конвенции об охране археологического наследия (1992 г.). Статья 2 Конвенции обязывает государства создать с помощью имеющихся у них средств правовую систему охраны объектов культурного наследия¹⁹⁵. Таким образом, ратифицированная Конвенция расширила объект уголовно-правовой охраны культурных ценностей, что выразилось во введении в законодательство специализированных норм: ст. 243.1 УК РФ, ст. 243.2 УК РФ, ст. 243.3 УК РФ¹⁹⁶.

---

¹⁹⁴ Аксенов А.О. Понятие и сущность культурных ценностей как объекта преступных посягательств // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 48.

¹⁹⁵ Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS N 143) [рус., англ.] (Заключена в г. Валлетте 16.01.1992) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 3. – С. 41-54.

¹⁹⁶ Панфилов А.Н. Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения. – Тюмень, 2023. – С. 36.

Помимо уголовной ответственности законодателем в рамках положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ¹⁹⁷) установлены составы административных правонарушений, устанавливающие ответственность за посягательства на культурные ценности. При этом административное законодательство также совершенствуется и видоизменяется в данном аспекте с учетом норм международного права и актуализации отдельных правонарушений в такой сфере¹⁹⁸. В частности, повышаются и пределы санкций, предусмотренных за совершение подобных деяний.

Так, например, неоднократно видоизменялись ст. 7.13 и ст. 7.15 КоАП РФ. Согласно данным нормам, наступает ответственность за «нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории культуры) народов Российской Федерации, нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия либо несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия, за проведения археологических полевых работ без разрешения».

Примечательно, что в КоАП РФ составы административных правонарушений в сфере культурных ценностей более кодифицированы, чем в УК РФ.

Важно отметить, что при квалификации таких деяний правоприменителю необходимо обращаться к отраслевому законодательству, которое является специальным для правового регулирования объектов культурного наследия, культурных ценностей¹⁹⁹. Однако, как мы уже выяснили, и в специальном законодательстве не усматривается четкого определения культурных ценностей.

Исходя из рассмотренного определения, мы можем говорить о том, что культурные ценности могут быть представлены как движимым, так и недвижимым имуществом.

Однако не следует забывать о том, что преступления, связанные с культурными ценностями, могут быть квалифицированы в зависимости от конкретных преступных деяний (если, например, хищение, то объект преступления будет определяться как посягательство на одни общественные отношения, а если повреждение или уничтожение, то уже посягательство

---

¹⁹⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

¹⁹⁸ Бабкова П.В., Кулагина Е.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия // Российская наука в современном мире: Сборник статей L международной научно-практической конференции, Москва, 30 ноября 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ», 2022. – С. 553.

¹⁹⁹ Суфьянова Е.З., Суфьянова Ю.З. К вопросу об объектах культурного наследия и культурных ценностях в РФ // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 3(19). – С. 515.

будет на другие общественные отношения, и объект преступления будет определяться по-иному).

В данной связи, мы можем заметить, что от объекта культурных ценностей зависит и квалификация деяний. Для определения состава административного правонарушения и преступления в данной сфере необходимо в обязательном порядке обращаться к специальному законодательству, которое регламентирует общественные отношения, связанные с культурными ценностями. Без выявления специальных признаков, присущих таким объектам, и их непосредственного определения, невозможно квалифицировать такие противоправные деяния. Иными словами, диспозиции статей таких составов сформулированы отсылочным образом и предполагают обязательное обращение к специальному законодательству. Однако для того, чтобы это в принципе имело смысл, в специальном правовом регулировании должно содержаться четкое определение культурных ценностей, их видов и специфических признаков. К сожалению, мы не можем сказать о том, что законодательная регламентация культурных ценностей является совершенной. Имеющееся определение культурных ценностей является достаточно размытым и не в полной мере конкретизированным. Безусловно, это затрудняет квалификацию деяний, в которых объектом правонарушения выступают общественные отношения, направленные на охрану культурных ценностей. В связи с этим, в первую очередь, представляется необходимым для начала совершенствовать специальное правовое регулирование, связанное с изложением положений о культурных ценностях.

Таким образом, на сегодняшний день культурным ценностям уделяется особое внимание, как на национальном, так и на международном уровне. Как следствие, основной упор в государственной политике сделан на сохранении объектов культурного наследия. С этой целью разработаны и приняты международные акты, а на национальном уровне установлены и соответствующие меры ответственности. Вместе с тем, практическая реализация как административной, так и уголовной ответственности за посягательства в сфере культурных ценностей осложняется рядом пробелов в правовом регулировании.

Так, следует отметить, что необходима разработка методических рекомендаций, направленных на правильную и единообразную квалификацию административных правонарушений и преступлений в сфере культурных ценностей. В настоящее время таких рекомендаций не выработано, что способствует отсутствию единообразной судебной практики применения статей УК РФ и КоАП РФ. В этой связи считаем целесообразным принять разъясняющее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации деяний, посягающих на объекты культурного наследия.

Кроме того, на сегодняшний день достаточно актуальным является вопрос о непосредственном определении дефиниции «культурные ценности». Правоприменитель вынужден обращаться в данном случае к отраслевому законодательству при квалификации таких деяний. Однако и там определение культурных ценностей представлено достаточно размытым образом, поэтому на практике имеются сложности при его толковании и непосредственной квалификации административных правонарушений и преступлений. В связи с этим, первоочередной проблемой является определение культурных ценностей в более конкретизированном варианте в рамках законодательного регулирования. Следовательно, в Основы законодательства Российской Федерации о культуре необходимо внести соответствующие изменения, а именно определить более четко понятие культурных ценностей, обозначить специфические признаки, которые им присущи, а также ограничить круг видов, которые будут относиться к данному понятию. Только после внесения указанных изменений можно будет говорить о совершенствовании административного и уголовного законодательства по данным вопросам, поскольку на сегодняшний день об этом говорить рано, пока еще требует редакции отраслевое законодательство, без обращения к которому невозможна в принципе квалификация деяний, посягающих на общественные отношения в сфере культурных ценностей.

Список литературы:

1. Аксенов А.О. Понятие и сущность культурных ценностей как объекта преступных посягательств // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 4 (28). – С. 46-50.
2. Бабкова П.В., Кулагина Е.А. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия // Российская наука в современном мире: Сборник статей I международной научно-практической конференции, Москва, 30 ноября 2022 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ». – 2022. – С. 553-554.
3. Панфилов А.Н. Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения. – Тюмень, 2023. – 210 с.
4. Суфьянова Е.З., Суфьянова Ю.З. К вопросу об объектах культурного наследия и культурных ценностях в РФ // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 3(19). – С. 514-517.

Деятельность Российской Федерации по сохранению историко-культурного наследия в рамках членства в ЮНЕСКО

Российская Федерация как правопреемница СССР продолжила свое партнерство с ЮНЕСКО по вопросам сотрудничества в интеллектуальной сфере и по содействию укрепления мира и международной безопасности через области образования, науки и культуры.

Следует отметить, что, несмотря на выход России из Совета по правам человека ООН, и исключения ее из ряда других международных организаций, наша страна все еще сохранила свое членство в ЮНЕСКО.

Нам представляется возможным говорить о том, что это является существенным результатом активной деятельности России по вопросам сохранения исторического и культурного наследия.

В.А. Черепанов в своей речи, посвященной тридцатилетнему участию России в Конвенции об охране всемирного наследия, отметил увеличение туристического притока к культурным объектам нашей страны почти в двадцать раз²⁰⁰.

Данные статистики являются важными не только для развития экономики, но и для продолжения взаимодействия в рамках ЮНЕСКО, поскольку открывает новые возможности для диалога.

Нами выделены следующие значимые направления деятельности России в области культурного и исторического сохранения в результате многолетнего сотрудничества с учреждением ЮНЕСКО в рамках ООН.

Безусловно, на первое место следует поставить борьбу России с мировым терроризмом.

В реализации данного направления наша страна приняла участие в разработке Стратегии укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта и выступает за ее полномасштабную реализацию.

Однако следует еще упомянуть о Резолюции Конференции ЮНЕСКО «Терроризм и средства массовой информации», в которой поддерживалась свобода выражения мнений и средств массовой информации²⁰¹.

---

²⁰⁰Черепанов В.А. // «Вестник Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО», посвященный 65-летию присоединения России к ЮНЕСКО <http://unesco.ru/unescorussia/sites/convention/> (Дата обращения: 24.04.2023 г.)

²⁰¹ Резолюция Конференции ЮНЕСКО «Терроризм и средства массовой информации» // сайт Общественной коллегии по жалобам на прессу – URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/753-rezolyutsiya-konferentsii-yunesko-terrorizm-i-sredstva-massovoj-informatsii-manila-1-2-maya-2002-goda> (Дата обращения: 01.05.2023 г.).

Данная Резолюция была принята в связи с угрозами и нападениями на журналистов, которые, выполняя свои профессиональные задачи, освещали терроризм и конфликты.

Следующим направлением нами выделено восстановление культурного наследия Сирии.

Это направление включило в себя следующие мероприятия: реставрация пострадавших памятников всемирного наследия в Пальмире и Алеппо, создание трехмерной модели Пальмиры, заключение Меморандума о взаимопонимании между Государственным Эрмитажем и ЮНЕСКО по вопросу об охране и восстановлении культурных ценностей в зонах конфликтов, в частности на Ближнем Востоке.

Соглашение является знаковым, поскольку на его основании Эрмитаж становится участником международной деятельности по сохранению и восстановлению памятников Сирии и ряда других государств²⁰².

Также в указанном направлении в ноябре 2017 года в рамках VI Санкт-Петербургского международного культурного форума состоялось пленарное заседание, посвященное проблемам сохранения объектов культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов, в рамках которого произошло подписание Договора о сотрудничестве между Государственным Эрмитажем и Фондом Ага Хана по культуре. Содержание Договора сводится к тому, что Государственный Эрмитаж, Фонд Ага Хана, а также Министерство культуры Сирии объединят усилия по сохранению культурного наследия Сирии, уделяя особое внимание упомянутым ранее объектам Пальмиры, Дамаска и Алеппо²⁰³.

Еще одним направлением деятельности России на международном уровне является ее участие в Национальном комитете Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест.

Деятельность Национального комитета направлена на разработку планов управления историко-культурными объектами, решение специфических проблем в регионах.

Также Комитетом проводятся различные научные мероприятия, которые посвящены вопросам совершенствования нормативных требований, предъявляемых к объектам всемирного наследия²⁰⁴.

---

²⁰² ЮНЕСКО и Эрмитаж подписали Меморандум по вопросу об охране и восстановлении культурных ценностей в зонах конфликтов // Министерство Культуры Российской Федерации – URL: https://culture.gov.ru/press/news/yunesko_i_ermitezhpodpisali_memorandum_po_voprosu_ob_okhrane_i_vosstanovlenii_kulturnykh_tsennostey/ (Дата обращения: 28.04.2023 г.).

²⁰³ Башмаченкова И.А. Сотрудничество Эрмитажа и ЮНЕСКО по охране объектов всемирного наследия // Музейная дипломатия: вопросы теории и практики: Материалы круглого стола, Санкт-Петербург, 03 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2020. – С. 10.

²⁰⁴ Национальный комитет Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО – URL: <http://unesco.ru/activity/icomos/> (Дата обращения: 29.04.2023 г.).

Нельзя не упомянуть о роли работы Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, образованного Постановлением Правительства РФ и действующего уже тридцать лет²⁰⁵.

Институт решает ряд ключевых задач в области сохранения культурного и исторического наследия, сотрудничая при этом непосредственно с ЮНЕСКО.

К примеру, Институтом проводится анализ нормативной, методологической базы ЮНЕСКО и иностранных государств по тематике всемирного наследия, осуществляется мониторинг объектов, внесенных в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой²⁰⁶.

Однако, несмотря на активное сотрудничество Российской Федерации и ЮНЕСКО таких программах, как «Память мира», «Человек и биосфера», «Информация для всех», и деятельности организации в целом, мы вынуждены отметить ряд проблем.

Во-первых, это недостаточная представленность историко-культурных объектов нашей страны в списке Всемирного наследия.

Для сравнения, включенных в список Всемирного наследия соответствующих объектов Италии более чем в два раза больше.

Мы считаем целесообразным, например, включение в список Всемирного наследия таких древнейших исторических памятников, как Аркаим или Изборская крепость. Для этого, соответственно, предлагаем разработать соответствующие заявки для включения объектов в Предварительный список всемирного наследия, разработать номинационное досье для включения объектов в Список всемирного наследия, а также организовать экспертные миссии Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС)²⁰⁷.

---

²⁰⁵ Краткая история Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Института Наследия) и Российского института культурологии (РИК) // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва – URL: <https://heritage-institute.ru/?history=general-knowledge> (Дата обращения: 29.04.2023 г.)

²⁰⁶ Направления работы Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Института Наследия) и Российского института культурологии (РИК), сотрудничество с ЮНЕСКО // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва – URL: <https://heritage-institute.ru/?activities=unesco> (Дата обращения: 29.04.2023 г.).

²⁰⁷ Российские объекты в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО // Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России) – URL: https://culture.gov.ru/about/departments/departament_gosudarstvennoy_okhrany_kulturnogo_naslediya/activities/2716371/ (Дата обращения: 04.05.2023 г.).

Хотелось бы отметить и то, что можно выявить ряд проблем в рамках действующего сотрудничества Эрмитажа и ЮНЕСКО.

Несмотря на то, что статус Эрмитажа как крупнейшего культурного учреждения страны и одного из самых известных музеев мира дает ему широкий спектр возможностей для оказания значительного влияния в сфере охраны Всемирного наследия, сотрудничество с ЮНЕСКО крайне ограничено.

Для укрепления и стабилизации сотрудничества указанных организаций мы предлагаем разработать Стратегию сохранения и поддержки историко-культурного наследия, которые вводились бы на определенные сроки или по конкретным объектам культуры.

К примеру, к организуемой Эрмитажем археологической экспедиции в Херсонес Таврический, являющийся объектом Всемирного наследия, целесообразно было бы прикреплять специалистов из ЮНЕСКО.

Однако одна из самых значимых трудностей, которая существует в рамках взаимодействия России и ЮНЕСКО, выражается во влиянии мировой политической обстановки на сотрудничество. Это выражается не только в молчании на действия Франции по недопуску представителей нашей страны на 33-ю сессию межправительственного совета Международной программы развития коммуникаций ЮНЕСКО, но и в отсутствии защиты российской культуры от нападок агрессивно настроенных стран.

Даже, несмотря на то, что ЮНЕСКО исключило возможность лишения России членства в данной организации, мы вынуждены констатировать неспособность учреждения продолжить активное взаимодействие, которое было год или два назад.

В связи с этим нам кажется разумным расширить влияние и значение ЮНЕСКО путем выделения в отдельную международную организацию, которая была бы защищена от политического давления.

Список литературы:

1. Башмаченкова И.А. Сотрудничество Эрмитажа и ЮНЕСКО по охране объектов всемирного наследия // Музейная дипломатия: вопросы теории и практики: Материалы круглого стола, Санкт-Петербург. 03 апреля 2020 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2020. – С. 6-12.

2. Белекова А.Т. Возрастание роли России во взаимоотношениях с ЮНЕСКО на современном этапе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 35. – С.79.

3. Новоселова Н.В., Шулбаев О.Н. К вопросу об участии России в проектах ЮНЕСКО в сфере культуры на современном этапе // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2016. – №. 118-3. – С. 211-216.

4. Черепанов В.А. // «Вестник Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО», посвященный 65-летию присоединения России к ЮНЕСКО <http://unesco.ru/unescorussia/sites/convention/> (Дата обращения: 24.04.2023 г.).

Баукин В.Г., Кудряшова В.В.

Изъятие объектов культурного наследия в системе охраны культурных ценностей

Цивилизации не возникают на пустом месте, развитие возможно за счет бережного сохранения уже достигнутого культурного уровня. Объекты культурного наследия являются наиболее значимым воплощением человеческого гения в определенный период истории. Сохранение свидетельств, символов исторических процессов является условием и составной частью переживания истории – основными направлением официальной политики памяти современных государств²⁰⁸. Природные ландшафты также могут быть признаны объектами культурного наследия, поэтому вопросы сохранения указанных объектов имеют не только историческое или социальное значение, но и важны в решении экологических проблем.

Согласно действующему законодательству объекты культурного наследия в Российской Федерации признаются объектами гражданских прав и могут находиться в государственной, муниципальной или частной собственности. Правовой режим владения, пользования, распоряжения и содержания соответствует общим правилам гражданского законодательства, разумеется, с особенностями, установленными в интересах их уникальности и значимости²⁰⁹. Изъятие объектов культурного наследия и передача иному владельцу обеспечивает охрану культурных ценностей и должно рассматриваться как немаловажный способ контроля действий (или бездействий) собственника.

Согласно статье 240 Гражданского кодекса Российской Федерации²¹⁰ (далее – ГК РФ) предусмотрено, что в случае бесхозяйственного содержания культурных ценностей (к числу которых относятся и объекты культурного наследия), такие ценности могут быть изъяты у собственника по решению суда путем выкупа их государством или продажи с публичных торгов. Культурные

²⁰⁸ Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 6. – С. 5-15.

²⁰⁹ Баукин В.Г., Кудряшова В.В. Сохранение объектов культурного наследия как основание ограничения имущественных прав третьих лиц // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2021. – № 2(55). – С. 138-142.

²¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239.

ценности могут иметь историческое, художественное, научное или культурное значение (статья 5 Закона Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей»²¹¹), и рассматриваемой статьей дан только один критерий бесхозяйственности содержания – угроза утраты такого значения.

Общие и специальные положения ГК РФ не раскрывают, в чем именно заключается угроза утраты значения культурных ценностей, однако косвенные упоминания об этом можно найти в иных нормативных правовых актах, регулирующих связанные с культурными ценностями отношения. В частности, собственник не исполняет обязательства в отношении музейных предметов (статья 25 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»²¹²); или собственник не выполняет обязанности по хранению, учету и использованию особо ценных документов (пункт 3 статьи 11 Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»²¹³).

Из приведенных выше положений можно сделать вывод о том, что бесхозяйственное содержание культурных ценностей проявляется в бездействии со стороны собственника, которое заключается в неисполнении возложенных на него обязанностей, что, в свою очередь, может повлечь утрату культурной ценностью своего значения.

На основе общего анализа положений законодательства выделяются²¹⁴ три условия изъятия у собственника культурных ценностей: только особо охраняемых государством культурных ценностей; в судебном порядке требуется установить не только факт бесхозяйного содержания, но и реальную угрозу утраты ими своего значения; изъятие имеет возмездный характер.

Хотя объекты культурного наследия являются разновидностью культурных ценностей, их принудительное изъятие имеет ряд отличий, которые и будут являться предметом рассмотрения в настоящей статье.

Объекты культурного наследия являются недвижимыми объектами (статья 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»²¹⁵).

---

²¹¹ Федеральный закон «О вывозе и ввозе культурных ценностей»: от 15 апреля 1993 № 4804 I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 20. – Ст. 718

²¹² Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»: от 26.05.1996 № 54-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2591.

²¹³ Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации»: от 22.10.2004 № 125-ФЗ // СЗ РФ. – 2004. – № 43. – Ст. 4169.

²¹⁴ Российское гражданское право: В 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. // М.: Статут, 2011. – С. 156.

Федерации»²¹⁵ (далее – Закон об ОКН) и, следовательно, их оборот регламентирован по общим правилам гражданского законодательства. Исключение достаточно очевидно. В том случае, если их собственник не выполняет требований к сохранению объекта культурного наследия или совершает действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения, такие объекты могут быть изъяты у собственника (статья 54 Закон об ОКН).

Положения об изъятии у собственника памятников в случае ненадлежащего обращения с ними существовали и ранее. Статьями 28 и 29 Закона РСФСР от 15.12.1978 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» также предусматривалось, что памятники истории и культуры могут быть изъяты у: предприятий, учреждений и организаций – в случае использования их «не в соответствии с их характером и назначением», а также в случае, если они подвергаются угрозе уничтожения или порче; у граждан – если они не обеспечивают сохранность памятника.

Сходные нормы существуют и в законодательстве зарубежных стран. В частности, статьей 26 Закона Франции от 31 дек. 1913 г. «Об исторических памятниках»²¹⁶ (в редакции, действующей с 01 июля 2022 г.) установлено, что если министром культуры будет установлена угроза разрушения памятника, то он вправе передать (в том числе временно) такой памятник органам церковного управления или музею, которые займутся его сохранением и (или) реставрацией. Сравнивая положения французского и российского законодательства, следует отметить, что во Франции изъятие памятника у собственника происходит значительно быстрее (оперативнее), исключительно по воле уполномоченного должностного лица. Кроме того, французское законодательство не предусматривает компенсации для собственника, в то время как российским законодательством допускается только возмездное изъятие памятника и только на основании судебного решения. Представляется, что ни один из сравниваемых правопорядков нельзя считать «лучшим» или «худшим», «прогрессивным» или «отсталым». С одной стороны, положительной оценки заслуживает возможность оперативного принятия и исполнения решения об изъятии, а с другой – предотвращение возможного злоупотребления со стороны уполномоченных лиц. С одной стороны, отсутствие компенсации за изъятие памятника является дополнительной санкцией для собственника, который

---

²¹⁵ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»: от 25.06.2002 № 73-ФЗ» // Российская газета. – 2002. – № 116-117.

²¹⁶ Закон Франции от 31 дек. 1913 г. «Об исторических памятниках» (в редакции, действующей с 1.07.2022) Loi du 31 décembre 1913 sur les monuments historiques // – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000315319/?isSuggest=true> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

бесхозяйственно с ним обращался, а с другой – предоставляемая компенсация является справедливым возмещением в случае лишения собственника его имущества.

Нормы современного российского законодательства об изъятии объектов культурного наследия у собственников вызывают некоторые вопросы, в частности:

- 1) какова правовая природа изъятия объекта культурного наследия?
- 2) касаются ли положения статьи 54 Закон об ОКН только граждан и юридических лиц, или они также могут быть распространены на публично-правовые образования?
- 3) какое отношение к объектам культурного наследия следует считать бесхозяйсным, требующим решения радикального вопроса об изъятии?

Не вызывает сомнений, что правовая природа изъятия как юридического феномена является гражданско-правовым способом защиты права собственности и иных вещных прав, образуя дополнительную (особую) группу способов наравне с вещно-правовыми и обязательственно-правовыми. Запрет на бесхозяйственное отношение к культурным ценностям и возможность их отчуждения по инициативе государства следует относить к границам осуществления права собственности (пределами права собственности). Правоприменительная практика показывает, что изъятие памятника у собственника является мерой ответственности (санкцией).

На первый взгляд именно третья позиция (изъятие – санкция) представляется наиболее релевантной в сложившейся практике, однако наличие встречного предоставления (компенсации) свидетельствует против такого подхода. Применение меры ответственности (санкции) с точки зрения доктринальных подходов не может быть сопряжено с предоставлением виновному лицу какой-либо компенсации. В связи с чем, полагаем, что ни одна из представленных концепций не отражает сущность принудительного изъятия памятника у собственника. Такое специальное основание прекращения права собственности автору статьи представляется дополнительной мерой государственной защиты объекта культурного наследия. Как отмечает Г.Л. Осокина, осуществляя выкуп, государство «выступает в роли гаранта субъективных гражданских прав..., то есть той самой ... силой, способной оздоровить гражданско-правовые отношения»²¹⁷. Определяя правовую природу изъятия таким образом, автор делает акцент не на тех негативных последствиях, которые возникают у собственника памятника, а именно на принимаемых органами государства действиях, направленных на защиту памятника. То есть фокус

---

²¹⁷ Осокина Г.Л. К вопросу о соотношении субъективного гражданского права и правомочия на его защиту (на примере субъективного права собственности) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360. – С. 129.

внимания в данном случае следует сместить с субъекта права (действий собственника) на объект права (состояние памятника).

Вопрос о субъекте, уполномоченном на обращение в суд с иском об изъятии культурных ценностей, законодательно разрешен полностью. В соответствии со статьей 54 Закон об ОКН с соответствующим иском в суд вправе обратиться уполномоченные органы государственной власти (федеральные или региональные). Однако и это положение вызывает некоторые сомнения. Смысловая трактовка статьи 240 ГК РФ допускает обращение частного лица в суд с иском о продаже культурных ценностей с публичных торгов. Государство при обращении с аналогичным иском может требовать только выкупа культурной ценности. Такой подход не находит прямого подтверждения в действующем законодательстве, однако мнение о праве частного лица обратиться в суд является перспективным для дальнейшего осмысления.

Вопрос о том, у кого могут быть изъяты такие объекты, не решен. Очевидно, что бесхозяйственно содержать объекты культурного наследия могут любые субъекты гражданского права, в связи с чем, полагаем, что объекты культурного наследия следует изымать у любого владельца, в том числе законодательно закрепить возможность выкупа таких объектов, находящихся в публичной собственности, физическими и юридическими лицами.

Представляется целесообразным создание отдельного правового механизма, позволяющего частному лицу или органу государственной власти обратиться в суд с требованием об изъятии бесхозяйственно содержащегося памятника, находящегося в собственности публично-правового образования, путем продажи его с публичных торгов. Вместе с тем, это должен быть именно отдельный правовой механизм, а не дополнительная «оговорка» в статьях 240 ГК РФ или 54 Закона об ОКН. Важным также представляется необходимость привлечения в судебный процесс органа охраны памятников.

Согласно статье 54 Закона об ОКН существуют два критерия бесхозяйного содержания памятника: невыполнение собственником требований к его сохранению или совершение действий, угрожающих его сохранности и влекущих утрату им своего значения. В дальнейшем эти критерии конкретизируются судебной практикой. Проведенный авторами анализ практики арбитражных судов по рассмотрению исков об изъятии объектов культурного наследия у собственников позволил резюмировать основные подходы.

Бесхозяйное отношение возможно в форме действия (совершение действий, ухудшающих состояние или создающих угрозу существованию) и бездействия (непринятие мер, направленных на сохранение памятника и его историко-культурной ценности). Бездействие может проявляться в

невыполнении работ по реставрации (ремонту) объектов культурного наследия. Арбитражным судом Республики Северная Осетия – Алания удовлетворен иск об изъятии памятника у собственника в связи с тем, что объект культурного наследия находится в аварийном состоянии, есть угроза обрушения, собственник мер по его сохранению не принимал, проводил демонтажные работы²¹⁸. Арбитражным судом г. Москвы удовлетворен иск в связи с тем, что на фасаде и цоколе памятника имеются многочисленные трещины, обрушения декоративных элементов, собственник никаких мер по его реставрации не принимал²¹⁹.

Суды при удовлетворении исков учитывают факт привлечения собственников к административной ответственности за неисполнение законных предписаний органов охраны памятников (статья 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), а также за совершение нарушений, предусмотренных статьями 7.13, 7.14.1 КоАП РФ. Правоприменительная практика исходит из того, что основанием для изъятия объекта культурного наследия может являться лишь нарушения, реально угрожающие его сохранности и сохранению им своего значения²²⁰; суды учитывают длительность виновных действий или бездействия собственника памятника. В частности, в г. Севастополе истец указывал на то, что памятник (здание) находится в ненадлежащем состоянии: по периметру несущих стен трещины, в перекрытиях течет вода, часть внутренних стен разрушена, план работ по его сохранению не исполнен. Суд при удовлетворении иска также учел, что собственник бездействует более 15 лет²²¹. В то же время, отказывая в иске, Арбитражный суд Нижегородской области отметил, что на дату проведения внеплановой выездной проверки объекты находились в собственности ответчика незначительный промежуток времени (4 месяца)²²². При рассмотрении подобных дел сформулирована важная позиция: для изъятия объекта

---

²¹⁸ Решение Арбитражного суда Республики Северная Осетия – Алания от 27 мая 2022 г. по делу № А61-3989/21 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/18a62b78-48b2-4244-9238-cdb5ecb200c3> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²¹⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 06 апр. 2022 г. по делу № А40-221608/21 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/20b19295-ac55-4de6-a5f9-369e456d37b7> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²⁰ Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 14 апр. 2021 по делу № А12-3284/21 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e68dabf8-9eda-4da7-aa65-a73088815093> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²¹ Решение Арбитражного суда г. Севастополя от 02 июня 2021 г. по делу № А84-5981/19 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ebd97d6b-89d3-436a-9845-f570a8f27669> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²² Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 12 марта 2020 г. по делу № А43-53807/19 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/10212162-fe62-4a22-b4a6-6dbb480a0496> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

культурного наследия действия либо бездействие собственника должно носить системный, длящийся и виновный характер²²³.

Судебная практика также разрешает вопрос о том, следует ли изымать объект культурного наследия в случае, если на дату рассмотрения судом дела собственник начал предпринимать какие-либо действия, направленные на сохранения памятника. В данном случае сформулированы базовые правоприменительные позиции.

Необходимо учитывать совокупность действий собственника. Интерес представляет дело, в котором суды первой и апелляционной инстанций пришли к разным решениям. Так, из материалов дела следует, что собственник длительное время не производил работ по сохранению объекта культурного наследия, который с течением времени пришел в крайне аварийное состояние, однако в процессе рассмотрения судом дела собственник инициировал получение задания на проведение ремонтных работ и разработку проектной документации. Суд первой инстанции указал, что «изъятие объекта культурного наследия приведет к затягиванию принятия мер по сохранению на неопределенный период»²²⁴ и отказал в удовлетворении иска об изъятии памятника у собственника. Однако Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 18.11.2021 по делу № А60-65738/20 решение суда первой инстанции отменил и отметил, что задание на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия собственником не исполнено, здание памятника разрушается, что может повлечь его полную утрату²²⁵.

Необходимо учитывать предполагаемый срок выполнения реставрационных (ремонтных) работ по заключенным собственникам договорам или установленных уполномоченными органами. Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, отказывая в удовлетворении иска, принял во внимание, что согласно плану выполнения работ ответчик должен выполнить ремонтно-реставрационные работы в течение определенного срока и признал исковое требование преждевременным, отметив, что при указанных обстоятельствах применение к ответчику такой санкции, как изъятие памятника, является чрезмерным и не соответствующим

---

²²³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 ноя. 2021 г. по делу № А60-65738/2020 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ba1211c-6da8-4b4e-bd68-ee7ef358773d> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²⁴ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 02 авг. 2021 г. по делу № А60-65738/2020 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ba1211c-6da8-4b4e-bd68-ee7ef358773d> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²⁵ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 ноя. 2021 г. по делу № А60-65738/2020 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ba1211c-6da8-4b4e-bd68-ee7ef358773d> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

доказанным обстоятельствам дела²²⁶. Арбитражный суд г. Москвы также отметил, что после выдачи органом охраны памятников ответчику предписания, к последнему не могут быть применены санкции, предусмотренные статьей 54 Закон об ОКН, до истечения установленных в рамках осуществления регионального государственного надзора сроков выполнения работ»²²⁷.

Суды учитывают действия органов государственной власти и принятые им решения в отношении памятника, а также иные объективные обстоятельства. Орган охраны памятников в иске об изъятии объекта культурного наследия ссылался на то, что ответчик произвел демонтаж памятника, при этом допустил утрату и фактическое уничтожение предмета охраны. Однако Арбитражный суд Тамбовской области в решении от 02.02.2022 по делу № А64-9786/21 установил, что администрацией г. Тамбова разрешен снос объекта с сохранением элементов главного фасада²²⁸. Отказывая в удовлетворении иска, суд также учел, что здание приобретено ответчиком в аварийном состоянии (эксплуатировалось без ремонта более 100 лет). В Приморском крае при рассмотрении дела Арбитражный суд отметил, что причиной неисполнения охранного обязательства в части выполнения комплекса ремонтно-реставрационных работ являются не виновные действия ответчика, имеющие свою цель уклониться от исполнения своих обязательств, а объективная невозможность выполнить данное предписание по причине аварийной ситуации в здании²²⁹. В связи с чем суд приходит к выводу о том, что это исключает привлечение собственника памятника к ответственности в виде изъятия памятника.

Следовательно, анализ судебной-арбитражной практики, наиболее значимые примеры которой приведены в настоящей статье, подтверждает наличие сложившегося подхода к разрешению споров об изъятии объектов культурного наследия. На основе устойчивого понимания возможно рекомендовать дальнейшее совершенствование действующего законодательства в интересах сохранения культурных объектов. Среди наиболее перспективных

---

²²⁶ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21 июля 2011 г. по делу № А56-17473/11 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4da8e85c-7b00-4793-b834-f02498185cd8> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 09 марта 2022 г. по делу № А40-53243/21 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8bccd484-9347-4c35-9bda-c300b9382c1d> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²⁸ Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 02 фев. 2022 г. по делу № А64-9786/21 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/30810492-0127-4af1-b5ea-f5821b4499ae> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

²²⁹ Решение Арбитражного суда Приморского края от 16 фев. 2010 г. по делу № А51-22189/2009 // – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9b2f0aed-8d9d-4e5e-b653-c0be76f0f2fb> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

направлений следует рассматривать законодательное закрепление права обращения частного лица в суд с иском о продаже культурных ценностей с публичных торгов, формализацию возможности оперативного принятия и исполнения решения об изъятии объектов культурного наследия у недобросовестных владельцев.

В ходе проведения исследования сформулированы важные доктринальные и практические выводы, связанные с принудительным изъятием объектов культурного наследия. Так, предлагается авторское определение правовой природы изъятия (как мер по защите памятников), разработка норм о возможности обращения частных лиц в суд с иском об изъятии памятника путем продажи с публичных торгов. Автором также проведен анализ судебно-арбитражной практики в исследуемой сфере, что позволило сформулировать общие выводы о подходах судов к рассмотрению подобных дел.

Список литературы:

1. Баукин В.Г., Кудряшова В.В. Сохранение объектов культурного наследия как основание ограничения имущественных прав третьих лиц // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2021. – № 2(55). – С. 138-142.
2. Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 6. – С. 5-15.
3. Осокина Г.Л. К вопросу о соотношении субъективного гражданского права и правомочия на его защиту (на примере субъективного права собственности) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360. – С. 127-130.
4. Российское гражданское право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция»: в 2 т. / [В.С. Ем и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юридический фак., каф. гражданского права. – 2-е изд., стер. – Москва: Статут, 2011.

Роль государственных праздников в процессе самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение²³⁰

В современном полисегментарном обществе человеку становится все сложнее идентифицировать себя со столь сложными и неоднозначно интерпретируемыми конструкциями, как нация и государство. Одними из наиболее значимых маркеров, позволяющих индивиду соотнести себя с указанными политико-правовыми институтами, являются государственные праздники.

Прежде всего, представляется необходимым обратиться к ключевым понятиям, обозначенным в теме статьи, – «государственный праздник» и «самоидентификация». В англоязычных странах под государственным праздником принято понимать день, в котором практически все население отдельно взятого государства не ходит на работу²³¹. Такие понятия, как public holiday, national holiday, federal holiday и legal holiday, образуют соответствующий синонимичный ряд. Так, в Великобритании употребляются словосочетания public holiday или bank holiday²³², а число праздничных дней варьируется от 8 (в Англии и Уэльсе) до 10 (в Северной Ирландии и Шотландии). В русскоязычной традиции государственный праздник также трактуется как официально установленный и отмечаемый день торжества в честь или в память чего-либо²³³. В Российской Федерации перечень нерабочих праздничных дней определен в ст. 112 Трудового кодекса РФ²³⁴: речь идет, в частности, о новогодних каникулах (1, 2, 3, 4, 5, 6 и 8 января), Рождестве Христовом (7 января), Международном женском дне (8 марта), Дне Победы (9 мая) и др. Необходимо отметить, что, помимо государственных праздников, существуют еще и памятные даты, которые, как правило, не являются официальными выходными, но в которые проводятся торжественные мероприятия (например, отмечаемый ежегодно 22 июня в России День памяти и скорби, приуроченный к началу Великой Отечественной войны).

---

²³⁰ *Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».*

²³¹ National holiday // Cambridge Dictionary Online. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/national-holiday> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²³² Bank and public holidays // House of Commons Library. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/sn06170/> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²³³ Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. – М.: Луч, 1996. – С. 41.

²³⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

Государственные праздники и памятные даты являются одним из ключевых факторов национальной самоидентификации и относятся к числу мероприятий, проводимых в русле официальной «политики памяти», призванной сформировать у населения общие воспоминания о тех или иных событиях прошлого²³⁵. Применительно к правовой сфере самоидентификацию можно рассматривать как процесс достижения и удержания правовым субъектом собственной идентичности, формирующейся посредством обыденного, научного, профессионального правового мышления, которое в свою очередь «схематично представляет собой одну и ту же мыслительную процедуру интерпретации (понимания, освоения) правовой реальности»²³⁶.

В этой связи представляется целесообразным выделить следующие аспекты самоидентификации государств и народов, которые находят отражение в государственных праздниках и памятных датах, представляющих собой один из фрагментов правовой реальности.

В числе первых можно отметить *религиозный аспект*: он проявляется, например, в чествовании памяти святых или ключевых событий религиозной истории человечества. Примером служат День святого Патрика (17 марта) и День святого Андрея (30 ноября) – первый является покровителем Ирландии, второй – Шотландии (недаром Андреевский крест (Saltire) изображен на ее флаге)²³⁷. Оба праздника являются официальным выходным днем, причем не только в указанных регионах, но и в канадских провинциях Ньюфаундленд и Лабрадор: последнюю можно смело назвать «еще одним графством Ирландии» – настолько в ней высок уровень проникновения ирландской культуры, привнесенной колонизаторами²³⁸.

Следующий аспект – *военный*. Примером служат отмечаемые в Российской Федерации дни воинской славы²³⁹, при этом нерабочими днями являются только День Победы (9 мая) и День народного единства (4 ноября). Необходимо отметить, что День Победы (в Европе – Liberation Day или Victory Day), олицетворяющий ратный подвиг воинов-победителей во Второй мировой войне, отмечают не все участники антигитлеровской коалиции. Так, в США

---

²³⁵ Michel J. Qu'est-ce qu'une politique mémorielle? // Gouverner les mémoires: Les politiques mémorielles en France. – Paris: Presses Universitaires de France, 2010. – P. 1-18.

²³⁶ Овчинников А.И. Правовое мышление: дис. на соиск. ...докт. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2004. – С. 5.

²³⁷ The Legend of the Saltire // The Scottish Flag Trust. – URL: <https://scottishflagtrust.com/the-flag-heritage-centre/the-legend-of-the-saltire/> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²³⁸ Teaching Irish in Newfoundland, the most Irish place outside Ireland // The Irish Times. – March 16, 2016. – URL: <https://www.irishtimes.com/life-and-style/abroad/generation-emigration/teaching-irish-in-newfoundland-the-most-irish-place-outside-ireland-1.2575366> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²³⁹ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. – 13.03.1995. – № 11. – Ст. 943.

национальным праздником является не День Победы, а День поминовения (последний понедельник мая), посвященный памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых США когда-либо принимали участие.

В качестве еще одного примера можно привести День освобождения Гоа (19 декабря). После обретения Индией независимости в 1947 году Португалия отказалась покинуть территорию Гоа. Решить территориальный вопрос удалось силовым путем: 17-19 декабря 1961 года Индия успешно провела войсковую операцию «Виджай» по захвату оккупированных территорий и тем самым положила конец 450-летней колониальной власти Португалии в Индии.

Однако бывают случаи, когда в обществе к праздникам, воспевающим воинскую доблесть, вырабатывается неоднозначное отношение. Так, в Северной Ирландии, входящей в состав Великобритании, отмечают День памяти Битвы на реке Бойн (12 июля) – решающего сражения в войне между Вильгельмом III Оранским и Яковом II Стюартом (1689-1691) за контроль над Ирландией (этот праздник еще называют Днем оранжистов²⁴⁰ – сторонников победителя Вильгельма III Оранского). Однако в этот день регулярно происходят столкновения между сторонниками юнионизма (т. е. территориального единства Великобритании)²⁴¹ и его противников. Кроме того, представителей этого движения обвиняют в триумфализме²⁴². Фактически этот праздник служит напоминанием о том, кто главенствует в Северной Ирландии, в то время как в Ирландии он воспринимается как издевка.

Далее можно выделить *территориальный аспект*. Помимо Дня независимости, отмечаемого буквально каждым государством, существует традиция отдельно чествовать жителей входящих в него территориальных единиц. Например, в каждом штате Индии отмечают день его образования. Больше всего празднований приходится на 1 ноября, когда соответствующий праздник проходит в таких штатах, как Андхра-Прадеш, Карнатака, Харайана, Керала, Пудучерри, Чхаттисгарх и др. В провинциях Канады также есть подобного рода праздники, например, в первый понедельник августа отмечают День Саскачевана, День Нью-Брансуика, День Британской Колумбии.

---

²⁴⁰ Orange Order // Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/Orange-Order> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²⁴¹ Unionism // Cambridge Dictionary Online. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/unionism> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²⁴² Триумфализм (triumphalism) – воззрение, в котором подчеркиваются победы или триумфы христианской жизни или церкви. Может рассматриваться в негативном смысле, если он не дает истинной картины событий или если используется в качестве оправданий несправедливости или притеснения (Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов. – М.: Республика, 2004. – С. 415).

В праздниках может раскрываться и своего рода *личностный аспект* самоидентификации государств и народов. Так, в США каждый второй понедельник октября отмечают День Колумба, приуроченный годовщине прибытия Христофора Колумба в Америку, которое произошло 12 октября 1492 года по юлианскому календарю, а в провинции Манитоба (Канада) каждый третий понедельник февраля празднуют День Луи Риэля – ее основателя. Кроме того, в США еще отмечают День рождения Дж. Вашингтона (третий понедельник февраля), первого президента США, одного из отцов-основателей, а также День Мартина Лютера Кинга (третий понедельник января), посвященный выдающемуся борцу за права афроамериканцев, ставшему лауреатом Нобелевской премии мира.

Юридическим воплощением самоидентификации служит самоопределение – процесс официального закрепления факта наличия у того или иного народа собственной идентичности (культурной, этнической, исторической или территориальной). Представляется целесообразным выделить *два подхода* к осуществлению национальной самоидентификации через государственные праздники и памятные даты. Первый подход предполагает акцентирование внимания на самом факте обретения независимости. Широкое распространение он получил на африканском континенте, на котором день независимости ежегодно отмечает подавляющее большинство стран: Нигер – 3 августа (1960); Чад – 11 августа (1960); Камерун – 1 января (1960); Того – 27 апреля (1960); Габон – 17 августа (1960); Малави – 6 июля (1964); Замбия – 24 октября (1964). Однако в некоторых случаях сроки празднования могут варьироваться. Так, Южно-Африканская Республика обрела независимость от Великобритании 31 мая 1961 года, однако этот день не является официальным праздником, вместо этого принято отмечать День свободы – в этот день, 27 апреля 1994 года, в стране прошли первые со времен отмены апартеида всеобщие выборы.

Второй подход состоит в признании факта порабощения народов со стороны бывших завоевателей: он проявляется, например, в чествовании коренных народов или увековечивании памяти жертв работорговли путем учреждения соответствующих памятных дат. Так, в США и Канаде отмечают Национальный день коренных народов (в первом случае он совпадает с Днем Колумба (каждый второй понедельник октября), а во втором – приходится на 21 июня). Кроме того, 9 августа провозглашен ООН Международным днем коренных народов мира – в этот день в 1982 году состоялось первое заседание Рабочей группы ООН по коренным народам.

Бывают и обратные ситуации – когда чествуют колонизаторов. Примером служит День Австралии, приуроченный высадке прибывших из Великобритании на 11 судах первых колонистов и осужденных на континент. Это событие произошло 26 января в 1788 года.

Нельзя не отметить попытки придать второму подходу общемировое значение. Ярким примером является Международный день памяти жертв работорговли и ее ликвидации, ежегодно отмечаемый 23 августа. Дата выбрана не случайно: именно в ночь с 22 на 23 августа 1791 года на острове Санто-Доминго вспыхнуло Гаитянское восстание – единственное успешное восстание рабов на всю историю человечества. Сначала праздник стали отмечать на Гаити (впервые в 1998 году), где собственно и произошло восстание, через несколько лет – в Сенегале. Позднее на 150-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО была принята резолюция об учреждении этой памятной даты²⁴³.

Еще одной памятной датой является учрежденный в 2007 году Генеральной Ассамблеей ООН Международный день памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли. Его отмечают ежегодно 25 марта.

Тем не менее, не смотря на то, что на межгосударственном уровне вопросам самоидентификации государств и народов, казалось бы, уделяется достаточно пристальное внимание, на государственном уровне подобного рода мероприятия носят эпизодический, скорее вынужденный характер.

Так, во Франции 10 мая объявлен Национальным днем памяти жертв рабства и его отмены, однако приуроченные к нему официальные мероприятия проводятся далеко не везде – на уровне отдельных городов и коммун. Аналогичная ситуация сложилась и в Великобритании. В обоих государствах действуют музеи и другие учреждения, посвященные рассматриваемой проблематике, однако доля населения, задействованного в подобных мероприятиях, крайне не велика. Чтобы это понять, достаточно обратить внимание на то, как о таких памятных датах пишут в прессе. Как правило, это заметки в форме справки – с тем чтобы напомнить читателям историю вопроса²⁴⁴.

Кроме того, например, в США до сих пор идут дискуссии относительно того, стоит ли вообще учреждать национальный день памяти жертв работорговли – соответствующий законопроект с 2021 года находится на рассмотрении Сената. При этом ежегодно 25 марта в упомянутый ранее Международный день памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли, Президент США выступает с соответствующей речью (с ее последним вариантом можно ознакомиться на сайте Белого дома²⁴⁵).

---

²⁴³ Материалы 150-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/events/observances/150ex82.pdf> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²⁴⁴ Slavery Remembrance Day 2023 // National Today. – URL: <https://nationaltoday.com/slavery-remembrance-day/> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²⁴⁵ Statement by President Joe Biden Marking Slavery Remembrance Day (August 22, 2022) // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/20/statement-by-president-joe-biden-marking-slavery-remembrance-day/> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

Некоторые государства все же решаются на реализацию более масштабных планов: так, власти Нидерландов объявили о том, что период с 1 июля 2023 года по 1 июля 2024 года станет годом памяти жертв работорговли²⁴⁶.

Стоит отметить, что, независимо от того, какого из двух рассмотренных выше подходов придерживаются те или иные государства, проблемы, порожденные колониализмом, очевидно, до конца не решены, в пользу этого факта, говорит уже то обстоятельство, что ООН за всю историю своего существования объявляла десятилетие за искоренение колониализма целых четыре раза (с 1990 по 2000 год, с 2001 по 2010 год, с 2011 по 2020 год, с 2021 по 2030 год) – больше, чем по кому-либо другому поводу²⁴⁷. Кроме того, не стоит забывать о том, что мы живем в Десятилетии лиц африканского происхождения, объявленном ООН в 2015 году²⁴⁸.

Таким образом, охарактеризованные сквозь призму государственных праздников современные аспекты самоидентификации государств и народов – религиозный, военный, территориальный, личностный – указывают на то, что памятные мероприятия, приуроченные знаковым событиям прошлого, по-прежнему играют важную роль не только в сохранении памяти поколений, но и в укреплении национального самосознания.

Список литературы:

1. Овчинников А.И. Правовое мышление: дис. на соиск. ...докт. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2004. – 512 с.
2. Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов. – М.: Республика, 2004. – 503 с.
3. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. – М.: Луч, 1996. – 271 с.
4. Michel J. Qu'est-ce qu'une politique mémorielle? // Gouverner les mémoires: Les politiques mémorielles en France. – Paris: Presses Universitaires de France, 2010. – P. 1-18.

---

²⁴⁶ Slavery Memorial Year 1 July 2023 to 1 July 2024 // Government of the Netherlands. – URL: <https://www.government.nl/ministries/ministry-of-education-culture-and-science/events/slavery-memorial-year> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²⁴⁷ Международные десятилетия // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/observances/international-decades> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

²⁴⁸ Международное десятилетие лиц африканского происхождения 2015-2024 // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/observances/decade-people-african-descent> (Дата обращения: 17.05.2023 г.).

**Изменение содержания государственных праздников
в связи с изменением политических событий**

*И прошлое вернется. И страница,
Прочитанная, снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.
Сервантес Мигель де²⁴⁹*

Великий русский писатель Н.В. Гоголь прозорливо заметил, что «... в это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла. Я думал, что теперь, более чем когда-либо, нужно нам обнаружить наружу все, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все производят»²⁵⁰.

Это замечание имеет отношение к такому социально-культурному явлению, как праздник – одному из древнейших ритуализированных действий, объединяющих обыденное и героическое. Единение, гармония, вырабатываемые главенствующей в обществе национальной системой ценностей, пусть и идеализированных, способствовали выработке социальной стабильности, формируя мировоззрение граждан, отвлекая от насущных проблем и развлекая население театрализованными представлениями и хорошо поставленными зрелищными церемониями. Для этих целей и разрабатывался, и на законодательном уровне утверждался годичный календарь государственных, региональных и почитаемых на местах праздников. Кроме того, государством учитывались религиозные (например, Рождество, Пасха, Троица) и стихийные народные (например, Масленица, Коляда, Семик) праздники. Именно память прошлого, сохраняющая позитивные понятия и энтузиазм чувств народа в глубинах национального сознания, отражает представления о «земном (мирском) и небесном (священном)» в человеческой душе и соединяет общественную и частную волю в один узел самоидентификации нации.

Пересмотр и переосмысление национальных ценностных ориентиров, изменение позитивного отношения к конкретному историческому феномену на

---

²⁴⁹ Пoesия испанского Возрождения. Перевод с испанского. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 206.

²⁵⁰ Гоголь Н.В. Авторская исповедь. – Псков: Всероссийский фонд культуры. Псковское отделение, 1990. – С. 19.

негативное бытует как факт отражения изменившейся социально-политической обстановки, что прослеживается на измененных текстах нормативно-правовых документов, касающихся учреждения, номинации и означенного содержания праздников и памятных дат. Все эти изменения связаны с переосмыслением прерогатив в иерархии публичных идеалов, иногда сложившихся в народной среде, а иногда навязанных властными структурами, в связи с новыми политическими приоритетами. Эти явления исторически обусловлены в международном масштабе и традиционно свойственны многим национальным культурам.

Современная исследовательница природы французских революционных праздников Мона Узуф ясно передает их смысл: «Праздники организуют время и образуют костяк современной жизни... Они мощным усилием скрепляют людское сообщество, пуская в жизнь идею примирения и теплоту совместной трапезы, где все имеет свою цену... Революционный праздник, полагающий, по мнению его творцов, основание вечному обществу, есть грандиозная попытка откреститься от деградации – недуга всех обществ, придать регулярность ходу революции, затушевать ее скачки и мрачные события»²⁵¹.

Примеров изменений названий и содержания праздников и памятных дат в истории человечества огромное множество, но для иллюстрации идеи замены одних праздников другими из-за политизации общественных событий, отраженных в их содержании, достаточно привести несколько.

Политологи часто сетуют на неоднократную смену Конституций России, в отличие от постоянства Конституции в Соединенных Штатах Америки, которые, приняв Конституцию в 1787 г., не изменяли ее основного содержания, а только вводили в текст изолированные поправки. Но это не означает, что наша Конституция хуже, чем американская. Известно, что во Франции, начиная с «революционной эпохи» XVIII века и по сей день было принято более полутора десятков Конституций. Кроме того, к текстам этих Конституций присоединилось несколько поправок, из которых последняя, датированная 21.07.2008 года и называемая поправкой президента Николя Саркози, законодательно закрепляет ограничение срока президентской власти (не более двух пятилетних сроков).

5 октября 1793 года по инициативе депутата Фабра де Эглантина Конвент утвердил новый закон о новом революционном летоисчислении, об отмене старого календаря, о введении нового календаря с другими названиями месяцев, который был отменен Наполеоном 01.01.1806 года. Были отменены старые традиционные праздники и введены революционные. По этому календарю Новый год начинался с 1 вандемьера (22 сентября по-старому). До

---

²⁵¹ Узуф М. Революционный праздник. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 11, 395.

революции 22 сентября был днем осеннего равноденствия, в который крестьяне отмечали праздник начала сбора винограда. Дата основания республики стала Днем Французской Республики. А когда 1 вандемьера 1795 года была провозглашена новая Конституция III года, то в данный день стали отмечать две памятные даты: начало республики и принятие Конституции. В XIX веке с изменением политической ситуации были восстановлены и григорианский календарь, и дореволюционные праздники.

Любопытна трансформация празднования Рождества и Нового Года на Британских островах. В древней Британии праздновались поздней осенью два праздника, связанные с культом умирающей и воскресающей природы, с обрядами, обеспечивающими сохранение изобилия, возвращение тепла и света солнца, почитание предков как хранителей родового благосостояния, – 31 октября Хэллоуин («День всех душ») и 1 ноября Самайн («день конца лета и начала зимы»). С утверждением христианства они были заменены на Рождество и Новый Год, которые праздновались с большим размахом: с рождественскими гимнами, танцами, ритуальными играми, обильными застольями. Но в XVI – XVII вв. с усилением влияния протестантской церкви начались гонения на праздники, особенно Рождество. Так, в 1605 г. в шотландском городе Абердине пять человек были осуждены за то, что празднуя Рождество, они в масках танцевали на улицах. Парламентским Актом 1644 года празднование Рождества было запрещено во всех частях Англии. Через почти 50 лет этот Акт был отменен, но Рождество как праздник потеряло свое значение и стало считаться семейным празднеством – «детским днем», так как в этот день дети получали подарки. Новый Год, который с 1600 года у шотландцев и с 1752 года у англичан стал праздноваться с 1 января, так как он не имел явной религиозной окраски, то он сохранил общественный характер и отмечается, как правило, в виде народных гуляний и банкетов в клубах, театрах, на площадях²⁵². Именно на Новый Год 1-2 января приходятся официальные дни отдыха, в отличие от 24-25 декабря – дней Рождества.

В России стремление дать новую оценку историческому прошлому соотносилось с политическими интерпретациями основного государственного праздника. В принципе государственные органы обычно выбирают в качестве официального светского праздника некое значимое историческое событие, связанное с революционным прошлым в обозримый для 2-3 поколений период. В СССР таким важнейшим политическим событием, полностью перевернувшим жизнь всего населения страны, явилась Великая Октябрьская социалистическая революция, произошедшая 25 октября 1917 года (7 ноября по

---

²⁵² Гроздова И.Н. Народы Британских островов. // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – С. 83.

новому стилю). Ежегодно этот день рассматривался как всенародный праздник. В советский период этот знаменательный праздник несколько раз менял свое название. В 1918 году – День пролетарской революции, 26 октября 1927 года – День октябрьской революции, а в 1937 году – День Великой Октябрьской Социалистической революции.

После распада СССР Б.Н. Ельциным был подписан Указ, в котором этот праздник получил новое имя – День согласия и примирения²⁵³, но поскольку четкого обоснования у этого праздника не было, то идея праздника не прижилась. Тогда была предпринята попытка перевести главный революционный праздник в разряд памятных дат России.

В результате Федеральный закон, первоначально носивший название «О днях воинской славы (победных днях России)», а затем переименованный в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», неоднократно переписывался и к настоящему времени сложился из нескольких редакций²⁵⁴.

Упоминание Октябрьской революции встречается в этом законе дважды. В ст. 1. 7 ноября – это день, когда был проведен военный парад на Красной площади в городе Москве²⁵⁵. Однако в ст. 1.1. этот же день уже является Днем Октябрьской революции 1917 года²⁵⁶.

Следует отметить, что многократное переименование праздника и лишение его статуса выходного дня привело к утрате былой значимости даты в сознании граждан нашей страны.

Однако вопреки распаду СССР 7 ноября сохранил статус праздника и выходного дня в Республике Беларусь. В Кыргызстане вместо одного дня теперь отмечаются сразу два дня, которые носят название «Дни истории и памяти предков».

В начале 2000-х годов Закон «О днях воинской славы (победных днях) России» был дополнен новой памятной датой – «4 ноября – Днем народного единства». Нововведение достаточно скоро нашло своих приверженцев, поскольку светский праздник совпал с отмечаемым церковным религиозным праздником почитания Казанской иконы Божьей Матери.

---

²⁵³ Указ Президента РФ от 07.11.1996 № 1537 «О дне согласия и примирения» // Собрание законодательства РФ. – 11.11.1996. – № 46. – Ст. 5242.

²⁵⁴ См.: в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 29.12.2004 № 200-ФЗ, от 21.07.2005 № 98-ФЗ, от 15.04.2006 № 48-ФЗ, от 28.02.2007 № 22-ФЗ, от 24.10.2007 № 231-ФЗ.

²⁵⁵ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. – 13.03.1995. – № 11. – Ст. 943.

²⁵⁶ Федеральный закон от 24 октября 2007 г. № 231-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2007. – № 44. – Ст. 5279.

В изменении содержания праздника прослеживается конкретная мыслительная схема законодателей: через новые социально-политические отношения к рождению новых праздников.

Надо полагать, что по мере развития общества и отхода от былых советских идеалов, общество не стремится верить в утопию, а стремится сделать «всех счастливыми не когда-нибудь, а немедленно, и сольется с вечным настоящим, где растворяется праздник»²⁵⁷.

Список литературы:

1. Гоголь Н.В. Авторская исповедь. – Псков: Всероссийский фонд культуры. Псковское отделение, 1990. – 134 с.
2. Гроздова И.Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – 102 с.
3. Столбов В. Поэзия испанского Возрождения. Перевод с испанского. – М.: Художественная литература, 1990. – 591 с.
4. Узуф М. Революционный праздник. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 416 с.

Березкин А.В., Субботин Ю.В.

Формирование государственных праздников и памятных дат как сохранение исторической памяти

ΑΛΛ' ΕΝΑΜΕΙΒΟΝΤΙ...
ΜΟΙ ΝΕΟΣΙΓΑΛΟΝ ΕΥΡΟΝΤΙ ΤΡΟΠΟΝ
ΕΝΑΡΜΟΕΑΙ... ΑΓΛΑΟΚΩΝΟΝ...
(Olymp. 3, 4-6)²⁵⁸

*«Мой по-новому, а не по-старому блистательный
Размер стиха гармоничен речи, воспевающей праздник».*
(Пиндар)

В научных исследованиях, затрагивающих историческую перспективу формирования, значение общественной роли, функциональное осуществление глубинного смысла современных праздников, во-первых, как наследия духовных ценностей уже прошедшего времени, во-вторых, как отражение актуальной данности для всех непосредственно живущих по национальным

²⁵⁷ Узуф М. Революционный праздник. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 19.

²⁵⁸ Pindari carmina cum fragmentis. Pars I. /Ed. B. Sneel, H. Maehler. – Leipzig: Bibl. Teub., 1980. С. 112-113.

традициям настоящего времени, отчетливо заметен интерес к разным аспектам праздников, памятных дат, особенно воинских, в пределах типологического, культурно-социологического, сравнительно-исторического анализов.

Все проводимые анализы с разной степенью подробности рассматривают общий контекст традиции, представленной как ритуал праздника. Этимология славянского слова праздник до сих пор не известна. Во всех этимологических словарях указывается, что праздник связан с понятием «нарочитый, неработный в честь лиц и событий»²⁵⁹. Нерабочий, то есть «праздный» день вовсе не означает, что в этот день можно бездельничать. Нет, этот день (или дни) заполнен не будничным физическим трудом, который мешает размышлять о духовных делах, о важных изначальных ценностях, сопоставлять свою жизнь с деяниями предков, святых людей, а главное – в этот день необходимо участвовать в установленных государственных или родовых ритуалах, требующих немалых душевных сил и материальных средств. Совершать духовно освященные и реально зримые деяния – значит праздновать. Следовательно, праздник имеет идеальную основу, связанную с переживанием образов прошлого и настоящего, и материальную, воплощенную в коллективных встречах, шествиях, торжественных гимнах, веселых песнях, танцах, театральных сценках и т. п.

Как правило, празднество имеет определенный временной диапазон: первая часть олицетворяет то историческое прошлое, которое было изначала, то есть до формирования общей идеи праздника, так называемый «макрокосм», а вторая часть олицетворяет соединение сопереживания коллектива с индивидуальным, частным современным видением события – с «микрокосмом». Единство исторического и человеческого миропонимания порождает «историческое предание», создающее базис праздника в диахронии (сакрализованный рассказ о прошлом) и синхронии (светские способы установить связь с настоящим, а иногда дать прогноз на будущее)²⁶⁰.

Примером переплетения «макрокосма» с «микрокосмом» может послужить древнегреческий праздник заклания в Афинах быка, называемый «буфонии» (от ΒΟΥΣ «бык» и ΦΟΝΕΥΩ «резать, убивать»). Истоки этого праздника уходят в архаические времена и произошли, вероятно, от критского праздника тавромахии «закалывания священного быка», а также связаны с гекатомбами «жертвоприношениями ста быков», убивавшимися в честь олимпийского

---

²⁵⁹ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910-1014. С. 121-122.

²⁶⁰ О соотношении «макрокосма» и «микрокосма» см.: Березкин А.В., Крицкая С.Ю. Органическая метафора в терминологии общего права / История и культура: Исследования. Статьи. Сообщения. Публикации. – СПб.: СПбГУ: Институт истории, 2016. – Вып. 14 (14). – С. 171-202.

верховного бога Зевса. Этот ритуал имеет продолжение в современном жестоким испанском действе – в корриде. Здесь связь веков неоспорима: с древности такие животные, как бык или корова выступают как символы изобилия, природной силы; быть названным в честь быков или коров или сравнимым с ними (будь то человек, местность, временной период) считалось почетным: Зевс – «белый бык», Гера – «волоокая», Геракл – «мощный бык», пролив Босфор – «коровий брод», Букефал – «Быкоглав» (кличка коня Александра Македонского), Бузиг – «упряжной бык» – прозвище героя-изобретателя плужной упряжки, бузигий – праздник первой борозды, проведенной запряженными волами, бунатий – «бычий» месяц в календаре (конец января – начало февраля). Поэты называли область Аргос «выменем плодородной пашни». Таким образом, праздник, установленный в далеком прошлом (буфонии), остался в современности (коррида).

Необходимо отметить, что именно в праздничных действиях достигается и сохраняется переживание всеми, кто принимает в нем участие, как самой целостности жизненного пространства и соответствующего ему времени, так и переживание целостности знания о праздничном бытии, которое воспринимается как высшая духовная ценность – благо для всех. И взгляд на праздник, как на «высшее благо», может при определенных условиях перейти к утверждению, что праздник – это благодать, а, следовательно, можно решить, что сакральность является главной характеристикой праздника, что не совсем верно, так как сакрализацией праздника проблема не исчерпывается. Обратимся к примеру.

Во Франции с конца XVIII века и по сей день 14 июля отмечается как официальный государственный праздник Великой французской революции. Но неожиданно в 1996 году отмеченное с большим размахом президентом Жаком Шираком торжественное празднование 1500-летия крещения короля Франкского королевства (предтечи королевства Франция) Хлодвига выявило тот факт, что революционный по сути своей праздник 14 июля может уступить место празднику явно клерикальному, продвигаемому вперед католической церковью. Это сразу же вызвало ожесточенные споры в рядах французской общественности²⁶¹.

Поскольку президент назвал Францию «старейшей дочерью католической церкви», доказывая в средствах массовой информации, что Хлодвиг был первым христианским правителем в Западной Европе, поэтому день крещения Хлодвига надо рассматривать как праздник рождения Франции. Общество сразу же раскололось на две партии: клерикалистов и социалистов. К первым

---

²⁶¹ Terrio S. J. Crucible of the Millenium?: The Clovis Affair in Contemporary France // Comparative Studies in Society and History. – 1999. – Vol. 41. – № 3. – P. 438-457.

примкнули все правые и крайне правые партии. Естественно, что все католические организации поддержали идею Ширака.

Этнограф Сюзанна Террио описала реакцию на это празднование другой Франции – «дочери Революции, наследницы Просвещения и защитницы Прав Человека против религиозного догматизма»²⁶². Против заявления президента широким фронтом выступили все левые партии, в том числе Французская коммунистическая и социалистическая партии, все атеисты, протестанты и поборники свободомыслия. Любопытно, что к ним присоединилась и часть католиков, которая увидела в попытке утверждения официального государственного праздника происки французского правительства, якобы стремившегося подчинить церковь государству.

Ватикан занял провокационную позицию в этом вопросе, избрав днем празднования крещения Хлодвига 22 сентября, вместо официально принятого 25 декабря, так как традиционно считалось, что Хлодвиг был крещен епископом Реймса святым Реми на Рождество 25 декабря 496 года. Социалисты и республиканцы восприняли ватиканский сдвиг по времени, как «пощечину» национальной идентификации, так как именно 22 сентября 1792 года Конвент провозгласил I Французскую Республику, которая воспринималась как самое свобододлюбивое и демократичное государство в мире, где восторжествовала свобода совести и отделение католической церкви от государства, правда, произошло это событие в XX веке²⁶³. В столкновении идеологической подоплеки двух типов праздников: светского и религиозного ни один из праздников не одержит нравственную победу, потому что любой праздник – это целый мир сходств и различий с другими праздниками. Всегда найдутся те люди, которые могут тяготеть к моральным устоям, внутреннему содержанию и внешней театральности одного праздника в противовес всем остальным. Маркиз Мирабо писал о том, что «праздники организуют время и образуют костяк повседневной жизни»²⁶⁴.

Очень часто праздники, особенно народные, содержат в себе две противоречивые тенденции: с одной стороны, придерживаются строгой упорядоченности, соблюдения ограничений, не позволяющих стихийным проявлениям буйства нарушить устоявшийся ход ежедневной жизни, с другой стороны, разрешают временные послабления в будничном поведении в плане раскрепощения психики, дают возможность предаться увеселениям в виде застолий, винопития, танцам, песням, эротическим заигрываниям.

---

²⁶² Terrio S.J. Crucible of the Millenium?.. – P. 439.

²⁶³ Chaddock G.R. Ancient Hero Clovis Stirs French Debate // Christian Science Monitor. 18 October 1996. – Vol. 88. – № 206. – P. 1.

²⁶⁴ Цит. по Озуф М. Революционный праздник 1789-1799. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С.11.

Совместные шествия, трапезы, возлияния, песнопения – все эти действия скрепляют в людях веру в народное единство, в примирение конфликтов и согласие между собой всех членов коллектива. И главное зрелище праздничного единства, ожидаемое средство «умягчения душ» – это костюмированное театральное выступление.

Некоторые праздники, не имея статуса государственных, тем не менее, отмечаются с редким постоянством как отражение сложившихся в данной области традиций, так называемых «обычаев общины». Витальная сила этих обычаев чрезвычайно сильна, поэтому и в наши дни они неукоснительно соблюдаются, и в праздновании событий, сохраненных обычаем, проявляется связь средневекового прошлого и современности.

В Испании, особенно в селениях на побережье Средиземного моря, несколько веков назад появился ритуал, под названием «праздник, отмечающий битвы мавров и христиан», в котором участвует все население данной местности. Празднование состоит из нескольких костюмированных парадов, где мужчины и женщины облачены в пышные средневековые одежды, из турниров конных и пеших рыцарей, из поединков жителей на мечах. В конце праздника разворачивается сцена высадки с армады небольших парусников воинственных, вооруженных мавров, а затем сражение с ними испанцев на краю берега моря. После сражения участники спектакля и его зрители продолжают отмечать его совместными застольями и состязаниями самодеятельных певцов. Театрализованное представление дает возможность современным испанцам в очередной раз пережить важнейшие события национальной истории: завоевание Испании маврами и освобождение ее в результате Реконкисты.

Лучше всего об этом событии сказал Великий испанский писатель и поэт, современник сражения Мигель де Сервантес Сааведра в «Послании к Матео Васкесу»:

«Услышавши победный глас трубы.
То возвещало о конце сраженья
И о разгроме мавританских сил
Великое Христово ополченье.
Мне праздником тот миг счастливый был»²⁶⁵.

Ученые, наблюдающие за сохранением и проявлением этого обычая как народного празднества, отмечают, что жители, играющие мавров и христиан, не проявляют неприязнь друг к другу, так как участники каждой из групп выбираются по жребию, и никто не знает, кто же из граждан современной

---

²⁶⁵ Пoesия испанского Возрождения. – М.: Художественная литература», 1990. – С. 192.

Испании будет исполнять роль мавра или христианина на следующем празднике. Следовательно, один и тот же человек в разные годы может побывать и нападающим театральным мавром, и обороняющимся театральным христианином на празднике²⁶⁶. Таким образом, дескать, соблюдается расовая и религиозная толерантность, а праздник приводит к единодушию и добродушию, присущим населению «доброй, радостной Испании».

Праздник – это всеобщий подъем, который является тем необходимым фактором формирования праздника, без которого сам праздник превращается в скучные будни.

Список литературы:

1. Березкин А.В., Крицкая С.Ю. Органическая метафора в терминологии общего права. / История и культура: Исследования. Статьи. Сообщения. Публикации. – СПб.: СПбГУ: Институт истории, 2016. – Вып. 14 (14). – С. 171-202.
2. Озуф М. Революционный праздник 1789-1799. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 416 с.
3. Поэзия испанского Возрождения. – М.: «Художественная литература», 1990. – 592 с.
4. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1910-1014. – 420 с.
5. Chaddock G.R. Ancient Hero Clovis Stirs French Debate // *Christian Science Monitor*. 18 October 1996. – Vol. 88. – № 206. – P. 1- 25.
6. Driessen H. Mock Battles between Moors and Christians. Playing the Confrontation of Crescent with Cross in Spain's South // *Ethnologia Europaea*. – 1985. – Vol. 15. – № 2. – P. 105-115.
7. Pindari carmina cum fragmentis. Pars I. / Ed. B. Snel, H. Maehler. – Leipzig: Bibl. Teub., 1980. – 149 с.
8. Terrio S.J. Crucible of the Millenium?: The Clovis Affair in Contemporary France // *Comparative Studies in Society and History*. – 1999. Vol. 41. – № 3. – P. 438-457.

---

²⁶⁶ Driessen H. Mock Battles between Moors and Christians. Playing the Confrontation of Crescent with Cross in Spain's South // *Ethnologia Europaea*. 1985. – Vol. 15. – № 2. – P. 105-115.

РАЗДЕЛ III. ЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАРОДОВ И РОЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДАННОМ ВОПРОСЕ

Болдырев В.А.

Вторая мировая война и семейные ценности: позитивное право как зеркало социальных процессов

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²⁶⁷ называют деструктивной идеологией ту систему взглядов, в которой отрицаются идеалы «патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений». Существующая разница представлений о семейных ценностях в России и других странах Европы, различные параметры адекватной состоянию общества новеллизации права отмечается в совместных научных исследованиях российских и зарубежных авторов²⁶⁸.

Озабоченность государства соответствующей проблематикой заставляет обратить взгляд в прошлое. Использование знаний о нем для предотвращения негативных событий в будущем оказывается одной из задач когнитивной истории. Период Великой Отечественной войны и послевоенный период, вплоть до конца 60-х годов XX века, интересен широким набором мер стимулирования рождаемости. Влияние каждой из них на полученный эффект определить сложно. С дистанции времени ясно, что, несмотря на тяжесть потерь в Великой Отечественной войне, Советский Союз сохранил жизненный потенциал для восстановления народонаселения. В то же время вопрос о глубине очередной в XX веке последовавшей за коллективизацией и индустриализацией ломки жизненных устоев граждан советской России, о трансформации представлений, касающихся семейных ценностей и прежде всего супружеской верности и полной семьи, стоит отдельно и очень остро.

---

267 Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202211090019> (Дата обращения: 27.04.2023 г.).

268 Вударски А., Ульянова М.В. Правовой статус биологического отца в случае множественности отцовства: европейский сравнительный анализ // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75. – № 1. – С. 161.

Гибель на фронтах войны значительной части мужского населения неизбежно привела к высокой конкуренции женщин в репродуктивной сфере. Улучшение демографической картины в обществе тотального дефицита мужчин при сохранении стабильности семей было возможно лишь путем проведения весьма гибкой политики, при которой жизнь в браке считалась нормой, но матери-одиночки получали особую защиту.

Основными нормативными правовыми решениями, вызванными демографической ситуацией в стране, были: (1) налог «на бездетность»; (2) материальная поддержка многодетных семей и матерей-одиночек, (3) отмена права на иск об установлении отцовства; (4) усложнение процедуры расторжения брака; (5) моральное поощрение материнства.

1. Налог «на бездетность» был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР»²⁶⁹. Им облагались, по общему правилу, одинокие и семейные граждане, не имеющие детей: мужчины 20-50 лет и женщины 20-45 лет (при месячном заработке до 150 руб. – в размере 5 руб. в месяц, при месячном заработке свыше 150 руб. – в размере 5% заработка).

«Налог на бездетность» как правовая категория в нормативном правовом акте отсутствовал изначально, а с момента принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»²⁷⁰ (далее – Указ 1944 г.) его народное название утратило смысл, поскольку государство сообщало гражданам «норматив» деторождения – трое и не меньше, а в противном случае приходилось платить. С граждан, облагаемых подоходным налогом, налог взимался при отсутствии детей – 6% от их дохода, при наличии одного ребенка – 1% и при наличии двух детей – 0,5% от их дохода.

2. Указ 1944 г. начинался с преамбулы, призванной подчеркнуть роль материнства и многодетности для общества в период войны. Из самого названия нормативного правового акта следовали обязательства советского государства поддерживать матерей материально и морально, готовность к официальной героизации женщин. Ежемесячное пособие многодетным матерям выплачивалось, начиная со второго года рождения ребенка до достижения им пятилетнего возраста. Логика государства была проста: усилия матери, получившей единовременное пособие, должны быть

---

269 Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 42.

270 Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37.

направлены на то, чтобы младенец выжил. Лишь после года жизни ребенок становился источником постоянного «дополнительного дохода» на непродолжительный срок. Впрочем, размер единовременного пособия при рождении ребенка был такой, что в пересчете на месяцы первого года жизни давал сопоставимый эффект.

Высокий слог Указа 1944 г., особенно преамбулы, контрастирует с характером решаемых бытовых проблем. Для того чтобы понять это, достаточно сравнить размеры назначаемых матерям единовременного и ежемесячного пособия, централизованно установленного императивным указанием государства, с ценами на продукты, продававшимися на рынках («толкучках») в военный период. Соответствующие данные о стоимости продовольствия отличаются в зависимости от региона. Так, в промышленном центре Урала – г. Челябинске – на единовременное пособие по рождению четвертого ребенка (1300 руб.) по ценам 1945 г. можно было купить, например, чуть больше мешка пшеничной муки (около 70 кг)²⁷¹. Однако советское государство рассчитывало стимулировать рождаемость, используя не только рыночные меры – задействовались и механизмы административные. Нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности, и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления увеличивались вдвое.

Государство частично взяло на себя материальную нагрузку, связанную с рождением детей вне брака. Одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей, родившихся после издания Указа 1944 г., устанавливалось государственное пособие в размере 100 рублей в месяц на одного ребенка; 150 рублей – на двух детей и 200 рублей – на трех и более детей. Выплаты осуществлялись до достижения детьми двенадцатилетнего возраста. Одиноким матерям, имеющим трех и более детей, данное пособие выплачивалось дополнительно к пособию по многодетности. При вступлении одинокой матери в брак право на пособие сохранялось. В то же время устанавливались правила, в силу которых одинокая мать могла поместить в детское учреждение рожденного ею ребенка на воспитание за государственный счет и взять его обратно. За время нахождения ребенка в детском учреждении пособие на ребенка не выплачивалось.

3. Упоминание мужчин во всем тексте Указа 1944 г. встречалось только один раз и в весьма любопытном ключе, изменяющем восприятие

---

271 Кусков С. А. Цены военного времени. // – URL: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni> (Дата обращения: 27.04.2023 г.).

всей системы новых узаконений. Норма ст. 20 по юридико-техническому исполнению и смыслу звучала весьма необычно даже для советского правопорядка: «Отменить существующее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке». Проблема внебрачной беременности и рождения внебрачного ребенка становилась теперь проблемой женщины и общества, но не биологического отца.

Не вытекающим из преамбулы Указа 1944 г., но весьма вероятным, с идеологической точки зрения, основанием отмены возможности обращения женщин в суд с иском об установлении отцовства могло быть нахождение на территории страны большого числа германских мужчин-военнопленных. После окончания войны на территории СССР осталось около 3,5 миллиона военнопленных из Германии и союзных с ней стран, которые в основном содержались в спецлагерях и привлекались к работам по восстановлению народного хозяйства, многие из которых заводили романы с советскими женщинами²⁷². Рассмотрение народными судами исков советских женщин к пленным оккупантам выглядело бы неоднозначно.

Проблематика возникавших близких связей между мужчинами и женщинами в военный и послевоенный период, как на территории СССР²⁷³, так и на территории стран Европы²⁷⁴, непроста для изучения и осмысления – плохо подкреплена статистическими данными и зачастую предстает перед читателем в виде изложенных историками воспоминаний непосредственных участников событий.

Запрет²⁷⁵ в 1947 г. браков советских граждан и иностранцев не стоит рассматривать как дополнительное подтверждение действия «интернационального» фактора при введении запрета на иски об установлении отцовства. Обстоятельства, предшествовавшие этому

---

272 «Запретная любовь»: почему женщины в СССР заводили романы с пленными немцами. –URL:

https://news.rambler.ru/other/38806720/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 07.05.2023 г.).

273 Икута М., Пушкарева Н.Л. Советские женщины и японские интернированные: анализ повседневных практик в ракурсе гендерной истории (1945-1956 гг.) // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 3(46). – С. 51-66.

274 Карнер С. К вопросу о мотивах советских граждан, оставшихся в Австрии после Второй мировой войны // Исторический курьер. – 2021. – № 3 (17). – С. 176.

275 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 г. «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» // Ведомости Совета СССР. – 1947. – № 10.

решению²⁷⁶ и его отмена, спустя несколько месяцев после смерти Сталина²⁷⁷, говорят о том, что коверкающие судьбы граждан страны решения, легитимируемые государственным аппаратом, очень часто становятся результатом заблуждений и эмоциональных всплесков диктаторов. Попытки искать исторические закономерности в действиях высших должностных лиц нередко обречены на провал. Действие запрета на иски в течение более двух десятилетий наоборот говорит о том, что он был продуманным и осознанным решением, тщательно взвешивавшимся советским руководством.

Советские люди – и мужчины, и женщины – попали в масштабный демографический эксперимент, в рамках которого проверялось усвоение новых, чрезвычайных по содержанию и условиям реализации правил поведения. «В результате этого многоженство и безответственность мужей стали одной из центральных проблем семейных отношений в советском обществе, мужчинам была предоставлена практически полная свобода в сексуальных отношениях – они не опасались того, что женщины, родившие от них ребенка, будут требовать установления отцовства»²⁷⁸.

Социальная среда определяет стратегию репродуктивного поведения людей. Если бы не война, если бы не гибель значительной части мужчин и не одиночество женщин, указанные решения, скорее всего, не были бы приняты.

Выработанная правовая стратегия, стала альтернативой узаконению многоженства и одновременно фактическим поощрением множественности фактических семейных отношений. Такое положение дел просуществовало более двух десятилетий – период, необходимый для сглаживания тяжелых последствий войны.

4. Усложнение процедуры расторжения брака было направлено на сохранение, скорее, видимости семейных отношений, нежели собственно семьи. Указ Президиума Верховного Суда РСФСР от 16 апреля 1945 г. «Об изменениях Кодекса законов о браке, семье и опеке и Гражданского процессуального кодекса РСФСР» вносил коррективы и в процедуру развода, обеспечивая реализацию общесоюзных правовых решений на более низком уровне.

---

276 Гузаирова А., Каменченко П. «Тебя отпущу, и другие побегут» 75 лет назад Сталин запретил в СССР браки с иностранцами. Как это разрушило судьбы людей? // – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/02/15/marriage/> (Дата обращения: 07.05.2023 г.)

277 Указ Президиума ВС СССР от 26 ноября 1953 г. «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1947 года «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» // Ведомости ВС СССР. – 1953. – № 20.

278 Замараева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6. – С. 54.

Теперь в силу ст. 18 Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г.²⁷⁹ при жизни супругов брак мог быть прекращен только путем развода через суд по заявлению одного или обоих супругов. Развод производится публично, однако по просьбе супругов дело о разводе могло, в необходимых случаях, по решению суда, слушаться в закрытом судебном заседании. Для возбуждения судебного производства о расторжении брака требовалась публикация в местной газете объявления о возбуждении судебного производства о разводе за счет супруга, подавшего заявление о расторжении брака (ст. 19). Народный суд был обязан установить мотивы подачи заявления о расторжении брака и принять меры к примирению супругов. В случае если примирение супругов в народном суде не состоялось, истец получал вправо обратиться с заявлением о расторжении брака в вышестоящий суд (ст. 20). Решение о расторжении брака по иску могло быть вынесено только краевым, областным, окружным, городским суд или верховным судом автономной республики, в случае признания необходимости расторгнуть брак (ст. 21 и 22). Таким образом, в новой процедуре расторжения брака суды первого звена играли роль скорее посредника-примирителя, что, в общем, не характерно для судебной системы.

5. Матери, родившей и воспитавшей десятерых детей, согласно Указу 1944 г. присваивалось почетное²⁸⁰ звание «Мать-героиня» с вручением соответствующего ордена. Звание «Мать-героиня», а также награждение орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» производилось по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери. При награждении матери учитывались дети, погибшие или пропавшие без вести на фронтах Отечественной войны. Меры морального стимулирования являлись для советских граждан важными средствами удовлетворения потребности в признании обществом.

Сегодня высшее звание «Мать-героиня» присваивается матери, являющейся гражданкой Российской Федерации, родившей и воспитавшей десять и более детей, являющихся гражданами Российской Федерации. Его возвращение в позитивное право России²⁸¹ свидетельствует о готовности государства обращаться к советскому историческому опыту.

---

279 Утвержден ВЦИК 19 ноября 1926 г. (Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82, ст. 612).

280 С 1980 года в нормативном правовом акте идет речь о «высшей степени отличия» – звании «Мать-героиня», а слово «почетное» не используется (Указ Президиума ВС СССР от 18 июля 1980 г. № 2523-Х «О внесении изменений в некоторые законодательные акты СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1980. – № 30. – Ст. 613).

281 Указ Президента Российской Федерации от 15 августа 2022 г. № 558 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 34. – Ст. 5959.

Э. Россмман, видящая исторические аналогии в нормативном описании механизма героизации матерей в 1944 и 2022 гг., отмечает: «Решения, принятые во время и после Второй мировой войны под рубриками “семейного права” и пронатализма, создавали общество несостоятельных браков, “безотцовщины” и абортной культуры»²⁸². Оценивая правовые решения с дистанции восьми десятилетий, можно определить их отдельные недостатки и образовавшийся социальный дисбаланс. Как в советский, так и в современный период вне поля зрения правотворца осталась необходимость признания заслуг перед обществом многодетных отцов, добросовестно выполняющих перед своими детьми обязанности по содержанию и воспитанию. Демонстрируемое государством (его законодательными, административными и судебными органами) недоверие – недооценка роли мужчин, которую они могут и должны играть в воспитании детей – препятствует усвоению членами социума должной модели поведения и укореняется в правовых практиках.

Учет витальных, зоосоциальных потребностей и потребности в саморазвитии²⁸³ является частью любой серьезной правовой стратегии. Взгляд на события восьмидесятилетней давности с учетом современных знаний из области нейробиологии, когнитивистики и репродуктивной психологии – позволяет говорить, что советское государство прибегло к стимулированию демографических процессов на основе передовых для того времени представлений о системе потребностей человека. Использованный подход, оценивался властями как необходимый и вполне эффективный, но был чреват серьезными социальными проблемами. Изменение общественной морали – проявление терпимости в отношении мужчин безразличных к судьбе потомства, приведшее к усугублению проблемы безотцовщины – стало «побочным эффектом» радикальной новеллизации семейного законодательства и изменения норм о социальном обеспечении граждан.

Список литературы:

1. Вударски А., Ульянова М.В. Правовой статус биологического отца в случае множественности отцовства: европейский сравнительный анализ // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75. – № 1. – С. 147-163. – <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.147-163>.

---

282 Россмман Э. Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР // *Демографическое обозрение*. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 119.

283 Дубынин В. А. Мозг и его потребности: От питания до признания. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – С. 45.

2. Гузаирова А., Каменченко П. «Тебя отпущу, и другие побегут» 75 лет назад Сталин запретил в СССР браки с иностранцами. Как это разрушило судьбы людей? – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/02/15/marriage/> (Дата обращения: 07.05.2023 г.).

3. Дубынин В.А. Мозг и его потребности: От питания до признания. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 572 с.

4. Замараева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6. – С. 53-56.

5. «Запретная любовь»: почему женщины в СССР заводили романы с пленными немцами. – URL: https://news.rambler.ru/other/38806720/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 07.05.2023 г.).

6. Икута М., Пушкарева Н.Л. Советские женщины и японские интернированные: анализ повседневных практик в ракурсе гендерной истории (1945-1956 гг.) // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 3(46). – С. 51-66. – <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2019-3-51-66>

7. Карнер С. К вопросу о мотивах советских граждан, оставшихся в Австрии после Второй мировой войны // Исторический курьер. – 2021. – № 3(17). – С. 173-179. – URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-19.pdf> (Дата обращения: 07.05.2023 г.).

8. Кусков С.А. Цены военного времени. // – URL: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni> (Дата обращения: 27.04.2023 г.).

9. Медушевская О.М. Источниковедческая компаративистика и образовательная модель гуманитарного знания // Новый исторический вестник. – 2004. – № 1(10). – С. 5-18.

10. Россман Э. Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР // Демографическое обозрение. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 119-122. – <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16209>

**Роль семейно-правовых норм в самоидентификации личности
на примере законодательства стран
Содружества Независимых Государств²⁸⁴**

Институты семьи и брака появились в обществе еще до появления государства. Семейные ценности, такие как любовь, взаимоуважение, многодетность, супружество, поколенческая преемственность, на первых порах существования семей служили наиболее мощным регулятором такого рода отношений. Однако с течением времени к моральной составляющей добавилось и право как эффективный способ формализации семейных отношений. Каким же образом отражаются семейные ценности в правовых нормах, как современное общество реагирует на влияние права на семейную жизнь, и имеется ли обратное влияние вышеуказанных ценностей на законы о семье и браке? Каким образом эти семейные ценности находят свое отражение в самоидентификации личности? На этот вопрос поможет ответить сравнение норм семейного права в различных государствах, а с учетом общего прошлого, в нашем случае некоторых стран-участниц Содружества Независимых Государств.

Начать следует с того, что ни термин «семья», ни термин «семейные ценности» не закреплены в правовых актах Российской Федерации и сущность данных институтов определяется только в социологических исследованиях. Законодатель лишь закрепил субъектный состав семьи в ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации²⁸⁵. Это может быть объяснимо как с социологической, так и с исторической точки зрения. Данные категории, как уже было указано, возникли довольно давно и с изменением социума менялись и подход к ним. Особенно изменение подхода к семье и семейным ценностям заметно на рубеже XX и XXI веков: для современной семьи не характерны ее традиционный состав, желание оформить брачные отношения, рождение детей (кроме того, что данный вопрос может откладываться на более продолжительное время в связи с достижениями медицины и нежеланием молодых людей рано становиться родителями, присутствует даже движение «чайлдфри»: отказ от рождения вовсе). Данное отношение к семье и браку вызваны несколькими причинами: приоритетом личных интересов, желанием обеспечить

---

²⁸⁴ *Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».*

²⁸⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.

финансовое благополучие, отсутствием «живой» коммуникации в связи с наличием виртуальных способов общения. Действующие семейные правовые нормы, принимая во внимание современные веяния, по сравнению с предыдущим законодательством позволяет гражданам самостоятельно решать вопрос об указании семейного положения и информации о детях²⁸⁶.

Таким образом, право не контролирует семейные процессы, а выступает гарантом поддержки семьи и призвано способствовать сохранению семейных ценностей.

Нужно отметить, что в последнее время интерес к вопросам семьи и семейных ценностей в Российской Федерации особенно выражен. В этой части вспоминаются изменения в Конституции РФ в части отнесения вопросов семейной политики к совместному ведению РФ и ее субъектов, обязанности Правительства РФ обеспечивать единую государственную политику в области сохранения традиционных семейных ценностей²⁸⁷, а также и в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в части расширения термина «воспитания»²⁸⁸.

Приоритет семейных ценностей в семейной политике на современном этапе очевиден и исходя из текста Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. В ее разделе III упомянуты «традиционные семейные ценности и семейный образ жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании»²⁸⁹.

Из представленных правовых норм очевидна озабоченность государства вопросом сохранения традиционных ценностей в российских семьях, однако не обозначены конкретные меры по осуществлению указанной цели. Также нормы права отражают отношение общества и личности к современному пониманию семьи и семейных ценностей, позволяет увидеть – какая она: современная российская семья?

---

²⁸⁶ Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 15.07.2021) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – № 28. – Ст. 3444.

²⁸⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

²⁸⁸ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2023) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

²⁸⁹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.

В 2020 году предпринималась попытка изменения Семейного кодекса Российской Федерации: в Государственную Думу был внесен соответствующий законопроект, однако он был снят с рассмотрения. С нашей точки зрения, это упущение законодателя, поскольку в семейно-правовой отрасли давно назрел вопрос о реформации брачно-семейного законодательства, особенно на фоне изменений, внесенных в Конституции и общей направленности социальной политики РФ.

Конечно, государством предпринимается ряд мер по сохранению традиционного семейного уклада российских семей. Особенно это отражается на сфере образования: вводятся новые школьные курсы, такие как «Нравственные основы семейной жизни»²⁹⁰ и «Семьеведение»²⁹¹, в области высшего юридического образования дисциплина «Семейное право» из вариативной части перенесена в базовую часть²⁹². Однако, данных мер недостаточно, чтобы повлиять на вопрос в корне. Полагаем необходимым закрепить в Семейном кодексе Российской Федерации принципа, аналогичного указанному в Концепции. Кроме того, современное российское право слишком широким образом трактует понятие семьи, в котором неполные семьи отождествляются с семьей традиционного типа. Необходимо в законодательстве обозначить тот факт, что семья традиционного типа – это супруги и лица, происходящие от них. Это конечно не значит, что не нужно оказывать меры поддержки одиноким матерям и отцам, но в сознании социума благодаря законодателю должна отложиться мысль о том, что брак не является рудиментарным институтом, который для поддержания семейных ценностей не играет какой-либо роли.

Немного иначе семейно-правовые нормы работают в некоторых странах-участницах СНГ.

Так, семейное законодательство Республики Беларусь особое внимание заостряет на установлении прав и обязанностей членов семьи не только в соответствии с положениями Конституции, но и нормами международного

---

²⁹⁰ Новый учебный курс «Нравственные основы семейной жизни // – URL: <http://www.pravoslavnoe-obrazovanie.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%BE%D1%82%D0%B4%D0%B5%D0%B%D0%B0/1-r25.html> (Дата обращения: 25.08.2021 г.).

²⁹¹ Минпросвещения включило в школьные учебники курс семьеведения // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/24/03/2021/605af3119a794738624cf660> (Дата обращения: 20.08.2021 г.).

²⁹² Приказ Минобрнауки России от 11.01.2018 № 28 «О внесении изменения в федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2016 № 1511» (зарегистрирован в Минюсте России 01.02.2018 № 49867) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (Дата обращения: 02.02.2018 г.)

права, а приоритетными задачами обозначает охрану институтов материнства, отцовства и детства, а также обеспечение благоприятных условий для развития и становления каждого ребенка²⁹³.

Более глобально к вопросу регулирования института семьи подходит законодательство Казахстана, в семейном кодексе которого говорится в целом о семейном законодательстве как о приоритетном направлении государственной социальной политики²⁹⁴. Аналогичные нормы имеются в кодексе Кыргызстана.

Однако при относительном единстве принципов семейного права, в семейном законодательстве указанных государств содержатся и различия, особенно в части правового регулирования личных неимущественных прав супругов.

Например, семейный кодекс Беларуси указывает на возможность самостоятельно каждым из супругов решать вопросы о личных интересах (с. 20 -1 КоБС)²⁹⁵. Аналогично ст. 29 СК Казахстана гарантирует супругам свободный выбор рода деятельности, профессии и вероисповедания²⁹⁶. В Кыргызстане для супругов предусмотрена статья, декларирующая равное распределение обязанностей по домашнему труду (ст. 32)²⁹⁷. Существует ряд и иных отличий, в частности в области права определения супругов на фамилию, вопрос заключения брачного договора, различные подходы к алиментированию.

Подводя итог, мы можем отметить прямую корреляцию норм семейного права и самоидентификацию личности во всех изучаемых нами государствах. Различия в подходах к регулированию семейных отношений в представленных странах позволяют увидеть национальные особенности различных правовых порядков, в то время как достаточно большое количество схожих норм указывает на общее историческое прошлое стран-участниц СНГ. Личность формируется и осознает себя в том числе и под влиянием правовых норм, а так как огромный пласт социализации приходится на такого социального агента как семья, семейно-правовые нормы в данном контексте играют определяющее значение.

---

²⁹³ Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 195. 2/1097.

²⁹⁴ Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 дек. – 2001. – № 518-IV (с изм. и доп.) // Казахстанская правда. – 2012. – № 6-7 (26825–26826); 7 янв.

²⁹⁵ Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 195. 2/1097.

²⁹⁶ Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 дек. 2001 г. № 518-IV (с изм. и доп.) // Казахстанская правда. – 2012. – № 6-7 (26825–26826); 7 янв.

²⁹⁷ Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 авг. 2003 г. № 201 (с изм. и доп.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 2004. – № 1. – Ст. 1.

Преступления против семейных ценностей в процессе самоидентификации народов и роль правового регулирования

Невозможно без традиционных ценностей создать нравственные ориентиры для Российского общества, формирующие мировоззрение граждан, которые передавались из поколения к поколению и единое культурное наследие страны, которое находит свое отражение в духовном, историческом и культурном развитии России²⁹⁸.

К традиционным ценностям нашего государства можно отнести права и свободы наших граждан, патриотизм, служение Отечеству, семью, приоритет духовного над материальным, милосердие и справедливость, нашу богатую историю.

Вышеперечисленные традиционные ценности позволяют защитить суверенитет нашей страны и сохранить многонациональность и многоконфессиональность.

Президентом и органами публичной власти создаются условия для защиты семейных (традиционных) ценностей.

Создаются различные программы в области образования и воспитания молодежи. В реализации таких программ принимают участие федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности.

Стремление государства сохранять и развивать семейные и духовные ценности связаны с повышением сплоченности нашего общества, что крайне необходимо в условиях глобального кризиса духовно-нравственных (моральных) принципов²⁹⁹.

Государство стремится защитить общество от идеологических и психологических воздействий и «навязывание» чужих идей (ценностей), безнравственности, отрицание и любовь к патриотизму, отрицание всех семейных ценностей (многодетность, брак). Навязывание данных идей может привести к демографической угрозе.

Поэтому одной из главных целей государства является укрепление семейных ценностей³⁰⁰, представление России на мировой арене, как

---

²⁹⁸ Дорская А.А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2008. – № 6. – С. 21-22.

²⁹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

³⁰⁰ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020

хранительницы и защитницы традиционных ценностей, культуры генетической (исторической) памяти.

В связи с этим государство ставит перед собой следующие задачи: в первую очередь это укрепление народного единства, недопущение подмены исторических фактов, защита института брака, как союза мужчины и женщины, уважение к старшему поколению.

Для реализации поставленных целей государство создает правовые инструменты по укреплению семейных (традиционных) ценностей, совершенствуя федеральное и региональное законодательство. Разрабатывается стратегическое планирование мероприятий по сохранению семейных ценностей, осуществление мониторинга по достижению поставленных целей. Также осуществляется контроль и защита данных ценностей со стороны органов публичной и исполнительной власти. Осуществляется огромное финансирование со стороны государства на все вышеперечисленные цели по сохранению семейных (нравственных) ценностей.

Хотелось бы отметить, что направленная политика государства по сохранению семейных (традиционных) ценностей способствует сбережению российского народа и развитие человеческого потенциала и сохранения мира внутри страны, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации.

Создаются целые системы задач и принципов, охраняющих семью, как институт общества. Проводится профилактика по повышению авторитета родителей в семье и предотвращения возникновения неблагополучных семей, благодаря финансовой поддержке со стороны государства повышается качество жизни семьи³⁰¹. Как уже ранее отмечалось, политика государства в отношении семьи и нравственности реализуется как многосубъектная деятельность, участие в которой принимают различные органы государственной власти и общественные организации, религиозные конфессии, а также сами граждане.

На сегодняшний день со стороны государства проделана огромная работа по охране, обеспечению семьи и семейных ценностей. Затронуты практически все стороны семьи (правовые, социальные и психологические семьи).

г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

³⁰¹ Емелина Л. Особенности регулирования семейных отношений в современном российском праве. Юрист ВУЗа. – 2012. – № 12. – С. 58.

Если обратиться к данным Всероссийской переписи населения, то мы увидим, как возросло количество семейных пар. Например, число супружеских пар, в которых оба супруга моложе 30 лет, составляет 3,1 млн. семей. Семей, в составе которых есть несовершеннолетние дети – 17,3 млн. Также хотелось бы отметить, что уменьшается количество разводов, детей, рожденных вне брака и увеличивается количество лиц, официально регистрирующих свой брак. Хотелось бы отдельно отметить, что произошли позитивные изменения в демографическом вопросе³⁰².

Представленные данные Всероссийской переписи населения показывают на практике, насколько эффективна политика государства в сфере защиты семьи и нравственных ценностей.

Также со стороны государства разработана концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Согласно данной концепции со стороны государства будут выделяться стимулирующие выплаты рождаемости (ежемесячные пособия по уходу за ребенком неработающим женщинам, увеличение размера пособия по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком работающим женщинам, введение родового сертификата и налоговые льготы).

Говоря о демографической концепции необходимо отметить положительный опыт выплат семьям материнского капитала. По математическим подсчетам, сертификат на материнский капитал получили более 5 миллионов человек, что говорит об эффективной политике государства.

Государство стремится создать условия для удовлетворения интересов и запросов семьи, постоянно повышая их экономическую независимость, стремясь воспитать новое поколение и укрепить институт семьи, повысить престиж образа семейной жизни³⁰³. Сократить число неработающих членов семьи, уменьшить количество бракоразводных процессов. Создать условия в стране на семейное проведение досуга, улучшить жилищные условия, сократить численность отказников в родильных домах.

Список литературы:

1. Дорская А.А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2008. – № 6. – С. 21-22.

---

³⁰² Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

³⁰³ Куриленко О.Г. Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации: Автореф. Дисс. канд. юридич. наук. - М., 2011. - 218 с.

2. Емелина Л. Особенности регулирования семейных отношений в современном российском праве // Юрист ВУЗа. – 2012. – № 12. – С. 58.

3. Куриленко О.Г. Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации: Автореф. дисс. канд. юридич. наук. – М., 2011. – С. 218.

Мун В.А.

Значение традиционных семейных ценностей при осуществлении современного правового регулирования

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал важность сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей³⁰⁴. Речь идет, прежде всего, о сохранении, укреплении и продвижении традиционных семейных ценностей (включая защиту брака как союза мужчины и женщины), обеспечении преемственности поколений и достойной заботе о пожилых людях. В настоящее время концепт «традиционных семейных ценностей» нашел отражение в Основном законе Российской Федерации, проводимой государством демографической, семейной, культурной политике. В этой связи актуальность традиционных семейных ценностей сегодня сложно переоценить.

Одним из ключевых юридических категорий в концепте «традиционные семейные ценности» выступает понятие «правовые традиции»³⁰⁵. Как справедливо отмечает А.А. Дорская, «каждое поколение как бы пропускает правовые традиции через себя, отбирает самое ценное и совершенствует их»³⁰⁶. Правовая традиция – это совокупность сознательно поддерживаемых обществом, а иногда и государственными органами, правовых установок и ценностей, проявляющихся в повседневной жизни и способных играть как новаторскую, так и сдерживающую роль³⁰⁷. Из этого можно заключить, что правовые традиции являются установками, с одной стороны, сдерживающими

---

³⁰⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

³⁰⁵ Мун В.А. Соотношение понятий: «традиции в праве» и «правовые традиции» // Государство, общество, личность: история и современность: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 21-22 апреля 2023 г. / Под ред. А.В. Яшина, Н.В. Цвяткова, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 138.

³⁰⁶ Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния / монография. – СПб.: Астерион, 2016. – С. 6.

³⁰⁷ Дорская А.А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2 (109). – С. 31.

от турбулентности и хаоса, с другой стороны, отражающими те ценности, которые прижились в обществе и вошли в привычку. Однако, традицию характеризует не только сознательность, но и «правильность справедливость, одобрение, поддержка»³⁰⁸.

Рассуждая о значении традиционных семейных ценностей при осуществлении современного правового регулирования, особый интерес представляет анализ таких функций семьи, как: репродуктивная функция; функция духовно-нравственного формирования личности ребенка; межпоколенная трансмиссия семейных ценностей. Реализация каждой из указанных функций сопровождается государственно-правовым регулированием, в основе которого идея о важности бережного отношения к традиционным семейным ценностям.

Благодаря семье человеческий род непрерывно продолжается, в семье происходит воспитание, адаптация, первичная социализация, формирование личности, последующее когнитивное развитие. Ценности, которые транслирует семья, являются отражением эволюционного развития брачно-семейных отношений: от первобытнообщинного к моногамному типу семьи.

Репродуктивная функция семьи заключается в обеспечении непрерывной смены поколений. Являясь единственным социальным организмом «разрастающимся изнутри», семья выступает важнейшим социальным институтом воспроизводства социума³⁰⁹. В этой связи представляет угрозу распространение идеологии, в основе которой пропаганда сознательного бездетного образа жизни («чайлдфри»), популяризация сообщества «детоненавистников» («чайлдхейт»), нетрадиционные сексуальные отношения³¹⁰. Государство, устанавливая различные механизмы защиты общества от пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, а также для защиты детей от деструктивной информации, тем самым обеспечивает интеллектуальную, нравственную и психическую безопасность общества.

Статья 72 Основного закона Российской Федерации к вопросам, находящимся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов

---

³⁰⁸ Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния / монография. – СПб.: Астерион, 2016. – С. 15.

³⁰⁹ Осипова Л.Б. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2015. – № 9 (364). – С. 51.

³¹⁰ Ворошилова С.В., Мун В.А. Государственная защита семьи, материнства, отцовства и детства: возвращение к традиционным семейным ценностям // Советское и российское государство и право: преемственность и новизна (к 100-летию образования СССР): материалы IX Международной научной конференции / Под ред. М. В. Заднепровской. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – С. 103.

Российской Федерации, относит, в том числе, «защиту материнства, отцовства и детства; защиту института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье»³¹¹.

В ноябре 2022 г. были приняты поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Так, согласно статье 4 Закона «О средствах массовой информации», не допускается использование средств массовой информации, в том числе, для распространения материалов, пропагандирующих нетрадиционные сексуальные отношения³¹². В силу статьи 10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет» ... обязан соблюдать требования законодательства Российской Федерации, в частности: 5) осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления информации, пропагандирующей нетрадиционные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола³¹³. Аналогичные поправки были приняты в другие законы Российской Федерации, предусматривающие запрет призывов к нетрадиционным отношениям в кино, книгах, аудиовизуальных сервисах и т.д.

Иными словами, отрицание семейных ценностей, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, преувеличение положительных аспектов смены пола в России не допускается на законодательном уровне. Указанные негативные общественные явления, ввиду опасности возможных общественных последствий, используются законодателем в одном ряду с пропагандой суицида, наркотиков, экстремизма, преступного поведения.

Другой важной функцией семьи является духовно-нравственное формирование личности ребенка. Семья является первичным инструментом воспитания, складывания определенного образа жизни человека. В семье происходит зарождение и последующее развитие умения ценить и уважать труд, заботиться о других членах семьи.

Для молодого поколения угрозу воспитательному элементу в семье представляют активные действия ЛГБТ-сообществ, проведение ими различных демонстраций, митингов, парадов, иных массовых акций.

---

³¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 01.03.2023 г.)

³¹² Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 29.12.2022) «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – № 32.

³¹³ Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006. – № 165.

Опасность подобных действий заключается в том, что агрессивные взгляды членов ЛГБТ-сообществ являются провокационными. Кроме того, демонстрация сексуальной ориентации и стремление утвердить положительный образ нетрадиционной ориентации в местах массового скопления носит демонстрационный характер. В свою очередь, государством, в стремлении сберечь подрастающее поколение от принятия за норму искаженных паттернов поведения, в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации³¹⁴ введено административное наказание за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений либо смены пола (статья 6.21).

Наконец, третьей функцией семьи, рассматриваемой в настоящей статье, является особенность межпоколенной трансмиссии ценностей в современном мире³¹⁵. Передача семейных ценностей в эпоху информатизации, компьютеризации, цифровизации общества переносит социальные контакты в онлайн пространство, где действуют иные правила поведения, собственные коды коммуникации. В виртуальном измерении из-за стирания границ, существования иных принципов субординации, молодое поколение выстраивает собственную систему общения, в основе которой мобильность и активность в киберпространстве, отсутствие каких-либо ограничений.

В то же время, значение традиционных семейных ценностей заключаются в межпоколенной связи, передачи культурного опыта, исторического наследия, преемственности традиций, распределения ответственности между старшим и младшим поколением. Указанные ценности и связи, погруженные в современную реальность, выглядят оторвано от того мира виртуальной реальности и метавселенной, в который погружено поколение миллениалов и зумеров. Для детей, рожденных со смартфоном в руках, поиск любого ответа на вопрос занимает несколько секунд, такие дети быстрее учатся пользоваться техникой, чем коммуникации в реальности. Тем самым образуется разрыв между различными поколениями, нарушаются закономерности межпоколенной трансмиссии.

Представляет интерес исследовательский проект «Ценностный атлас России», реализованный в 2014–2019 гг.³¹⁶. Это широкомасштабное исследование, в котором приняло участие 15 регионов во всех федеральных

---

³¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023, с изм. от 17.05.2023) // Российская газета. – 2001. – № 256.

³¹⁵ Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В. Межпоколенная трансмиссия ценностей в современном поликультурном мире // Образование и наука. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 135. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-135-162.

³¹⁶ Проект «Ценностный атлас России» // – URL: <https://innopraktika.ru/napravleniya-deyatelnosti/proekty-razvitiya/cennostny-atlas/?ysclid=li9uhuqex0200200969> (Дата обращения: 01.03.2023 г.).

округах России, направленное на выявление ценностно-мотивационных приоритетов российской молодежи в современных реалиях. Помимо выявления личностного и психоэмоционального благополучия, целью проекта было определение методов взаимодействия, способствующих успешному развитию личности в подростковом и юношеском возрасте, формированию у них востребованных и актуальных навыков. Согласно полученным результатам среди жизненных ценностей подростков лидирующее место занимают: доброта, самостоятельность в мыслях и действиях, гедонизм. Также специалисты пришли к заключению, что молодые люди не умеют и не проявляют желания выстроить жизненную перспективу, не сориентированы в мире профессионального труда.

Полученные результаты проекта «Ценностный атлас России» согласуются с данными социально-психологического исследования в образовании, проведенного психологами Б.А. Вяткиным, В.Ю. Хотинец, О.В. Кожевниковой в 2021 году. Данные ученые пришли к выводу о том, что новым поколениям приходится адаптироваться к меняющимся реалиям, в связи с чем, «полезным было бы принятие традиционных ценностей коллективизма в микросистеме (семейном контексте), а целесообразным – принятие ценностей индивидуализма в экзосистеме (социальном и профессиональном контексте)»³¹⁷.

Выводы указанных исследований представляют интерес с точки зрения понимания важности сохранения традиционных семейных ценностей при осуществлении современного правового регулирования. Если принять во внимание, что полная передача традиционных ценностей от одного поколения другому без каких-либо модификаций невозможна, роль государства заключается в сохранении ценностей, которые помогут сберечь общество и обеспечить его нравственную и психическую безопасность. Принятые законодательные акты в данной области направлены, прежде всего, на то, чтобы не допустить формирования искаженного представления об истинных семейных ценностях, чтобы такие негативные общественные явления, как нетрадиционные сексуальные отношения не стали нормой. Речь идет о запрете публичного одобрения, агитации нетрадиционных отношений, недопустимости распространения таких «ценностей», которые ставили бы под угрозу все общество. В конечном счете, успешная реализация семей репродуктивной функции, функции духовно-нравственного формирования личности ребенка, межпоколенной трансмиссии семейных ценностей во многом будет зависеть от благоприятных условий развития российского

---

³¹⁷ Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В. Межпоколенная трансмиссия ценностей в современном поликультурном мире // Образование и наука. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 135. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-135-162

общества, в котором приоритетными являются сохранение и развитие многонационального народа страны.

Список литературы:

1. Ворошилова С.В., Мун В.А. Государственная защита семьи, материнства, отцовства и детства: возвращение к традиционным семейным ценностям // Советское и российское государство и право: преемственность и новизна (к 100-летию образования СССР): материалы IX Международной научной конференции / Под ред. М. В. Заднепровской. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – С. 103-111.
2. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю., Кожевникова О.В. Межпоколенная трансмиссия ценностей в современном поликультурном мире // Образование и наука. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 135-162. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-135-162.
3. Дорская А.А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2 (109). – С. 31-36.
4. Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния / монография. – СПб.: Астерион, 2016. – 246 с.
5. Мун В.А. Соотношение понятий: «традиции в праве» и «правовые традиции» // Государство, общество, личность: история и современность: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 21-22 апреля 2023 г. / Под ред. А.В. Яшина, Н.В. Цвяткова, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2023. – С. 138–142.
6. Осипова Л.Б. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2015. – № 9 (364). – С. 51-55.

Литичевский Б.В.

Эволюция семейных ценностей в советском праве

Правовые нормы являются одним из видов социальных норм, направленных на регулирование поведения людей в обществе, основанных на его ценностях. Семейные ценности, которые должны укреплять ячейки общества, оформляются в семейном праве. Начиная с 1917 по 1991 гг., семейные ценности в СССР пережили эволюцию, вместе с ними менялись советское право и

государство. Целью настоящей статьи является изучение опыта советского семейного права. Настоящее исследование актуально, так как знание опыта советского права позволяет осуществлять развитие семейного права современной России.

Семья – это сообщество людей, которое основано на любви, браке, и родстве, которые связаны взаимными личными имущественными и неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из заключенного брака³¹⁸.

Семейные ценности – это передаваемые из поколения в поколение, культивируемые в обществе представления о семье, традиции и обычаи, которые оказывают влияние на выбор семейных целей, а также способов взаимодействия и организации жизнедеятельности в семье.

Семейное право – это отрасль права, регулирующая личные и связанные с ними имущественные отношения, возникающие между гражданами, чьи отношения основаны на браке, родстве, усыновлении³¹⁹.

Знаменитый правовед Рене Давид создал классификацию правовых семей, согласно которой существуют романо-германская (континентальная), англо-американская (система общего права), социалистическая и религиозная.

Советская правовая система, несомненно, относится к социалистической правовой семье. Для данной правовой системы характерны такие черты, как идеализированный характер норм права, руководящей и направляющей роли коммунистической партии, ее доминирование над государственными органами власти, отрицание деления на публичное и частное право. Частная собственность на средства производства запрещается. Фактически именно от положения государственных органов, которые издавали документы, зависела юридическая сила нормативных актов. Также данная правовая семья имела черты романо-германской правовой семьи, а именно процессуальные начала и методологию. Источники советской правовой семьи можно разделить на три группы, а именно революционное правосознание (до 1922 г.), нормативно-правовые акты государственных органов, а также коммунистической партии.

К 1917 г. в Российской Империи действовало семейное право, которое во многом базировалось на религиозных ценностях, церковном браке, единстве церкви и государства³²⁰.

Февральская революция 1917 г. свергла трехсотлетнюю монархию, передав власть Временному Правительству, однако сохранила основы

---

³¹⁸ Матвеев П.А. Понятие семьи в российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2011. – № 3 (8). – С. 121.

³¹⁹ Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юрист, 1997. – С. 2.

³²⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд-во Юрайт, 2018. – С. 25-36.

законодательства предыдущего государства в ряде сфер общества. Слабость нового руководства страны привела к череде кризисов в государстве, которые закончились Октябрьской революцией 1917 г., которая лишила власти Временное Правительство и передала ее партии большевиков во главе с В.И. Лениным, сформировавшим новое правительство – Совет Народных Комиссаров. Пост Народного Комиссара Государственного Призрения заняла А.М. Колонтай, руководившая Женским Отделом ЦК РКП(б) в 1920х гг.

В период с 1917 по конец 20-ые гг. XX века в обществе культивировалась идея «стакана воды», которая сводилась к тому, что в обществе должна быть свободная любовь, институт семьи должен отмереть, а удовлетворение половых потребностей должно быть так же закономерно, как и удовлетворение жажды. Стоит отметить, что важным завоеванием стало уравнивание в правах женщин и мужчин.

Придя к власти, большевики стали менять и семейное право в России, исходя из собственных представлений о семейных ценностях. Уже 12 декабря 1917 г. был издан Декрет «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния», согласно которому брачный возраст для мужчин устанавливался в 18 лет и 16 лет для женщин. В Закавказье в виду национальных особенностей брачный возраст был иной, для мужчин он составлял 16 лет и 13 лет для женщин. Церковный брак потерял свое значение. В обществе существовала идея необходимости отменить регистрацию брака и вовсе, что и было в некоторой форме зафиксировано в декрете в виде того, что регистрация брака должна быть сохранена только с целью борьбы с церковным браком.

19 декабря 1917 г. был издан Декрет СНК «О расторжении брака», который разрешил развод без выяснения причин с согласия одной из сторон.

22 октября 1918 года был издан Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, который кодифицировал основные положения ранее изданных декретов, он ввел в правовое поле обязательное согласие сторон на заключение брака. Законные и незаконнорожденные дети были уравнены в правах, был введен институт судебного установления отцовства, был создан институт признания брака недействительным, а также принцип раздельности имущества супругов, родителей и детей, отменено усыновление детей³²¹.

В 1920 г. в РСФСР были легализованы аборты, которые ранее были запрещены.

---

³²¹ Белякова А.М., Ворожейкин Е.М. Советское семейное право. М.: Юрид. лит., 1974. – С. 17-45.

В 1922 г. был создан СССР, однако именно в этот год его основатель В.И. Ленин перенес инсульт, следом за которым последовали еще несколько инсультов, которые привели к потере работоспособности еще в 1922 г., а в конечном счете и смерти в 1924 г. Уже в 1922 г. власть стала концентрироваться в руках Генерального Секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина, который ввиду обучения в церковной семинарии исповедовал консервативные ценности. К 1929 г. Генеральный Секретарь ЦК ВКП(б) сумел разгромить левую и правую оппозиции и выйти победителем в схватке за власть. Уже в 1922 г. А.М. Колон-тай была переведена на дипломатическую службу, в 1930 г. был расформирован Женский Отдел ЦК ВКП(б). Вместо революционных новаций в СССР стали культивировать традиционные семейные ценности, отношение к аборт-там стало отрицательным.

В 1924 г. был издан нормативный акт, в соответствии с которым аборт стало можно совершать лишь в случае угрозы жизни или здоровью женщины, при наступлении беременности в результате изнасилования³²². Разрешение на аборт давали специальные комиссии. В 1926 г. ранее установленные ограничения на аборт были отменены, но при первой беременности у женщин и для женщин, которые сделали аборт менее полугода назад, были запрещены аборт. В 1930 г. было введено дополнительное ограничение в виде оплаты за аборт.

В 1926 г. был создан Кодекс законов о браке, семье и опеке, который вступил в действие в 1927 г. Данный кодекс отменил режим раздельности супружеского имущества и заменил его на режим общности имущества, был отменен режим признания брака недействительным, брачный возраст для мужчин и женщин был уравнен и составлял 18 лет, восстановлен режим усыновления, был предусмотрен регистрационный порядок установления отцовства в ЗАГСе наряду с судебным, то есть возможность матери записать отцом ребенка гражданина без его согласия, но с последующим извещением, однако данный гражданин мог подать в суд для отмены данного акта в течение года. Женщина и мужчина, проживающие совместно, могли быть признаны находящимися в браке³²³.

27 июня 1936 г. было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родительных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторые изменения в законодательство о разводах», которое вводило уголовную ответственность для пациенток, сделавших аборт, и врачей, сделавших его.

---

³²² Там же. – С 54-67.

³²³ Там же. С 70 - 84.

В годы Великой Отечественной Войны имели место, как укрепление семейных связей, так и противоположный процесс, а именно распад семей, так как отдельные военнослужащие находили «походно-полевых жен». В качестве ответа 08 июля 1944 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Данный нормативный акт не только укрепил материнство и ввел его поощрение, но и ужесточил процесс расторжения брака, который можно было расторгнуть только в случае признания судом необходимости его прекращения. Только за браком, который был зарегистрирован в ЗАГСе, признавалась юридическая сила³²⁴.

05 марта 1946 г. после выступления Уинстона Черчилля в Фултоне началась Холодная война. 15 февраля 1947 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами», который запретил браки граждан СССР с иностранцами.

05 марта 1953 г. умер глава советского государства Иосиф Виссарионович Сталин. После его смерти первоначально главой государства стал Г.М. Маленков как Председатель Совета Министров СССР, однако к 13 сентября он утратил свои позиции, так как был введен пост Первого Секретаря ЦК КПСС, который занял Н.С. Хрущев. В феврале 1955 г. Г.М. Маленков потерял пост главы правительства, его занял Н.А. Булганин. В июне 1957 г. противники Н.С. Хрущева, кроме Н.А. Маленкова, потеряли посты. В 1958 г. своего поста лишился и Н.А. Булганин, его место занял Н.С. Хрущев. Несмотря на борьбу за власть, все члены руководства СССР проводили курс на либерализацию. 26 ноября 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были разрешены браки граждан СССР с иностранцами.

В 1955 г. аборты были разрешены, однако незаконные аборты также подлежали уголовной ответственности.

К концу 1960-ых гг. законодательство стало устаревать и не соответствовать социально-экономической обстановке в стране и ценностям в обществе. 27 июня 1968 г. были созданы и изданы «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье». В 1969 г. были изданы кодексы о браке и семье союзных республик. Обновленное законодательство сохраняло признание юридической силы исключительно за браком, зарегистрированным в ЗАГСе, были установлены два способа расторжения брака, а именно через суд или ЗАГС. В законодательстве имелись упоминания о личной собственности

---

³²⁴ Тарусина Н.Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиральям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. – 2017. – № 7. – С. 35-40.

каждого из супругов, также сохранялся режим общей совместной собственности супругов, закреплялся принцип равенства долей супругов в общем имуществе, жена получала право на алименты в период беременности и в течение полутора лет после рождения ребенка³²⁵.

В 1985 г. в СССР началась Перестройка, приведшая к углублению кризиса в СССР, краху экономики, потере управляемости и парадусу суверенитетов. Последняя попытка остановить распад СССР в ходе Августовского путча привела к усилению центробежных тенденций, а также упразднению Кабинета Министров СССР, КГБ СССР и Съезда народных депутатов СССР. Попытка Президента СССР М.С. Горбачева подписать новый Союзный договор не удалась. 08 декабря 1991 г. было подписано Беловежское соглашение руководством России, Украины и Белоруссии. 21 декабря в Алма-Ате было подписано Беловежское соглашение остальными главами союзных республик, кроме глав стран Прибалтики и Грузии. 25 декабря 1991 г. М.С. Горбачев ушел в отставку, а 26 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР, что привело к концу существования Советского Союза. В связи с ликвидацией СССР перестало действовать и его право, однако Кодекс о браке и семье РСФСР действовал в России до 1995 г.

Таким образом, в СССР на основании семейных ценностей, существовавших в советском обществе, было создано собственное семейное законодательство, которое менялось вместе с обществом. Советское семейное право сформировало основные институты, некоторые из которых являются базовыми и действуют и поныне.

Список литературы:

1. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 1997. – 366 с.
2. Белякова А.М., Ворожейкин Е.М. Советское семейное право. М.: Юрид. лит, 1974. – 303 с.
3. Матвеев П.А. Понятие семьи в российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2011. – № 3 (8). – С. 121-125.
4. Тарусина Н.Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. – 2017. – № 7. – С. 5-45.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 532 с.

---

³²⁵ Тарусина Н.Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. 2017 №7. С. 41-43.

РАЗДЕЛ IV. ПЕРЕЖИВАНИЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дашко А.В.

Философские основы права и морали через призму переживания истории

Сегодня в информационном пространстве мы наблюдаем за тем, как широкие массы экспертного сообщества выступают за государственную идеологию³²⁶. Идеологизация – естественный процесс, наряду с богоборчеством, который поддерживается всеми без исключения политическими силами. Причина такой поддержки заключается в уверенности, что, выстроив четкую систему взглядов и идей, миропонимания, видения и образа мыслей, действующая власть сможет более уверенно определить четкий курс государственного строительства и управлять государством; не нужно будет вести бесконечные дискуссии и проч. Но происходит с точностью до наоборот. Государство состоит из людей, и каждый считает, что правильными могут быть признаны только его взгляды. В этой связи хотелось бы привести слова Президента РФ В.В. Путина про «железную руку»: «...На самом деле эта комфортность очень быстро пройдет. Эта жесткая рука начнет нас очень быстро душить. И мы это мгновенно ощутим это на себе и на членах своей семьи»³²⁷.

В России наблюдается большое идеологическое разнообразие. С некоторой степенью условности можно выделить два уровня идеологии: 1) разделение между патриотами и либералами; 2) разделение между либералами, монархистами и коммунистами. Не вдаваясь в идейные подробности каждой идеологии, отметим, что каждая из них всегда требует плановости, четкости и относительной глубины обобщения. Попытка ввести единую идеологию сузит возможность государственной власти маневрировать среди различных идей и подходов, лишит ее широкой базы поддержки и заставит выступать против

---

³²⁶ См., напр.: Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – № 1. – 2023. – С. 6-7; Акимова Н.В. Государственная идеология как неотъемлемый элемент современной правовой политики, осуществляемой в отношении криминальной сферы российского общества // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 9. – С. 12; Хуснутдинов А.И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 4. – С. 11; Цалиев А.М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. – 2019. – № 5. – С. 43.

³²⁷ Путин о демократии (1996 г.). // Umbra.blog. – URL: <https://umbra.blog/2019/08/1996.html> (Дата обращения: 30.05.2023 г.).

абсолютного большинства населения. Данный процесс можно сравнить с силком или воронкой, лишаящими государства реальных рычагов управления. В итоге наступают социальные нестроения, катаклизмы и бунты, которые могут привести к печальному итогу – гражданской войне и распаду. Вместе с тем современная Россия справедливо гордится не своей радикальностью и революционностью, а гражданским миром, социальным согласием и экономической стабильностью. Сегодня наблюдается разрушение многих государств и мы, наученные горьким опытом своей истории, понимаем, что гражданские катаклизмы не в интересах России.

Современные либералы и нацисты, выступающие единым фронтом против России, наперебой обвиняют друг друга в предательстве изначальных идей. Сегодня на западе наблюдается «либеральный тоталитаризм». Его феномен исследован Т. Адорно, Л.Р. Бартом, А. де Бенуа, Ж. Бодрийяром, А. Грамши, С. Жижекком, Ю. Кристевой, Ж. Лаканом, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартром, К. Шмидтом, Э. Юнгером и другими представителями западной философии XX века³²⁸. Возведенная в ранг идеологии идея либерализма доведена до абсурда, становится тоталитарной и разрушает западное общество. Можно наблюдать ожесточенные дискуссии в социальных сетях по поводу исторической роли Николая I, Сталина и других исторических личностей. В них обычные люди уже со второй фразы готовы друг друга уничтожить³²⁹.

В России наблюдается ностальгия по XIX веку, Советской России и 90м годам, особенно по «руководящей роли партии». Вместе с тем, советское правительство не смогло предотвратить деградацию идеологического сектора, организовать плавный переход от идеологической системы к полисистеме. При отсутствии конкуренции идеология выродилась в схоластику за несколько десятилетий. Примечательно, что в абсолютно идеологизированном государстве идеология превратилась в набор не подлежащих сомнению аксиом. Попытка ввести единую государственную идеологию ослабит, а не укрепит Россию.

Для того, чтобы понять причины неспособности идеологии решать вопросы государственного строительства, нужно осмыслить ее сущность. Идеология – это то, что нужно для удовлетворения самолюбия тех или иных людей. Больше ничего. Все индивиды имеют свою (даже самую примитивную) идеологию, то есть мнения, понятия, представления о том, как правильно и как хорошо. К тому же, чем индивиды менее культурные, тем более им свойственен радикализм. Мол, наше мнение правильно, а остальные должны замолчать,

---

³²⁸ Вахитов Р.Р. Либеральный тоталитаризм: репрессивные механизмы современного западного общества и их критический анализ в зарубежной философии XX века // Альманах «Восток». – 2003. – Вып. 3. – С. 123.

³²⁹ См., напр.: Паблик «СССР наша Родина». – URL: https://vk.com/ussr_lenin.stalin (Дата обращения: 30.05.2023 г.).

отправиться в тюрьму или на кладбище. Все это происходит без осознания серьезности и существа разногласий. И в итоге идеология становится средством перессорить людей, ввести смуту в общество. Достаточно посмотреть на наше прошлое, когда подобные «увлечения» кончались развалом страны. Идеология – это закрепощение духа, человеческого интеллекта, его свободы. По словам Н.А. Бердяева «Антихристово начало принимает разные обличья в истории – от католической теократии до атеистического социализма и анархизма»³³⁰.

На Западе многие бегут из своих стран, поскольку их граждане не хотят, чтобы им навязывали то, с чем они не согласны. Западные общества, таким образом, ослабляются. Их правительства проявляют все самые худшие свойства большевизма, поскольку объявившие себя большинством навязывают остальным свое мнение. Всякого рода идеологизированные государственные системы выбирают управленцев по принципу идеологии. То есть не по принципу профессионализма, а по принципу каких-то идеологом. Это предмет классового позиционирования. Выставляется, что у объявивших себя большинством имеется больше прав и возможностей, чем у других.

Сейчас в Российской Федерации действует профессиональное правительство, поддерживающее государство, как собственное «детище». Политические идеи не ставятся выше государственных задач и конкретных дел. В этой связи хочется вспомнить афоризм одного из лидеров Китайской Народной Республики Дэна Сяопина (1904-1997), который сказал следующее: «Неважно, какого кот цвета – черный он или белый. Хороший кот такой, который ловит мышей». Современный капиталистический Китай подчинил идеологию государственным интересам, а путинская «идеология патриотизма», направленная на процветание государства и народа, – та же самая дэнсяопиновская «кошка». Неважно, какого цвета патриот, важно, чтобы он работал на государство и платил налоги в нашей юрисдикции. «Страдающая» от отсутствия государственной идеологии Россия является локомотивом развития всего постсоветского региона, обеспечивая своему населению самый высокий в пост-СССР, постоянно растущий и уже обошедший европейский уровень жизни. В России, с ее религиозным многообразием и высоким процентом атеистов, выбор в пользу государственной религии тем более невозможен. То есть, и такой мягкий (религиозный) способ обретения национальной идеологии для нас неприемлем, ибо раскалывает, а не объединяет³³¹.

---

³³⁰ Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. – 1923. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyayev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyayev-iii-svoboda.htm> (Дата обращения: 30.05.2023 г.).

³³¹ См. подробнее: Ищенко Р. Вопросы идеологии // Вторая планета. – URL: http://2planeta.ru/news/rostislav_ishhenko_voprosy_ideologii/2016-07-31-24202 (Дата обращения: 30.05.2023 г.).

Сегодня мы наблюдаем высокий патриотизм в политической системе российского общества. В Государственную Думу РФ избраны исключительно патриотические силы, идеологические воззрения которых, как таковые, никому не мешают, каковы бы они не были. Мешает идеологическая монополия. При этом, чем больше полярность идеологием, тем больший контроль должен быть со стороны государства. Таким образом идеология (негосударственная) в России есть. Более того, у нас здоровое общество, в котором на равных за поддержку избирателя борются разные идеологические течения, выносящие сохранность, процветание и безопасность государства на первый план. В государстве благополучно сосуществуют люди с разными желаниями и мнениями. Приобретается опыт, меняется мнение и думать они могут сегодня одно, а завтра другое. Максимум, что из этого может выйти – споры за плетнем или на кухне. Это безопасно для государства, самих людей.

При любой идеологии Россия решала одни и те же внешние и внутренние проблемы. Проблема с Западом шла не в идеологической плоскости, а в коллизии государственных интересов. Внутренние интересы и приоритеты российского общества также от идеологии не зависят и постоянно меняются на протяжении всей тысячелетней ее истории. Кроме того, государство всегда разделено на социальные группы, взаимодействующие в рамках закона о единстве и борьбе противоположностей и закона отрицания отрицания. В конечном итоге любое общество разделено. И материальное расслоение присутствует в любом обществе. Задача государства не принимать позицию одной социальной группы как догму, а сглаживать существующие противоречия и на основе социально-классового компромисса достигать единства.

Остановимся на идеологических скрепах, которые утверждают то, что нужно всем психически здоровым и ответственным людям: мир, хлеб, работа, благополучие, образование для детей, бензин по приемлемой цене. Это очень общие вещи, которые объединяют людей на основе здравомыслия. Скрепы отвечают на вопрос: что дорого всем психически здоровым людям? Людям, которые хотят, чтобы страна, район, город, их семья развивались и жили? А идеология – это как мы хотим это сделать? Это тактические вопросы.

Какие же идеологические скрепы существуют сегодня в России? Это идеологическое многообразие, социальное согласие, имперскость, патриотизм, традиционные религии, традиции, традиционная семья. Все они нашли отражение в обновленной Конституции РФ³³².

---

³³² «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

1. Идеологическое многообразие. Никакая идеология (идея) не должна получить преференцию от верховной государственной власти. Верховная власть должна над этим возвышаться. Тогда разногласия между частными лицами не выльются на улицы в виде погромов или революций.

2. Социальное согласие в обществе означает, что разные мнения при всеобщем благополучии, которое им достигается, не определяют политическую линию государства, остаются частными мнениями.

3. Российская Федерация – не просто государство. Россия осознает и позиционирует себя как имперское государство, которое объединяет большое количество народов, культур и религий.

4. Патриотизм – любовь к отечеству, почитание его, как опоры, защиты; продолжение его существования как государства.

5. В условиях многоконфессионального общества нельзя провозглашать одну религию. Но общая идеологическая скрепа – уважение к традиционным религиям народов, населяющих Россию. Невозможно навязывание одной религии. Традиционные религии – абсолютная ценность, которые нужно уважать и использовать их потенциал в просвещении и процветании народов.

6. Часто люди, которые не являются религиозными, почитают традиции своего народа. Учитывая, что у нас много атеистов, они тоже соблюдают традиции своих народов. Они изначально вышли из разных конфессий, мы должны это уважать.

7. Все традиционные религии и традиции народов России считают абсолютной ценностью традиционную семью. Поэтому следует поощрять развитие традиционной семьи как важной идеологической скрепы.

Остановимся на воспитании подрастающего поколения юристов. Общество должно вокруг чего-то объединяться. Люди, занимающиеся профессионально правом не должны формировать идеологии, быть партийными в политическом смысле этого слова. Их задача – стоять на страже закона, а не идеологом. Право сковывает людей, налагает на них ограничения, устанавливает законы, которые нельзя преступить. Оно должно останавливать посягательство на чужие интересы (жизнь, здоровье, имущество). Идеологические скрепы нужны юристам для того, чтобы они думали о законах, которые обеспечивают благополучие общества, а не о формировании идеологии. В правосознании студентов должна быть нацеленность на формирование и сохранение идеологических скреп, которые должны защищаться правом.

В заключение хотелось бы отметить важность нахождения общего языка в российском обществе. Различия в представлениях и убеждениях у нас будут всегда, но наше общество должно стремиться к духовной свободе через осознание первичности законов бытия, приблизиться к вечным истинам и полюбить законы Божьего мира.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – № 1. – 2023. – С. 3-21.
2. Акимова Н.В. Государственная идеология как неотъемлемый элемент современной правовой политики, осуществляемой в отношении криминальной сферы российского общества // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 9. – С. 11-15.
3. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – 1923. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyaev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyaev-iii-svoboda.htm> (Дата обращения: 30.05.2023 г.).
4. Вахитов Р.Р. Либеральный тоталитаризм: репрессивные механизмы современного западного общества и их критический анализ в зарубежной философии XX века // Альманах «Восток». – 2003. – Вып. 3. – С. 123-127.
5. Паблик «СССР наша Родина». – URL: https://vk.com/ussr_lenin.stalin (Дата обращения: 30.05.2023 г.).
6. Путин о демократии (1996 г.). // Umbra.blog. – URL: <https://umbra.blog/2019/08/1996.html> (Дата обращения: 30.05.2023 г.).
7. Хуснутдинов А.И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 4. – С. 10-12.
8. Цалиев А.М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. – 2019. – № 5. – С. 40-43.
9. Ищенко Р. Вопросы идеологии // Вторая планета. – URL: http://2planeta.ru/news/rostislav_ishhenko_voprosy_ideologii/2016-07-31-24202 (Дата обращения: 30.05.2023 г.).

Зипунникова Н.Н.

Юридино-университетская память: некоторые размышления историка права

Проблематика форума актуализирована несколькими так называемыми «поворотами» в социогуманитарном знании, прежде всего, мемориальным, антропологическим, прагматическим и визуальным. И хотя вряд ли можно утверждать, что уже достигнуты все важные конвенции в отношении трактовок как самого феномена «поворотов», так и их разнообразия, типологии, очевидно следующее. Масштаб дискуссий, коренящихся в прошлом столетии и продолжающихся ныне, обусловил формирование значительных историографических

доменов, в которых с разных позиций осмысляются признаки и свойства «поворотов», соотношение с категориями «разрывы», «границы», смена «парадигм», «преемственность», «прерывность», др. В отношении культурных «поворотов», к примеру, замечено, что таковые не являются «академическими учениями, а представляют собой фокусировку исследования, смену подходов, во время которой основные содержательные задачи концентрируются до методически существенных установок»³³³. Отмечается, что «повороты» ведут к методологическому плюрализму, преодолению границ, эклектичному взаимообмену методами, появлению нового словаря; отражая изменения в социокультурной действительности, «повороты» сами выступают социокультурными явлениями. Уже упомянутый культурный «поворот» – сложное явление, отличающееся динамичностью и изменчивостью, – определяют и как трансформации, происходящие в культуре второй половины XX-начала XXI в., характеризующиеся сменой парадигм, методологии исследования, иерархии ценностных установок, а также появлением новых научных терминов³³⁴.

По поводу назревавшего в европейской культуре на протяжении всего XX века мемориального поворота, в ходе которого исследовательское внимание концентрируется вокруг не исторического события или явления, а памяти о прошлом в общественном сознании, О.Б. Леонтьевой подмечено важное обстоятельство. Она пишет, что исследования, посвященные исторической памяти, включаются не только в «узкий» научный, но и в «широкий» социокультурный контекст; «более того, многие их особенности могут быть поняты именно с учетом этого широкого контекста»³³⁵, и с этим сложно не согласиться. Именно в связи с особенной значимостью этого «поворота» отмечается необходимость профессионализации деятельности историков, повышения их моральной ответственности перед обществом за результаты своего творчества, поддержки этических норм конкретно-исторической исследовательской практики, совершенствования источниковедческой критики и т. п.³³⁶ Антропологический «поворот» – поворот культуры к каждому человеку, человеку повседневности, к индивидуальности, к различиям, разнообразию жизни³³⁷ – также выступает ярким маркером социокультурной действительности последних

---

³³³ Безуглова Н.П. «Культурный поворот» в западной культурологии // Вестник МГУКИ. – 2010. – № 6. – С. 26.

³³⁴ Алиханова В.Л. Массовизация искусства в контексте цифрового культурного «поворота». Дис. ... канд. культурологии. – Воронеж, 2022. – С. 21-23.

³³⁵ Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 60.

³³⁶ Архипова Л.М. О крутизне «мемориальных» поворотов в современной историографии // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. Т. I (Культурология). – С. 96.

³³⁷ Конев В.А. Антропологический поворот / разворот культуры – новый вариант проекта модерна // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 2. – С. 5-11.

десятилетий. Его характеризуют, среди прочего, «переход от жестких обобщенных тотальных построений к более гибкому, детализированному, индивидуализированному изучению человека и культуры, от текстоцентричности – к визуальности и телесности, ... от бинарных оппозиций и внимания к интертекстам – к культурной и философской антропологии»³³⁸. Прагматический же поворот, связанный с понятием «практики», в эпистемологии и методологии социальных наук, определен «основным допущением» – «приматом деятельности по отношению к мысли»: «на примате стихийной, живой реальности по отношению к застывшим мыслительным системам, на не сводимости реальности к мышлению настаивала уже философия жизни»³³⁹. В частности, коммеморативные практики также оказались в центре социогуманитарного дискурса последних десятилетий. Терминологическое обозначение «визуального поворота», который используется по умолчанию как общепринятый, характеризуется неопределенностью; при этом считается, что с конца прошлого века активно развивается новая междисциплинарная область, которую называют «визуальными исследованиями»; исследование механизмов взаимодействия визуального и вербального – особенная забота философов³⁴⁰, и, как думается, представителей иных наук.

Безусловно, в самом центре современного социогуманитарного дискурса находится концепт «память», при этом ситуация развивается так, что по мере обретения все большей популярности мемориально-исторических исследований ярче проявляются разногласия «вокруг базовых понятий памяти»³⁴¹. Как «трудная дилемма» характеризуется проблема соотношения и разграничения памяти и истории³⁴². Значительное число зарубежных и отечественных исследований посвящено политике памяти, мемориальным законам³⁴³. В одной из последних работ О.Ф. Русакова обращается к понятию «режим политики памяти», «которое сегодня превращается в одну из центральных категорий *memory studies*». В числе прочего, автором предлагается понимать под

---

³³⁸ Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100). – С. 14.

³³⁹ Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентативности к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. – 2012. – № 3. – С. 39.

³⁴⁰ Ищенко Е.Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2016. – № 2. – С. 16, 26.

³⁴¹ Репина Л.П. Феномен памяти в современном социогуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – Том 153, кн. 3. – С. 196.

³⁴² Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. – 2018. – Т. 23. № 1. – С. 108-121.

³⁴³ Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение: сб. научных статей / под общ. ред. А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2022. – 442 с.

государственным режимом политики памяти систему доминирующих в обществе стратегических властных установок относительно способов интерпретаций и оценок исторического прошлого страны и соответствующую данным установкам систему коммеморативных практик. Авторский методологический подход к рассмотрению вопросов о типологии режимов политики памяти обусловлен выбором таких критериев, как характеристики доминирующего дискурса власти, основные методы, применяемые властным дискурсом политики памяти для внедрения его в массовое сознание, базовые характеристики метанарратива, лежащего в основе идеологических установок общенациональной политики памяти, характер взаимодействия основных внутренних мнемонических акторов. В зависимости от названных критериев исследователем небезынтересно обозначены разнообразные типы режимов политики памяти³⁴⁴.

В мемориальных исследованиях обозначаются разные виды памяти, в том числе «холодная» и «горячая»³⁴⁵, «твердая и мягкая»³⁴⁶. В любом случае, важно говорить об индивидуальной и надиндивидуальной, групповой, коллективной памяти. Специалисты размышляют об исторической, культурной, социальной памяти; что важно, все больше работ посвящается памяти научной. С.В. Кодан, обращаясь к ней, акцентирует внимание на том, что научная память – разновидность социальной – для ученого выступает одновременно «как объект и как инструмент исследования и, в последнем плане, становится культурно-познавательным средством, осваивая и опираясь на которое отдельный ученый и научное сообщество обращаются к прошлому науки для ее развития в настоящем в конкретных научно-исследовательских практиках в целях получения основного результата научной деятельности – новых знаний»³⁴⁷.

Вынесенный в заглавие статьи термин «юридико-университетская память» вряд ли можно считать строгой категорией: он носит собирательный и условный характер. Так или иначе, эта разновидность корпоративной памяти «пересекает», «смыкает» все прочие виды (историческую, культурную,

---

³⁴⁴ Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. № 1. – С. 29, 35, 40-42 // – URL: https://www.madipi.ru/images/uploads/27-45_%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (Дата обращения: 22.05.2023 г.).

³⁴⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 70-74.

³⁴⁶ Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. 2-е изд. / пер. с англ. В. Макарова. – М.: НЛО, 2018. – С. 228.

³⁴⁷ Кодан С.В. Научная память, научное наследие и научная историография в исследовательском пространстве истории политических и правовых учений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. Т. 8 (74). – № 4. – С. 414-415.

научную); она может быть кратковременной и долговременной, облекаться в твердые и мягкие формы. Как будто в целом понятно, о чем идет речь, но стройную дефиницию юридико-университетской памяти предложить отнюдь не просто. По аналогии можно привести пример широко используемых в повседневном обиходе и введенных в научный оборот, в частности, историками (но не только), понятия «университетский человек», «универсант»³⁴⁸, по поводу трактовок которых, видимо, возможны вопросы.

Юридическая и историко-правовая науки обладают значительным потенциалом для продвижения в познании мемориальной проблематики. Свидетельством тому являются разнообразные форумы, небезынтересные издания последних лет³⁴⁹. Одной из ключевых для историков права является категория «преемственность», и вряд ли можно утверждать, что при наличии значительного корпуса юридических, историко-правовых и иных работ, проблемные вопросы, связанные с преемственностью и ее механизмами, являются исчерпанными для исследователей. Думается, что в проблемных полях историко-правового измерения образования, науки, культуры перспективы познания преемственности значительны. Очевидны и важные смысловые пересечения концептов преемственности и памяти, в том числе, юридико-университетской, что будет проиллюстрировано конкретными коммеморативными практиками. Для последовательного продвижения в познании такой разновидности памяти отнюдь не малое значение имеет и феномен «юбилеумности». Представляется, что при всей возможной критике юбилейного жанра (праздничных славословий, исследовательских траекторий «от юбилея – к юбилею», др.) сложно не признать, что юбилейные и памятные даты выступают особенными поводами для вспоминания ученых-правоведов, педагогов, практических работников, разнообразных университетских и иных событий, а также обеспечения преемственности. В текущем году отмечается целый ряд крупных юбилеев выдающихся ученых-правоведов (135-летие С.В. Юшкова, 100-летия О.А. Красавчикова и К.И. Комиссарова, др.), выступивших поводами для организации разнообразных научных форумов и культурных мероприятий (публикаций документов, организации выставочных экспозиций, презентации книг, фильмов, проч.). Такие события также «льют воду на мельницу» сохранения юридико-университетской памяти и обеспечения юридико-университетской преемственности.

---

³⁴⁸ Юрьев А.И. Российские универсанты и политика (К проблеме преодоления антиполитики в России) // Университетское управление: практика и анализ. – 2000. – № 2. – С. 48-66.

³⁴⁹ Юридические формы переживания истории: практики и пределы: колл. монография / под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с.; Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение: сб. научных статей / под общ. ред. А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2022. – 442 с.

Коммеморативные практики в конкретном юридическом вузе видятся важным описывать, анализировать, систематизировать. В ходе этой работы со всей очевидностью обнаруживается показанная выше проблематика соотношения / связанности истории юридического образования и науки, конкретного юридического университета и юридико-университетской памяти. Продвижение в познании этой истории в значительной степени способствует и сохранению вузовской памяти. Исследовательская консолидация практик воспоминания (в русле упомянутого прагматического поворота) в Уральском государственном юридическом университете имени В.Ф. Яковлева связана, в том числе, с предстоящим празднованием в сентябре текущего года памятной даты – 105-летия с момента образования юридического факультета Иркутского государственного университета (вузовского первоначала). Деятельное движение навстречу такому событию означает и обращение к вузовским традициям, университетской истории, интеллектуальным биографиям универсантов, а также активизацию коммеморативных практик. Подготовка одной из последних выставок в университетском музее истории («Свердловский юридический институт: память Великой Отечественной войны в письмах ветеранов») визуально проиллюстрировала и преемственность названных практик. Письма, личные вещи и иные материалы собирались и сохранялись в музее боевой и трудовой славы Свердловского юридического института (СЮИ), который создавался во многом благодаря усилиям фронтовиков к 30-летию Победы советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне³⁵⁰.

Небезынтересной представляется и типологизация практик воспоминания. Таковые могут быть условно показаны как музейные и немuseumные. Помимо музея истории вуза, большую работу по правовому просвещению, но также сохранению исторической, культурной, научной, юридико-университетской памяти ведет Музей Сергея Сергеевича Алексеева «Восхождение к праву». Специалистами предложено выделять такие разновидности коммеморативных практик, как поминальная, храмоздательская, топонимическая, реконструктивная, номинативно-организационная, художественная, церемониальная³⁵¹. Многие из них реализуются и в юридическом университете; они нередко взаимосвязаны, проявляются и дают эффект в комплексе. Важнейшей (номинативной) практикой можно считать присвоение в 2022 г. вузу имени выдающего правоведа и государственного деятеля, выпускника СЮИ 1953 г. В.Ф.

---

³⁵⁰ Свердловский юридический институт: память войны в письмах ветеранов // – URL: <https://xn--c1azic8c.xn--p1ai/news/sverdlovskiy-yuridicheskii-institut-pamyat-voyny-v-pismakh-veteranov/> (Дата обращения: 22.05.2023 г.).

³⁵¹ Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Оренбург, 28-29 мая 2021 г.): сборник статей. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. – С. 237-241.

Яковлева (в предшествующие десятилетия – имен А.Я. Вышинского, Р.А. Руденко). За ней последовала музеефикация входной группы в главный учебный корпус университета на ул. Комсомольской. Происходит также присвоение имен университетским аудиториям, успешно обучающиеся студенты, имеющие достижения в разных сферах юрико-университетской жизни, получают именные стипендии. В целях приобщения к университетским традициям осуществляется издание книг, брошюр, установка памятных досок, барельефов, организуются встречи выпускников, конкурсы (например, на лучший дизайн почтового конверта к 105-летию юридического университета), спортивные и культурные мероприятия, выпускаются значки, шарфы, иные символы, создаются фильмы, берутся интервью. И это далеко не полная номенклатура свидетельств обращения к истории и памяти корпорации, а также творческой рефлексии по их поводу. С темой вузовской памяти связан и проект фонда выпускников вуза «Юридические (юрико-университетские) династии».

Одним из вузовских «брендов» стал и кружок Студенческого научного общества по истории государства и права России с элементами музейного и архивного дела, на протяжении последнего десятилетия вносящий свой скромный вклад в познание университетских традиций, юридического образования и науки в стране, сохранение юрико-университетской памяти, развитие научно- и учебно-исследовательских навыков будущих юристов. В текущем году, объявленном Годом педагога и наставника, студенты-исследователи готовятся к 105-летию университета – осмысливают вузовские «места памяти» (готовят видеоролики о музеях, архиве, научной библиотеке), интервьюируют универсантов-старожилов / хранителей памяти, участвуют в разнообразных мероприятиях. Очевиден значительный воспитательный потенциал такой творческой деятельности.

Резюмируя, еще раз подчеркнем значимость проблематики памяти для продвижения в изучении традиций подготовки юридических кадров и правопедения, а также познания опыта конкретного юридического вуза. Опираясь на серьезную научно-теоретическую основу ее изучения в последние десятилетия, как в России, так и за рубежом, вполне возможно развивать исследовательский нарратив, а также творчески осуществлять системную вузовскую работу по сохранению исторической, культурной, научной, юрико-университетской памяти. Обмен опытом с коллегами на форумах, подобных нынешнему, – также серьезный вклад в эту деятельность.

Список литературы:

1. Алиханова В.Л. Массовизация искусства в контексте цифрового культурного «поворота». Дис. ... канд. культурологии. – Воронеж, 2022. – 184 с.

2. Архипова Л.М. О крутизне «мемориальных» поворотов в современной историографии // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Т. I (Культурология). – С. 92-97.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Безуглова Н. П. «Культурный поворот» в западной культурологии // Вестник МГУКИ. – 2010. – № 6. – С. 21-27.
5. Дудина В.И. Эпистемологическая реконфигурация социального знания: от репрезентативности к перформативности // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. XV. – 2012. – № 3. – С. 35-50.
6. Ищенко Е.Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2016. – № 2. – С. 16-27.
7. Кодан С.В. Научная память, научное наследие и научная историография в исследовательском пространстве истории политических и правовых учений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – С. 414-428.
8. Конев В.А. Антропологический поворот / разворот культуры – новый вариант проекта модерна // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 2. – С. 5-11.
9. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 59-96.
10. Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Оренбург, 28-29 мая 2021 г.): сборник статей. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. – С. 237-241.
11. Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 6 (100). – С. 9-17.
12. Репина Л.П. Феномен памяти в современном социогуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2011. – Том 153, кн. 3. – С. 191-201.
13. Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. – № 1 // – URL: https://www.madipi.ru/images/uploads/27-45_%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (Дата обращения: 22.05.2023 г.).

14. Свердловский юридический институт: память войны в письмах ветеранов // URL: <https://xn--c1azic8c.xn--p1ai/news/sverdlovskiy-yuridicheskiy-institut-pamyat-voyny-v-pismakh-veteranov/> (Дата обращения: 22.05.2023).
15. Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. – 2018. – Т. 23. № 1. – С. 108-121.
16. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. 2-е изд. / пер. с англ. В. Макарова. – М.: НЛО, 2018. – 328 с.
17. Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение: сб. научных статей / под общ. ред. А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2022. – 442 с.
18. Юридические формы переживания истории: практики и пределы: колл. монография / под ред. С. В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с.
19. Юрьев А.И. Российские универсаны и политика (К проблеме преодоления антиполитики в России) // Университетское управление: практика и анализ. – 2000. – № 2. – С. 48-66.

Лаврищева О.М.

Совершенствование организационно-правового механизма подготовки кадров для судебной системы России: опыт Судебной реформы 1864 года

Высокое качество профессиональной подготовки кадров судебной системы является одним из ключевых факторов эффективности судебной власти, обеспечения ее самостоятельности, должного уровня авторитета и подлинной независимости судей. Осмысление опыта состоявшихся реформ, а также их последствий дает возможность наметить основополагающие направления совершенствования организационно-правового механизма подготовки кадров для судебной системы России в современных условиях.

Законодательному внедрению организационно-правового механизма формирования корпуса судебных деятелей, осуществленному в ходе судебной реформы 1864 года, предшествовала колоссальная академическая работа. Доктринальное моделирование компонентов судебной власти производилось самым тщательным образом на основе всестороннего анализа правоотношений, складывающихся в этой сфере. К разработке концептуальных положений привлекались наиболее талантливые и выдающиеся юристы той поры. Детально продуманы и закреплены были не только процедуры отбора, отдельные элементы института кандидатов по судебному ведомству, но и особенности их подготовки, предшествующей наделению полномочиями.

Как справедливо отмечает В.В. Момотов, система профессиональной подготовки судей должна соответствовать индивидуальным особенностям

конкретного правопорядка³⁵². Разработанная авторами судебной реформы 1864 года модель института кандидатов на судебные должности с одной стороны учитывала необходимость правового обеспечения сохранения и поддержания историко-культурного наследия России и народов, ее населявших, а с другой – основательно модифицировала процедуру подготовки и отбора кадров для судов.

Более ста пятидесяти лет не угасает интерес исследователей к постижению хода и результатов великих реформ XIX века. Учеными широко применяется сравнение проводимых в тот период преобразований судоустройства и механизма реализации судебной власти с мероприятиями современной нам судебной реформы, при этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что предпосылками назревших изменений реформаторы обеих эпох обозначают во многом схожие проблемы.

Уже к середине XIX века такая особенность в организации судебной деятельности как зависимость от административных органов, выражающаяся в полномостной возможности губернатора определять ход разбирательства дела и содержание итогового судебного акта, становится откровенным препятствием для развития общественных отношений в этой сфере. К этому прибавлялись «необычайная медлительность и всевозможные злоупотребления» в судебных местах, «центральным» из которых, как отмечает И.А. Блинов, было взяточничество³⁵³. Всеобщее отрицательное отношение к носителям судебной власти требовало незамедлительного искоренения, радикальный характер преобразований предполагал обновление старого суда и корпуса судебных деятелей. Исследователи истории суда и правосудия отмечают, что основными задачами на тот момент были «оптимизация внутренней организации судебной системы», «ускорение процесса»³⁵⁴, а также повышение профессионального уровня судей, обеспечение судебных учреждений квалифицированными юридическими кадрами, «юристами с новым менталитетом»³⁵⁵. Но практическое воплощение этих идей оказалось весьма непростым.

---

³⁵² Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: http://supcourt.ru/press_center/mass_media/27290/ (Дата обращения: 04.05.2023 г.)

³⁵³ Блинов И.А. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет // Журнал Министерства Юстиции. – Петроград, 1915. – № 1 (Январь). – С. 254.

³⁵⁴ История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – М.: Норма, 2019. – Т. 4: Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864-1881 годы): монография / К.П. Краковский; отв. ред. В.М. Сырых. – С. 9.

³⁵⁵ Ильина Т.Н. Разработка и принятие законодательства о кандидатах на судебные должности и помощниках присяжных поверенных в ходе подготовки судебной реформы 1864 года // Новый ракурс. – 2015. – № 11 // – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-prinyatie-zakonodatelstva-o-kandidatah-na-sudebnye-dolzhnosti-i-pomoschnikah-prisyazhnyh-poverennyh-v-hode-podgotovki/viewer> (Дата обращения: 04.05.2023 г.).

Правовую основу подготовки, предшествующей назначению на должность в судебном ведомстве, составили положения нового закона - глава 3 Учреждения судебных установлений 1864 года (далее – УСУ).

Процесс подготовки по замыслу реформаторов не должен был сводиться к формальному пребыванию в статусе кандидата в течение «известного срока», выполнению только обеспечительных действий технического характера, а напротив, должен был наряду с обширным практическим правоприменительным опытом сформировать у будущих судебных деятелей положительные личностные качества, осознанное отношение к службе, развить навыки критического и самостоятельного мышления.

Поскольку ключевым критерием, отвечая которому можно было получить статус кандидата на должность по судебному ведомству, стало наличие высшего юридического образования (либо аттестата о сдаче экзамена в юридических науках), представляется, что отправной точкой в подготовке кадров для судебной системы становится наличие документа, подтверждающего данное обстоятельство. Далее сам кандидат должен был инициировать процесс получения статуса посредством подачи специального прошения о зачислении. Субъектами, уполномоченными назначить лиц, подавших прошение, в корпус кандидатов были председатели судебных мест и министр юстиции.

Планирования прохождения этой службы не осуществлялось, каких-либо четких этапов, сроков и программы ее прохождения нормативно не устанавливалось, но предполагалось получение кандидатом разностороннего опыта по судебному ведомству, обязательное посещение судебных заседаний. Руководство подготовкой в отдельном судебном учреждении, в которое кандидат был распределен, осуществлял председатель судебного места или прокурор, но в силу отсутствия личной заинтересованности в результатах и достаточно высокой служебной нагрузки последние не уделяли должного внимания работе с будущими судебными деятелями. Судебное сословие в целом относилось к кандидатам равнодушно и пренебрежительно. Неудовлетворительный надзор и руководство подготовкой критически воспринималось в науке, но на практике получило широкое распространение. П.А. Ифланд в связи с этим указывал, что «обремененность лица работою... отнюдь не устраняет нравственной обязанности всякого члена судебной семьи уделять должное внимание и кандидатам на судебные должности»³⁵⁶.

В круг обязанностей кандидатов в период подготовки входило ознакомление с канцелярской деятельностью, подписание повесток, участие в судебных заседаниях в качестве секретаря, изучение материалов дел,

---

³⁵⁶ Ифланд П.А. Будущие судебные деятели. К вопросу о кандидатах на судебные должности // Журнал Министерства Юстиции. – Петроград, 1917. – № 7-8 (Сентябрь-октябрь). – С. 32-33.

заполнение печатных бланков, составление проектов процессуальных актов, изучение материалов судебной практики, подготовка научно-практических докладов. Но на личностное развитие, самообразование и повышение собственной квалификации времени и сил кандидатам зачастую уже не хватало. Неудовлетворительное положение кандидатов и несовершенство отдельных компонентов данного института давали повод использовать в их отношении такие нелицеприятные эпитеты как «парии и изгои судебного мира», «илоты судебного ведомства», «интеллигентный пролетариат»³⁵⁷.

В период прохождения подготовки кандидаты на должности по судебному ведомству несли весьма нелегкую службу, о соблюдении гигиены труда и его нормировании речи не шло. Объем нагрузки увеличивался за счет необходимости выполнения различных распоряжений, не входивших непосредственно в круг должностных обязанностей. Современники отмечали бессистемный и беспорядочный характер занятий кандидатов, отсутствие поступательного движения от простых операций к решению более сложных служебных задач.

Острая нехватка судебных следователей в провинциальных населенных пунктах нивелировалась командированием туда кандидатов с разрешения суда для производства процессуальной деятельности. Прокурорские обязанности также могли быть возложены на кандидатов. В необходимых случаях они выступали в качестве защитников по назначению и в качестве представителей по гражданским делам. Статья 416 УСУ предполагала судебное представительство лиц, «пользующихся правом бедности». Для ознакомления кандидатов с порядком составления и утверждения нотариальных актов, как отмечает И.М. Тютрюмов, они могли быть командированы на некоторое время для занятий в нотариальный архив³⁵⁸.

Осуществлять правосудие, исполнять судебские полномочия кандидаты не имели права. Хотя, в практике бывали случаи, когда кандидаты допускались к отправлению обязанностей судьи³⁵⁹, что, однако, в последующем порицалось и признавалось грубым нарушением закона.

Итоговой аттестации по окончании подготовки законодательно не было предусмотрено. Гарантиями карьерного продвижения кандидаты не обеспечивались, профессиональные перспективы их в большинстве случаев были весьма туманны, что разбивало мотивационное ядро в развитии молодых

---

³⁵⁷ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. Москва: Статут, 2016. – С. 84.

³⁵⁸ Тютрюмов И.М. Кандидаты на судебные должности // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – № 10. – С. 90.

³⁵⁹ См.: Вербловский Г.Л. Могут ли кандидаты на судебные должности нести судебские обязанности? // Журнал Гражданского и Уголовного Права. – СПб., 1880. – Книга 2 (Март-апрель). – С.91.

юристов. С сожалением приходится констатировать, что институту кандидатов на судебные должности не удалось стать тем «чистым и *единственным* источником, которому надлежало питать все судебное ведомство»³⁶⁰, коим его задумывали составители УСУ. Отсутствие конкурентных преимуществ при назначении на должности по судебному ведомству перед лицами, не прошедшими пребывания в статусе кандидата, по меткому выражению А.В. Верещагиной «выхолащивает институт кандидатуры, делает его бессмысленным»³⁶¹.

К изложенному следует добавить полное отсутствие какого-либо денежного довольствия вплоть до 1891 года, когда впервые кандидаты начали получать штатное вознаграждение (оклады и единовременные пособия), которое, однако, выплачивалось не всем. Нерешенность вопроса материального обеспечения младших кандидатов ставила их в бедственное положение. Кандидаты считались не состоящими на государственной службе, а лишь готовящимися к ней, при этом возможность дополнительного заработка посредством исполнения обязанностей защитника, прокурора или судебного следователя им не предоставлялась. Здесь открывалось перспективное направление продолжения реформ, но говорить об их последовательном завершении и наделении материальными гарантиями кандидатов не приходится. Кроме того, к концу XIX века очевидно требовала совершенствования регламентация процедуры прохождения подготовки и определения перечня лиц, правомочных и заинтересованных в осуществлении руководства кандидатами, нужна была унификация процедуры итогового аттестационного испытания кандидатов и выбора лиц, наделенных правом комиссионно принимать подобный экзамен.

Обладающий большим потенциалом по замыслу авторов судебной реформы институт кандидатов, правильного развития в правоприменительной практике, по всей видимости, так и не получил. Отечественные исследователи истории развития правосудия и эволюции судебной власти констатируют его фактический упадок и полную заброшенность уже к началу восьмидесятых годов XIX века. Н.В. Муравьев характеризовал его как «обделенный судьбою и забитый действительностью»³⁶². Отчасти это было обусловлено отсутствием методологии прогнозирования последствий принятия управленческих решений и не введением в действие ряда правовых норм и инструктивных правил, предполагаемых к изданию в их развитие.

---

³⁶⁰ Тютрюмов И.М. Кандидаты на судебные должности // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – № 10. – С. 55.

³⁶¹ Верещагина А.В. Дореволюционный институт кандидатов на судебные должности // Российское правосудие. – 2014. – № 6 (98). – С. 50.

³⁶² Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат по вопросу о кандидатах на должности по судебному ведомству (2 и 3 января 1895 года) // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1895. – № 10 (Октябрь). – С. 37.

После преобразований 1864 года институт кандидатов по судебному ведомству просуществовал до 1917 года, после чего был возрожден лишь в 1989 году, когда законодательно были провозглашены, в том числе и положения о профессиональной подготовке кандидатов на должности судей³⁶³.

Как показывает проведенное исследование, проблема подготовки квалифицированных кадров для судебной системы не утрачивает своей актуальности с течением времени. На современном этапе организационно-правовой механизм подготовки претендентов на должности федеральных и мировых судей может быть усовершенствован с учетом отечественного опыта функционирования института кандидатов на судебные должности и научно-обоснованных рекомендаций. Представляется, что успешно освоивший программу «преддолжностной» подготовки специалист в полной мере должен отвечать требованиям, предъявляемым к уровню профессиональной квалификации, соответствовать условиям допуска к судейской должности и обладать высочайшими морально-нравственными качествами. Только в этом случае правосудие, осуществляемое в строгом соответствии с законом, будет эффективным и отвечающим запросу общества на справедливость.

Список литературы:

1. Блинов И.А. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет // Журнал Министерства Юстиции. – Петроград. – 1915. – № 1 (Январь). – С. 252-285.
2. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. Москва: Статут, 2016. – 624 с.
3. Вербловский Г.Л. Могут ли кандидаты на судебные должности нести судейские обязанности? // Журнал гражданского и уголовного Права. – СПб., 1880. – Книга 2 (Март-апрель). – С.91-94.
4. Верещагина А.В. Дореволюционный институт кандидатов на судебные должности // Российское правосудие. – 2014. – № 6 (98). – С.41-50.
5. Верховный Суд Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: http://supcourt.ru/press_center/mass_media/27290/ (Дата обращения: 04.05.2023 г.).
6. Ильина Т.Н. Разработка и принятие законодательства о кандидатах на судебные должности и помощниках присяжных поверенных в ходе подготовки судебной реформы 1864 года // Новый ракурс. – 2015. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-prinyatie-zakonodatelstva-o>

---

³⁶³ Закон СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1989. – № 9. – Ст. 223.

kandidatah-na-sudebnye-dolzhnosti-i-pomoschnikah-prisyazhnyh-poverennyh-v-hode-podgotovki/viewer (Дата обращения: 04.05.2023 г.).

7. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. – М.: Норма, 2019. – Т. 4: Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864-1881 годы): монография / К.П. Краковский; отв. ред. В.М. Сырых. – 672 с.

8. Ифланд П.А. Будущие судебные деятели. К вопросу о кандидатах на судебные должности // Журнал Министерства Юстиции. – Петроград, 1917. – № 7-8 (Сентябрь-октябрь). – С. 1-45.

9. Совецание старших председателей и прокуроров судебных палат по вопросу о кандидатах на должности по судебному ведомству (2 и 3 января 1895 года) // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1895. – № 10 (Октябрь). – С. 37-48.

10. Тютрюмов И.М. Кандидаты на судебные должности // Журнал Министерства Юстиции. – СПб., 1896. – № 10 (Декабрь). – С. 55-110.

Ермолович Г.П.

Воспитание исторической памяти как часть образовательного процесса и политики России

Наше государство обладает не только большими запасами природных ресурсов, но и имеет не менее богатую многовековую историю и культуру. Наши предки создали самое сильное, самое мощное и самое большое в мире государство. Очень многое пережил наш народ и прошел через большие испытания. На всем историческом пути у нашей страны всегда встречались недруги, противники и откровенные враги, были они разных национальностей, говорили на разных языках, принадлежали к разным конфессиям, но имели одну общую цель – завоевать, раздробить, разрушить Россию. К сожалению, у нас было очень мало союзников, которые готовы были бы плечом к плечу сражаться вместе с нами за наши интересы.

Перед современным российским государством стоит невероятно сложная задача: передать подрастающему поколению ту историческую память, которой можно гордиться, восхищаться, сохранять и преумножать.

Что понимается под исторической памятью? Каждый это может интерпретировать по-своему, ибо в науке нет единственно верного термина. Думаю, что это значительная или составляющая часть социальной памяти, носителями которой являются граждане страны. Историческая память – это широкое многогранное, комплексное понятие. Историк, социолог, культуролог, психолог и даже юрист будут по-разному раскрывать эту дефиницию, и каждый из них

будет по-своему прав, ибо это междисциплинарный термин. Полагаю, что он включает в себя не только знание своих корней, прошлого своего края, истории своего государства, но и конкретные действия, которые будет совершать человек, обладающий такой памятью. Историческая память – это, прежде всего, знание, а человек – носитель ценностей, который этим знанием обладает. Так, практически любой гражданин, даже не петербуржец, знает, в связи с чем в городе установлен «Медный всадник», и если кто-то из молодежи забирается на него, чтобы пожарить шашлыки, то никакого соответствия между знанием и поведением у этого субъекта мы не обнаруживаем.

В историческую память укладываются не только такие действия, которые связаны с посещением мемориальных комплексов или с участием в массовых акциях, например, в шествии «Бессмертного полка», но и уважительное отношение к людям старшего поколения; бережное отношение к памятникам истории и культуры; подобающее поведение на улице и в общественном транспорте в соответствии с этическими нормами и правилами; патриотическое воспитание и передача подрастающему поколению сохранившихся обычаев и традиций и многое-многое из того, что связано с образованием и культурой, как с неразрывными составляющими процесса воспитания.

Так, сохранение исторической памяти нельзя рассматривать как специальный «заказ», как какой-то изолированный процесс, «навязанный» или «спущенный» сверху государством и находящийся в вакууме, то есть в отрыве от общества, в изоляции от происходящих процессов в экономике, в нашем правовом государстве, имея в виду продолжение судебной и правоохранительной реформы. Эта проблема остается по-прежнему острой и нерешенной в России. Достаточно одного, но очень показательного примера: в апреле 2023 г. целая группа представителей ФСБ России прибыла в Ростов-на-Дону и в рамках возбужденных уголовных дел провела обыски и аресты судей, прокуроров и местных полицейских. «Хорошую» память о себе они оставили у местного населения³⁶⁴.

В последнее время государство и мы очень сильно изменились. Мы стали более богатыми, но менее культурными; более образованными, но менее воспитанными; более мобильными, но менее стеснительными (нравственными); более раскованными, но менее патриотичными; у нас стало много магазинов, но обнаружился дефицит бесплатных секций и кружков для детей и подростков. Слова известной песни: «...раньше думай о Родине, а потом о

---

³⁶⁴ См.: В Ростовской области ФСБ провело обыски у 30 судей // – URL: <https://www.rline.tv/news/2023-04-07-v-rostovskoy-oblasti-fsb-provelo-obyski-u-30-sudey/> (Дата обращения: 29.04.2023 г.); Ростовских полицейских объединяют в сообщество // – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5927186> (Дата обращения: 29.04.2023 г.); – URL: https://vk.com/wall-70903901_108455 (Дата обращения: 30.04.2023 г.).

себе» мы поменяли местами... Общественное мы убираем назад, а личное выдвигаем вперед.

Бесполезно спрашивать среднестатистического школьника: «Сколько раз русские войска брали Берлин или Париж? Сколько раз Россия начинала войны?». Он не даст точного ответа и будет в плену расхожего тезиса о том, что «Россия не начинает войны. Она их заканчивает». Он же не владеет информацией, что эти события связаны с Турцией, против которой именно Россия начинала войну в 1828 г. и в 1877 г. Какая уж тут историческая память?!

В связи с чем, очень своевременно в Российской Федерации был принят Указ Президента РФ В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 9 ноября 2022 г.³⁶⁵. В какой-то мере он служит достижению поставленной цели. В этом документе впервые за всю историю новой России обращено внимание не на политику, экономику, сельское хозяйство, экологию или оборону страны (хотя все эти сферы крайне важны), а основной взгляд направлен на глубинные основы нашего государства, на духовный фундамент нашего общества, на те идеалы и традиционные или природные (естественные для человека) ценности, которые сейчас размываются, теряются, подрываются и расшатываются.

Кто занимается дестабилизацией духовности нашего общества? Вопрос риторический. Думается, прежде всего, те силы, которые с завистью поглядывали на нашу державу и не хотели видеть Россию сильным, процветающим, независимым и самостоятельным государством, а такие всегда встречались и, наверное, еще будут на историческом пути нашей страны. Это те, кто придумывал мифы о жестокости Ивана Грозного; кто сочинил, так называемое, «Завещание Петра Великого»³⁶⁶; кто организовал убийство императора Павла I; кто на Берлинском конгрессе отобрал у Российской империи результаты победы в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг.; те, кто оттягивал открытие «второго фронта» до тех пор, пока не уяснил, что СССР и сам справится с нацистской Германией и т. д.³⁶⁷.

В современных условиях проведения специальной военной операции особенно остро чувствуется противостояние России с коллективным Западом, который не гнушается использовать самые изощренные приемы, навязывая

---

³⁶⁵ Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

³⁶⁶ Меттан Г. Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио». – СПб, СПбГУП, 2016. – С. 11.

³⁶⁷ Меттан Г. Запад-Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 448 с.

нам свои деструктивные ценности: эгоизм, вседозволенность, распущенность, включая отрицание тех «скреп», что цементировали наше общество: созидательный труд, традиционная крепкая семья (союз мужчины и женщины), служение Родине и др.

Понятно, что не реагировать на эти процессы стало уже невозможно. Выход из создавшегося положения и определенный политический вектор движения нашего государства содержатся в Указе Президента РФ и связаны они с проведением государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, где, в частности, в п. «д» ст.19 говорится о «совершенствовании форм и методов воспитания и образования молодежи в соответствии» с объявленной государственной политикой». Полагаю, что делать это надо было давно, но, очевидно, у государства были другие первоочередные цели и задачи, поэтому сейчас мы можем, к сожалению, констатировать, что имеем уже целое поколение наших граждан, воспитывавшихся в 90-е годы, которые не имеют элементарных навыков в области образования, воспитания и культуры. Известно, что «Культура начинается с образования. После победы Пруссии в войне с Францией в 1870 г. Бисмарк спросили: «Кто выиграл войну?» и он ответил: «Прусский учитель», так как Германии удалось тогда создать лучшую в Европе систему образования»³⁶⁸. К сожалению, мы потеряли многое из того, чем могла бы гордиться наша «самая читающая в мире страна» в советские годы.

К чему привела реформа системы воспитания и образования, сделавшая ставку на Болонский процесс? Это ведь не только двухуровневая система получения высшего образования, но и практически параллельное введение платного образования. Какие мы получили результаты? С одной стороны, дали возможность российским вузам решать вопросы, требующие материального обеспечения, при отсутствии достаточного государственного финансирования за счет взимания денег за обучение со студентов. С другой стороны, стали понижать требования к знаниям обучающихся, т.к. ставить неудовлетворительные оценки «платным» студентам, это значит «рубить сук на котором сидишь». Нагрузка преподавателей зависит от количества «коммерческих» студентов. Такие вузы получили неофициальное право «штамповать» откровенный брак, но при этом сохранять рабочие места.

Возможно ли в этом случае государству рассчитывать на родителей, как на наиболее заинтересованных лиц в сфере обучения своих же детей? Конечно же нет, т.к. они сами не получили необходимых навыков в вопросах образования, воспитания и культуры.

---

³⁶⁸ Карен Шахназаров: Сохранить свои корни // АиФ. – URL: <https://aif.ru/opinion/943107> – 2013. – № 41. (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

Сегодня в государстве, наконец-то, озабочены теми результатами, к которым привел слом старой советской системы воспитания и образования в «лихие» 90-е годы прошлого века. К чему мы пришли? Прежде всего, к потере нравственных ориентиров в обществе. Стало все возможно, все доступно и все дозволено. Мерилом социального благополучия стал финансовый достаток. Жизненными ориентирами стали герои тех профессий, где можно мало работать, но много получать. Высшее образование перестало быть тем «социальным лифтом» и необходимым фундаментом для построения успешной карьеры. Главным стало наличие «нужных» связей, «нужных» людей, которые помогли бы устроиться в банковский, финансовый или сырьевой сектор экономики России. «Белые воротнички» стали править миром чистогана. Топ-менеджеры в компаниях топливно-энергетического сектора стали получать заоблачные зарплаты, несопоставимые со среднестатистическими доходами россиян. К нам это все проникало постепенно, по разным каналам и разными путями и все потому, что мы смотрели на Запад как на «предмет достойный подражания». Культура «потребительства» пришла к нам с Запада, а там, если имеешь деньги, значит, имеешь все. В России же нашими «деньгами» должны стать наши настоящие естественные ценности человека. Есть много стран в мире, которые не разделяют навязываемую США псевдокультуру (например, страны мусульманского мира). Хотелось бы, чтобы для них именно Россия стала тем «маяком», к которому их «корабли» с удовольствием держали бы свой курс.

Указ Президента РФ обращает внимание и вскрывает не только массу проблем в обществе, но и, безусловно, нацеливает на их решение. Понятно, что, только что издав документ, бесполезно ждать сиюминутного результата.

В России 2023 г. объявлен «Годом педагога и наставника»³⁶⁹. Хотелось бы, чтобы были предприняты конкретные шаги по кардинальному пересмотру всей государственной политики в сфере образования, воспитания и культуры, а сохранение исторической памяти через воспитание подрастающего поколения было бы неотъемлемой частью данного процесса. То, что эти вопросы назрели в нашем обществе и государстве автору данной статьи было давно понятно, в связи с чем ему неоднократно приходилось обращать на это внимание в научных статьях³⁷⁰. Однако научное мнение и политическое воля – это

---

³⁶⁹ Официальный сайт Министерства просвещения РФ. Указ Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника». // – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/26ba12611bfc19a49fd3afee9d45e0a0/> (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

³⁷⁰ Ермолович Г.П. Юридическое образование и международное право: подходы к преподаванию // Профессиональное образование юриста. Сборник научных трудов. – № 3. СПбЮА, 2004. – С. 31-42; его же: Проблемы современного гуманитарного образования и его истоки // Пути улучшения качества кадров сферы гостиничного и туристского бизнеса: материалы VIII Международной научно-практической конференции факультета туризма и

несопоставимые вещи, а тут нужно было проявить именно политическое решение, но при этом помнить, что этот инструмент обоюдоострый. Он может принести и благо, и горе.

Так, если не брать большой отрезок времени, а остановиться на нашем недавнем прошлом, в России мы уже были свидетелями проявления политической воли и можем оценить достигнутое. Например, в научных кругах несколько лет назад на фоне дискуссий о понятии «правовое государство» обсуждался вопрос о реформе в правоохранительных органах и в том числе ставился вопрос об их наименовании. И вот государственная воля реализовалась. Наконец-то услышали научное мнение и изменили «милицию» на «полицию» в 2011 г. Полагаю, не ради простого переименования это затевалось? Наверняка в этом был более глубокий смысл, а что получили «на выходе»? Хоть какая-то из прошлых проблем милиции решена? А ведь сохранение и воспитание исторической памяти у населения опирается на героические действия сотрудников НКВД в годы Великой Отечественной войны, чьими продолжателями являются наши современники в погонах. Видим ли мы в их действиях кардинальный пересмотр отношения к своим обязанностям, резко возросшее уважение и доверие со стороны граждан после переименования? Ведь мы победили фашистскую Германию, в том числе за счет их массового героизма, верности и преданности долгу. А насколько подвиги чекистов из прошлого найдут отклик в сердцах молодежи, если они в уме будут держать совсем другие примеры из отечественной действительности? Известно, что глубинное восприятие исторического прошлого и закрепление его в памяти происходит именно через призму настоящего.

Или взять другой пример проявления политического вейния, которое, к счастью, сейчас уже прекращено. Кто-то из чиновников в руководстве страны, наверное, обосновал необходимость слияния, поглощения и объединения

гостиничного хозяйства. СПбГИЭУ. – 2012. – С. 298-301; его же: Совершенствование системы образования как важный фактор развития государства // Актуальные проблемы современного государства и права. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции 16 марта 2012 г. СПбГУСЭ, 2012. – С. 36-40; его же: Международный уровень и учебный процесс. Есть ли ещё резервы? // Современные проблемы права и управления. 3-я Международная научная конференция. В 2-х частях. – Ч. 1. ИЗУ. Тула. 2013. – С. 67-72; его же: Образование и наука: некоторые проблемы и решения // Закон. Право. Государство. Lex. Jus. Civitas. СПГУАП, 2015. – № 4(8). – С.2 9-34; его же: Будем учить или имитировать учебный процесс? // Актуальные проблемы юридической науки и высшего образования в современных условиях. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции: в 2 томах. СПбЮА. – Т.1. – 2016. – С. 82-86; его же: // Правовая культура. Санкт-Петербург. Вандализм / Сборник: Право и государство: культурологическое измерение. СПбГУП, 2016. – С. 94-98; его же: К вопросу о совершенствовании образования в высшей школе // Дистанционное обучение в высшем профессиональном образовании: проблемы и перспективы развития: IX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. СПбГУП, 2016. – С. 16-17.

вузов. Что было главным? Устранения неэффективных вузов или сокращения ректорского фонда и экономия на зарплатах? Очевидно, какие-то результаты были достигнуты и действительно отказались от тех, кто не доказал свою полезность. Однако, в этом вопросе нужна была «ювелирная» работа, но что получилось в отдельных случаях? Действовали «как слон в посудной лавке». Выполняя политическую установку, «резали по живому». Однако, раз процесс завершился, значит поняли, что ошиблись. А кто просчитал сколько горя и реальных человеческих трагедий принесло это опрометчивое политическое решение? Сколько людей, ученых и педагогов, через инсульты и инфаркты ушли из жизни в том государстве, которое позиционирует себя как социальное государство и ставит заботу о человеке на первое место? Закрывались кафедры, распадались творческие коллективы, растворялась научная среда, научные школы, рушились планы и надежды преподавателей. О какой исторической памяти и ценности образования можно говорить, если вузы, более чем со 100-летней историей, со своими традициями, научными школами «шли под нож», и преподавателям невозможно было объяснить студентам, почему они должны учиться в другом вузе и у других профессоров?

Действительно, политическое решение дорогого стоит и с ним надо обращаться, как в известной поговорке: «Семь раз отмерь и один раз отрежь».

В Указе Президента РФ (п. 25) обращается внимание, что «правовыми инструментами реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является: а) совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях». Однако, если иметь в виду воспитание исторической памяти, то в правовом государстве ограничиться одним улучшением нормотворчества будет недостаточно. Думаю, что надо наполнять те принципы, на которые опирается правовое государство, реальным содержанием. Например: действительное, а не показное равенство всех перед законом; объективное, а не избирательное правосудие и т.д.

Тем не менее, в нашей стране медленно, но пошел поиск, надеюсь, теперь уже правильного, пути решения создавшихся проблем. Думается, что назрел тот момент, когда требуется закреплять на уровне Конституции РФ статью об официальной государственной идеологии, которая охватывала бы собой широкий круг тем, в том числе и вопросы, связанные с исторической памятью. Государство без официально провозглашенной и закрепленной идеологии, «как птица без крыльев». При разработке Конституции 1993 г. авторы, устранив идеологическую основу, которая была заложена в ст. 6 Конституции СССР, кажется, «с водой выбросили и ребенка», так как не предложили ничего взамен. Реальные события показали, к чему привело опрометчивое решение, которое принималось на фоне борьбы с КПСС.

В нашем обществе, как вариант, уже предлагалась тема патриотизма, и эта парадигма обоснованно поддерживается определенной частью активного населения. Той ее частью, которой не безразлична сегодняшняя ситуация, которая получила тот внутренний заряд, сохранившийся с советского периода, благодаря исторической памяти, закладывавшейся всей системой государства. Полагаю, что в стране есть понимание, что исключительно через нормативное государственное решение эта цель не будет достигнута. Под нее придется выстраивать целую систему мер, структур и организаций с государственной поддержкой по всей стране, а это потребует огромных финансовых затрат. Возможно, в условиях проведения специальной военной операции страна не готова к таким расходам, но и оставлять этот вопрос «на потом» также опасно хотя бы из чувства самосохранения. Выпуская из коммерческих вузов «дипломированных неучей», которые уже идут на производство, становится откровенно страшно за наше будущее, если учесть, что это происходит в массовом порядке и в масштабах всей страны. Очень странно, что эта тема не поднимается телевидением, не является предметом обсуждения в других средствах массовой информации, не проявляют к ней интерес и наши народные избранники в профильных комитетах Государственной Думы РФ. Разве никого не волнует грядущая перспектива?

Мы часто слышим о победителях международных школьных и студенческих олимпиад. Одаренные и талантливые дети, к сожалению, исключение из общего правила, современная же тенденция качества образования в стране с каждым годом ухудшается. Богатое государство может себе это позволить?

Имея все охватывавшую идеологию в СССР, кажется, появилось осознание того, что накопленный опыт нельзя терять, но и полностью копировать его также не стоит. Тем не менее, с устным народным творчеством дети должны знакомиться еще в дошкольном возрасте в дошкольных учреждениях. Сказки и былины учат сопереживанию и состраданию; доброте, жалости и милосердию. Так возникает понимание: что такое добро и зло; умение отличать хорошее от плохого. Надо наполнять душу ребенка подлинно человеческими качествами и «укоренять» историческую память именно с малых лет, а то потом будет уже слишком поздно. В помощь воспитателям должна быть предоставлена вся широкая программа методических материалов, наглядных пособий и возможно потребовалась бы даже определенная переподготовка для части сотрудников. Детские театры должны получать достаточное финансирование из бюджета и строить свой репертуар, исходя их задач популяризации именно отечественных произведений. Не случайно, наверное, в Эстонии запретили показывать известный мультфильм «Маша и медведь», увидев в нем скрытое влияние России на подсознание ребенка, что никак не укладывается в проводимую русофобскую политику Таллинна.

Известно, что характер закладывается в детском возрасте и здесь многое зависит от мастерства и профессионализма педагогов в школе. Министерству просвещения РФ требуется изыскивать и предлагать принципиально новые решения традиционных задач в учебных заведениях по причине того, что они более «пластичны» к государственному регулированию, чем семья. Например, относится ли вопрос: «О необходимости доплачивать ученикам за хорошие оценки, и кто это должен делать?» к числу первостепенных? Думаю, нет, но именно эта проблема является в наши дни предметом обсуждения в стенах Государственной Думы РФ³⁷¹. Ведь если реализовывать Указ Президента РФ и подходить к вопросу об исторической памяти в коллективе, то это надо делать, как минимум, на иной организационной основе, например, переходить от разобщения к объединению школьников, начиная прямо с младших классов. «Вырывать» их «из цепких рук» гаджетов. Требуется вовлекать детей в новую школьную организацию по всей стране на прежних идеалах добра, взаимопомощи, справедливости, товарищества, и через это прививать историческую память, но, естественно, при ином обобщенном образе.

Даже, казалось бы, отстраненная проблема – питание в школьных столовых – требует новых нестандартных решений. Так, на эксперимент пошла школа № 372 в Московском районе Санкт-Петербурга³⁷², которая решила изменить всем широко известную практику в данном вопросе. В ходе городского проекта «Школьная столовая глазами учеников» был определен лучший дизайн-проект. Согласно новому видению, было решено помещение обычной столовой преобразовать в удобную зону отдыха в стиле сказочного леса, где со стен будут смотреть былинные герои, где детям должно быть интересно, где будет звучать музыка и слышно пенье птиц. Предполагается, что дети будут это увлеченно слушать, возможно, общаться с друг с другом, делиться своим мнением и впечатлениями. Думается, неплохая альтернатива мобильному телефону. Претерпит изменение и школьное меню. Известно, что залог здоровья – это здоровое питание.

Прививать через воспитание историческую память никому не рано и никогда не поздно. Воссоздание детской организации в школе по типу советской пионерии – это тоже очередная проблема на пути привития школьникам исторической памяти и возложения на них определенной морально-

---

³⁷¹ Надо ли доплачивать ученикам за хорошие оценки? За и против // АиФ. – 2023. – № 16.
– URL: https://aif.ru/society/education/nado_li_doplachivat_uchenikam_za_horoshie_ocenki_za_i_protiv (Дата обращения: 26.04.2023 г.).

³⁷² Зачем в Петербурге тестируют экспериментальную столовую? // АиФ СПб. – 2023. – № 16.
– URL: https://spb.aif.ru/dontknows/zachem_v_peterburge_testiruyut_eksperimentalnuyu_stolovuyu (Дата обращения: 26.04.2023 г.).

этической нормы. Возможно, эта структура будет иметь название «Движение первых», возможно иное, но осознание необходимости наличия такой организации для школьников, явно присутствует у руководства страны, если об этом говорил Президент РФ В.В. Путин, выступая с видеообращением на первом съезде Российского движения детей и молодежи³⁷³. Ясно, что с одной стороны эта организация должна вобрать в себя все лучшее, апробированное, проверенное жизнью, а с другой стороны отсеять то, что практически не оправдало себя. Кто в состоянии решить этот глобальный вопрос для всей страны? Пока нет ответа, но начинать надо параллельно с комплексными изменениями в государстве, под которыми понимается преобразования во всех вышеуказанных сферах, ибо к сохранению и воспитанию исторической памяти надо подходить разносторонне и всеобъемлюще. При этом четко понимать, что этот процесс будет не быстрый, но если ничего не делать, боясь масштабных изменений и возможных ошибок, то и в результате ничего не получим, а потеряем очень многое и, возможно, безвозвратно.

В Указе Президента РФ в качестве одной из мировых тенденций отмечается «кризис экономической глобализации». Российская экономика выдержала давление стран Запада и даже по ряду направлений наметились тенденции к определенному росту, но в какой мере эти достижения помогут в обретении исторической памяти? Полагаю, что создавшиеся условия и достигнутые результаты наглядно показали, что Правительство РФ, получившее, в основном, как оказалось на практике, качественное образование в советских вузах, возможно, подсознательно опиралось на ценности и историческую память экономических успехов наших дедов и отцов, как в годы индустриализации, так и в годы послевоенного восстановления народного хозяйства. Однако, опираясь на богатую сырьевую базу в совокупности с промышленным потенциалом, достигнутые результаты – это только точка отсчета для взятия будущих рубежей. Ведь известно, что победа добывается не только армией, но и тылом, а это значит экономикой, промышленностью и гражданами.

В России требуется осуществить такие масштабные преобразования, чтобы нашим гражданам завидовало бы население других государств. Когда наш уровень жизни будет выше, чем на Западе, тогда и патриотизм станет неотъемлемой чертой и естественной характеристикой отношения россиян к государству, а историческая память станет нашим своеобразным «кодом».

---

³⁷³ «Создавайте свое». Путин пожелал участникам «Движение первых» никому не подражать // Официальный сайт Газета.RU. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/12/18/15962041.shtml> (Дата обращения: 26.04.2023 г.).

Список литературы:

1. Ермолович Г.П. Юридическое образование и международное право: подходы к преподаванию // Профессиональное образование юриста. Сборник научных трудов № 3. – СПбЮА. – 2004. – С.31-42.
2. Ермолович Г.П. Проблемы современного гуманитарного образования и его истоки // Пути улучшения качества кадров сферы гостиничного и туристского бизнеса: материалы VIII Международной научно-практической конференции факультета туризма и гостиничного хозяйства. – СПбГИЭУ. – 2012. – С. 298-301.
3. Совершенствование системы образования как важный фактор развития государства // Актуальные проблемы современного государства. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции 16 марта 2012 г. СПбГУСЭ. – С.36-40.
4. Ермолович Г.П. Международный уровень и учебный процесс. Есть ли еще резервы? // Современные проблемы права и управления. 3-я Международная научная конференция. В 2-х частях. Ч.1. ИЗУ. – Тула. – 2013. – С. 67-72.
5. Ермолович Г.П. Образование и наука: некоторые проблемы и решения // Закон. Право. Государство. Lex. Jus. Civitas. – СПГУАП. – 2015. – № 4(8). – С. 29-34.
6. Ермолович Г.П. Будем учить или имитировать учебный процесс? // Актуальные проблемы юридической науки и высшего образования в современных условиях. Сборник научных статей по материалам международной научной конференции: в 2 томах. Т.1. – СПбЮА. – 2016. – С. 82-86.
7. Ермолович Г.П. Правовая культура. Санкт-Петербург. Вандализм // Сборник: Право и государство: культурологическое измерение. – СПбГУП. – 2016. – С. 94-98.
8. Ермолович Г.П. К вопросу о совершенствовании образования в высшей школе // Дистанционное обучение в высшем профессиональном образовании: проблемы и перспективы развития: IX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – СПбГУП. – 2016. – С. 16-17.
9. Меттан Г. Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио». – СПб.: СПбГУП, 2016. – С. 11.
10. Меттан Г. Запад-Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 448 с.

Патриотическое воспитание как одно из ключевых направлений воспитательной деятельности

Воспитание подрастающего поколения не теряет свою актуальность во все времена. Особенно это важно в современных условиях, в которых изменение ценностных установок, функции семьи, акцент на индивидуализм оказывают серьезное влияние на искажение представлений молодых людей о своей роли и месте в государстве, что способствует формированию негативных черт, таких как социальная зависть, агрессивность, нетерпимость по отношению к противоположным взглядам, мнениям и другие.

Анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь, таких как Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022-2025 годы, Кодекс Республики Беларусь об образовании и иные позволяет увидеть, что государство стоит на позиции сохранения фундаментальных ценностей и акцентирует внимание на формировании таких качеств как гражданственность и патриотизм.

Меняется воспитательный идеал как ориентир для деятельности социальных институтов воспитания, но сохраняется обязанность педагога осуществлять воспитательную функцию в образовательном процессе. В настоящее время, в соответствии со ст. 18 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» целью воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося. Достижение цели воспитания предполагает решение ряда задач, одной из которых является формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания молодежи на основе государственной идеологии.

В рамках деятельности Совета кураторов на юридическом факультете Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в осуществлении постоянного воспитательного процесса разработан План идеологической и воспитательной работы, включающий в себя разные направления деятельности, на основе которого создаются Планы работы куратора на учебный год.

По мнению авторов, процесс формирования патриотического мировоззрения не должен быть навязанным, в противном случае у молодежи может возникнуть отрицание этого явления.

Для оценки отношения обучающихся к идеологическим процессам, проводимым в государстве, на факультете проводилось анонимное анкетирование, в котором в общей сложности приняло участие более пятидесяти человек. Следует отметить, что абсолютно все указали свои фамилии, несмотря на

возможность пропустить данный вопрос. Возрастная группа варьировалась от семнадцати до двадцати пяти лет. На вопрос о том, что такое патриотизм, отвечающие в целом указывали на любовь к Родине, однако были и такие, кто связывал патриотизм с желанием трудиться на благо страны, ее защищать, быть готовым совершать подвиги, а также желание развивать государство к лучшему, соотношение интересов самого себя с интересами государства. Подавляющая часть респондентов считает себя патриотами (около 90 процентов), оставшиеся на стадии формирования патриотических качеств.

Интересными являются ответы на вопрос о том, какие способы формирования патриотизма являются наиболее продуктивными. К предложенным вариантам (проведение Единых дней информирования, личный пример, участие в мероприятиях, посвященных государственным праздникам), отдельные отвечающие добавили необходимости информирования обо всех сторонах жизни страны в сравнении с другими государствами, а также анализ улучшений условий жизни людей в историческом развитии, что усилит желание сохранять и совершенствовать достигнутое.

Одним из способов сохранения государственности около 90 процентов опрошенных определили именно патриотизм. 85 процентов респондентов указали, что активное транслирование СМИ достижений в развитии государства способствуют формированию патриотизма. На вопрос о возрасте, в котором следует закладывать представления о патриотизме и гражданственности, мнения респондентов разделились. Так 65 процентов уверены, что это необходимо делать на протяжении всей жизни, 30 считают, что в возрасте до 20 лет, когда человек еще нравственно формируется, 5 процентов уверены, что информация наиболее востребованной будет в возрасте до 10 лет.

На вопрос о том, связаны ли идеи патриотизма с социальной ответственностью, когда каждый должен вносить посильный вклад в развитие общества и государства 75 процентов согласились с данным утверждением, 25 процентов указали, что ответ на этот вопрос вызывает у них затруднения.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что воспитание патриотизма и гражданственности должно осуществляться постоянно и разнопланово. Социальное становление студенческой молодежи, более полная реализация ее возможностей в интересах всего общества актуализирует вопросы организации современного воспитательного процесса. Знание истории своей страны, понимание современных тенденций в экономической, социально-политической, культурной жизни общества, осмысление социального значения окружающей действительности позволят молодым людям идентифицировать себя в качестве гражданина «государства» и включиться в продуктивную деятельность на его благо.

Роль образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» в сохранении исторической памяти о преступлениях нацистов и их пособников

Великая Отечественная война стала не только самым героическим, но и самым трагическим событием XX века в истории нашей страны и всего мира. Ее результаты стали основой, как для формирования послевоенного устройства мира, так и современного международного права. Страшные злодеяния нацистов, японских милитаристов, их союзников и пособников нашли свое справедливое возмездие в приговорах Нюрнбергского и Токийского трибунала. Нюрнбергский судебный процесс стал первым случаем в истории, когда виновники агрессии были наказаны в соответствии с четкими юридическими нормами, процедурами и процессуальными гарантиями. Этот процесс (как и последовавший за ним Токийский процесс по делу главных военных японских преступников) юридически поставил точку в правовой оценке итогов Второй мировой войны и послевоенного мироустройства³⁷⁴.

В условиях обострения глобального информационного противоборства в современном мире обращение к теме ответственности нацизма и его пособников за геноцид в отношении народов Советского Союза становится все более актуальным. Для нашей страны эта проблема имеет свое преломление: отстаивать высокий ценностный статус памяти о Великой Победе можно только на основе формирования в сознании молодежи целостного, основанного на исторической правде представления о том, за что и с кем воевали советские люди. Поэтому изучение различных аспектов истории Великой Отечественной войны, в том числе и преступлений нацистов и их пособников позволит сформировать у обучающихся образовательных организаций, в том числе и высшего образования, ценностно-мотивационную ориентацию, направленную на формирование устойчивых внутренних мотивов профессиональной деятельности, базирующихся на гражданской позиции, патриотизме, ответственном отношении к выполнению профессионального долга.

Поэтому важным направлением в деятельности, как государственных органов современной России, так и научно-исторической общественности является борьба за признание геноцида советского народа во время Второй мировой войны. Большая работа в этом направлении осуществляется в рамках федерального проекта «Без срока давности», в частности подготовлена и размещена для подписи петиция с целью признания геноцида советского народа, совершенного

---

³⁷⁴ Бастрыкин А.И. Победа во Второй мировой войне и попытки переписать ее историю. М.: б.и., 2020. – С. 13.

нацистами в 1941-1945 годах. В ходе работы правоохранительных органов России, в том числе и Следственного комитета Российской Федерации, были собраны доказательства, ставшие основанием для решения судов Санкт-Петербурга, Республики Крым, Краснодарского и Ставропольского краев, Белгородской, Брянской, Ленинградской, Новгородской, Орловской, Псковской и Ростовской областей, квалифицировавшие преступные деяния немецко-фашистских оккупантов их пособников и союзников как геноцид национальных, этнических и расовых групп, представлявших собой население СССР³⁷⁵.

Промежуточным результатом этой работы в настоящее время стало принятие 22 марта 2023 г. Государственной Думой ФС РФ заявление «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», согласно которому преступные деяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников в отношении мирного населения СССР признается геноцидом народов Советского Союза³⁷⁶. Конечным результатом данной деятельности, по мнению автора, должно стать принятие федерального закона о геноциде советского народа, по аналогии с Законом Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа»³⁷⁷.

Однако меморизация данного исторического явления останется лишь на бумаге без изучения преступлений нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР на современном этапе развития общества, в том числе и в образовательных организациях высшего образования. Недостаточное внимание к изучению данной темы в силу сильнейшего психоэмоционального воздействия на участников процесса обучения, а также политической корректности и других обстоятельств уже привели к тому, что память о трагических страницах истории Великой Отечественной войны в молодежной среде стала утрачивать остроту восприятия и переживания, поэтому изучение вопросов геноцида мирного населения на оккупированных территориях СССР и РСФСР чрезвычайно важно для формирования правильных ценностных установок современной российской молодежи³⁷⁸.

---

³⁷⁵ Следственный комитет России продолжает работу по установлению фактов геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны». // – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1775496/> (Дата обращения: 20.04.2023 г.).

³⁷⁶ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». // – URL: <http://duma.gov.ru/news/56676/> (Дата обращения: 20.04.2023 г.).

³⁷⁷ Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН». – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12200146> (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

³⁷⁸ Великая Отечественная война: без срока давности: учебные материалы образовательного модуля / Н.А. Ильина, Л.В. Алиева, Ю.В. Алексеев [и др.]. Псков: Псковский государственный университет, 2021. – С. 6.

В настоящее время, согласно данным гениального директора ВЦИОМ Валерия Федорова, которые он озвучил 19 апреля 2023 г., выступая на Втором всероссийском историческом школьном форуме «Сила – в правде!» ситуация с памятью населения России о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны не вызывает особой тревоги. Так о данных преступлениях слышали 90% россиян, практически столько же говорят о важности сохранения памяти об этих трагических событиях (89%). Однако обратим внимание на тревожные тенденции, которые свидетельствуют о том, что чем старше россияне, тем ближе им эта тема. Если среди 18-24-летних о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения знают 79%, то в группе старше 45 лет показатель достигает 94%. При этом 20% молодежи в возрасте 18-24 лет ничего не знает о геноциде советского народа и только 6% в старшей возрастной группе (лица старше 60 лет). Также молодежь чаще высказывает суждения (15%), о том, что нет необходимости в будущем сохранять память о преступлениях нацистов и их пособников, и только 5% респондентов в группе лиц старше 60 лет высказывает подобное мнение. Тревожным сигналом является тенденция, что среди тех, кто не слышал о геноциде советского народа, 33% считают, что не нужно сохранять память об этих событиях; среди тех, кто хорошо знает об этом, так считают только 5%³⁷⁹.

Несмотря на то, что основное внимание изучению истории преступлений нацизма должно уделяться в период получения детьми среднего общего образования в рамках изучения истории России и отчасти истории зарубежных стран, недостаток времени не позволяет всесторонне охватить данную проблему. Поэтому следует продолжить изучение преступлений нацистов и их пособников на новом уровне с точки зрения историко-правовой науки в ходе получения высшего юридического образования. Особенно это актуально для образовательных организаций Следственного комитета России, в чью подследственность входят «Преступления против мира и безопасности человечества».

В целях реализации данной задачи с 2021 года образовательные организации Следственного комитета России вместе с рядом других образовательных организаций высшего образования приступили к апробации образовательного модуля по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи на основании материалов проекта «Без срока давности», который был разработан Псковским госуниверситетом в 2020 г. во исполнение поручения Президента РФ и по заданию

---

³⁷⁹ Чтобы помнили! Аналитический обзор // – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili> (Дата обращения: 10.04.2023 г.).

Министерства высшего образования и науки РФ. Данный модуль представляет собой универсальный учебно-методический комплекс, который может быть интегрирован в образовательные программы разных направлений подготовки, использоваться в разных траекториях образования и форматах работы со студентами³⁸⁰.

Модуль состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен анализу историографии проблемы геноцида мирного населения на оккупированной территории СССР в целом и РСФСР в частности. Во втором разделе показана источниковая база о преступлениях против мирного населения в период нацистской оккупации. В третьем разделе изучаются идеологические и институциональные основы нацистских преступлений против человечности на оккупированных территориях, т.е. идеология и государственно-правовой механизм нацистской диктатуры. Четвертый раздел является центральным в программе, поскольку его содержание составляет изучение преступлений против различных категорий мирного населения на оккупированных территориях РСФСР и военнопленных. Механизм наказания для нацистов и их пособников, а также формирование современного понятия «Геноцид» в международном и отечественном праве рассматриваются в разделе «Геноцид как международное преступление». Таким образом, изучение материалов модуля позволяют изобличить преступные замыслы и действия нацистов и их пособников на оккупированной территории РСФСР³⁸¹.

В ходе практической реализации авторским коллективом Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (далее – Академии) в 2021 г. разработана дополнительная профессиональная программа – программа повышения квалификации «Организация гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в рамках образовательного модуля «Великая Отечественная война: без срока давности» а также подготовлено методическое обеспечение для реализации программы. В процессе обучения по данной программе большое внимание было уделено исследованию проблемы геноцида мирного населения на оккупированной территории РСФСР, документальным источникам о преступлениях против мирного населения в период нацистской оккупации, расследованию злодеяний оккупантов и наказанию нацистских преступников, расследованию СК России преступлений против мирного населения в период Великой

---

³⁸⁰ Кузнецов Д.В. Всероссийский проект «Без срока давности» / Д. В. Кузнецов // Восток-запад: история и современность: Ежегодник. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. – С. 22.

³⁸¹ Великая Отечественная война: без срока давности: учебные материалы образовательного модуля / Н.А. Ильина, Л.В. Алиева, Ю.В. Алексеев [и др.]. Псков: Псковский государственный университет, 2021. – С. 261.

Отечественной войны, в том числе на территории Северо-запада РСФСР и преступлений нацистов и их пособников в ходе блокады Ленинграда, а также организации патриотического обучения и воспитания в образовательных организациях СК России. Однако, хотя программа и была дополнена блоком, посвященным истории следственных органов и организации патриотического воспитания в образовательных организациях СК России, представляется, что в будущем возможно также дополнить ее методическим блоком для педагогических работников, особенно кадетских корпусов по методике преподавания модуля. По данной программе прошло обучение уже более 100 сотрудников СК России. Программа получила высокую оценку обучавшихся педагогов академии, филиалов, кураторов учебных групп, сотрудников факультетов (курсовых офицеров) и сотрудников подразделений по воспитательной работе и в ближайшем наборе, обучение которого пройдет в начале июня 2023 г., помимо сотрудников СК России предполагается обучение 2 сотрудников следственных органов Республики Беларусь и Азербайджана.

В рамках внедрения модуля в образовательный процесс по подготовке студентов в рамках специалитета в Академии, для обучающихся по программам специалитета 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности и 37.05.02 Психология служебной деятельности, материалы образовательного модуля были внедрены в качестве отдельной факультативной дисциплины «Великая Отечественная война: без срока давности». Были разработаны рабочие программы, которые должны способствовать формированию у обучающихся общепрофессиональной компетенции ОПК-1, в части формирования категории «Ценностно-мотивационная ориентация».

В ходе освоения обучающимися данной дисциплины в рамках как контактной, так и самостоятельной работы студентов возможно организовать различные варианты как практической деятельности обучающихся (решение задач, анализ документов) так и проектную работу студентов, что позволит развернуть не только гражданско-патриотическое, но и духовно-нравственное воспитание на конкретно-историческом (региональном) материале в рамках индивидуальной или групповой проектной деятельности. Формируясь в деятельности, мировоззрение в форме убеждений, идеалов, коренных принципов будет пополнять уже сформировавшийся духовный мир личности молодых людей, определяя их жизненные стратегии поведения, интересы, средства их достижения, соотнесенные с государственными интересами. В ходе изучения дисциплины обучающимися будет осознана значимость борьбы с фашизмом и неофашизмом в современном мире; показать историческое значение Нюрнбергского процесса, впервые в мире осудившего преступления против человечества.

В рамках использования потенциала музейной педагогики в образовательном процессе в ходе изучения темы «Преступления против мирного населения на оккупированных территориях РСФСР» в ходе выездных практических занятий на базе Музея обороны и блокады Ленинграда отрабатываются вопросы изучения блокады Ленинграда, как военного преступления, преступления против человечности и геноцида народов Советского Союза³⁸².

Кроме внедрения данного модуля в качестве отдельной дисциплины в рамках реализации основной профессиональной образовательной программы по любому направлению подготовки 40.00.00 Юриспруденция, но и в качестве части программы дисциплины «История России», которая вводится в качестве обязательной дисциплины по всем направлениям высшего образования. Также отдельные материалы модуля могут использоваться при преподавании дисциплины «История государства и права зарубежных стран» при изучении вопросов истории государства и права Германии в Новейшее время и дисциплины «История государства и права России» в ходе прохождения истории советского государства и права в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом изучение вопросов преступлений нацистов, их пособников и союзников позволит прикоснуться студентам к реальной истории войны, когда даже краткое описание гитлеровского оккупационного режима позволит обучающимся понять его преступную сущность и необходимость осуждения и наказания нацистов и их пособников по всей строгости закона, сделает своеобразную «прививку» от ксенофобии, пренебрежительного отношения к памяти о Великой Отечественной войне, ее ветеранам, даст гарантию от вовлечения молодежи нашей страны в деятельность расистских и националистических движений.

Итогом изучения модуля должно стать формирование личностных и профессиональных качеств будущих юристов, призванных организовывать совместную и индивидуальную учебную и воспитательную деятельность обучающихся, совершенствовать духовную культуру молодежи на основе базовых национальных ценностей, способствовать выработке гражданской и мировоззренческой позиции, уважения к историческому прошлому, способствовать воспитанию патриотизма, уважения к историческим достижениям и достойному историческому пути своего народа; способствовать пониманию неизбежности расплаты за преступления против человечества.

---

³⁸² Суд удовлетворил заявление прокуратуры об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова // – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=77580847 (Дата обращения: 20.04.2023 г.).

Список литературы:

1. Бастрыкин А.И. Победа во Второй мировой войне и попытки переписать ее историю. М.: б.и., 2020. – 28 с.
2. Великая Отечественная война: без срока давности: учебные материалы образовательного модуля / Н.А. Ильина, Л.В. Алиева, Ю.В. Алексеев [и др.]. Псков: Псковский государственный университет, 2021. – 612 с.
3. Кузнецов Д.В. Всероссийский проект «Без срока давности» / Д.В. Кузнецов // Восток-запад: история и современность: Ежегодник. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. – С. 9-28.

РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ

Ласынов Р.Р.

Общее и особенное в моделях правового обеспечения реализации официальной политики памяти в России и других странах, ранее входивших в состав Советского Союза

Мир вокруг нас меняется постоянно, и с ним неизменно меняются условия для самоидентификации государств. Изменению мира оказывает содействие постоянное его нестабильное состояние, порожденное различного рода причинами: изменением климата, увеличением численности населения планеты, борьбой за ресурсы и многими другими причинами. Только проживая определенный этап жизни, современные люди становятся свидетелями многих нерешенных проблем прошлого, и предстают перед фактом о невозможности решения вопросов прошлого, настоящего в самом ближайшем будущем.

Мир изменился после окончания Второй мировой войны. Но некоторые скептики считают, что та система, которая была заложена с окончанием Второй мировой войны, исчерпала себя, причинами чего, как они считают, является изменение мировоззрения народа, государств, их руководителей. На второй, возможно даже и на третий план отошли понимание, знание истории прошедших времен. Некоторые государства, в том числе принимавшие участие во Второй мировой войне, и вышедшие победителями в этой войне уже сами относятся пренебрежительно к ее результатам. Основным критерием является попытка нового однополярного мироустройства, выхода государств на мировой уровень по состоянию экономики, стабильности, состояния степени защиты государств от внешнего и внутреннего врага даже если и не собственными силами, тогда за счет других государств, способных на такой шаг. Но в этом случае таким государствам придется «подыгрывать», поддерживать их разными способами, если даже политика таких мощных государств идет в разрез с политикой своего государства.

Во второй половине XX в., на одном из заседаний Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе, было достигнуто соглашение о неизменности границ. Но, несмотря на это, в конце XX начале XXI вв. произошли многие изменения, касающиеся территорий стран. Следовательно, такие изменения никак не могут не отразиться и в самом народе этих стран. Но, при этом следует отметить, что наряду с развитием разделения территории стран на более мелкие, что несет за собой появление других государств, присутствует интеграционное развитие стран.

Ряд государств по-разному стали рассматривать результаты исторических событий, которые до недавнего времени являлись непоколебимыми, вплоть до их пересмотра в духе складывающейся международной обстановки. Оказалось, что, постановка вопроса пересмотра результатов не всегда протекает безболезненно для государств, поскольку в таких государствах также есть слои населения, потомки участников тех великих исторических событий, которые не пожелали предать забвению подвиги своих отцов и дедов. Такой подход к самоидентификации государств, происходящий на фоне глобализации и интеграции приводит к утрате самобытности культуры, исторических корней, что в свою очередь является одной из причин возникновения конфликтов, как международного масштаба, так и внутреннего, локального конфликта.

Известно, что конфликты любого масштаба могут привести к территориальному раздроблению и появлению новых государств. Характерным примером стала военная операция в Югославии в 1999 г., проведенная силами НАТО на фоне обоюдной неприязни сербов и албанцев. И результатом такого конфликта стало раздробление Югославии на несколько отдельных государств. С другой стороны, в начале 1990х годов в России также возникали внутренние конфликты, которые могли привести к раздроблению некоторой части страны. В первую очередь это касается Чечни, где руководители республики намеревались отделиться от России, создать свое государство, армию, и как следствие примкнуть к другому государству. В Татарстане также проходили известные события по отделению. Некоторыми руководителями Татарстана предлагалось создать свою денежную единицу, свою армию, доходило до того, что предлагались идеи представления не только интересов России республикой за рубежом, но и как суверенным, отдельным государством своих интересов в других странах. Но результатом этих конфликтов, на наш взгляд, стало то, что благодаря умелому руководству республиками и страной в целом, Россия только крепла и объединялась.

В официальной политике памяти государства воспроизводят переживание и оценку своей истории, многое в которой является образцом поведения и получает поддержку народа. Но есть и другие примеры поведения народа страны, которые вызывают только осуждение результатов истории страны.

В течение многих и многих лет Российское государство свое отношение к прошедшим событиям выражало в виде возведения исторических памятников, присвоения городам звания город-герой, других титулов и званий, проведением празднования побед. В начале XXI в. в Российской Федерации получило свое начало присвоение почетного звания «Город воинской славы»³⁸³.

---

³⁸³ Указ Президента Российской Федерации от 27.04.2007 г. № 558 «О присвоении г. Белгороду почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы»».

Однако, следует отметить, что события, касающиеся государственного уровня, были не только великими, победоносными и знаменательными. Речь идет о тех событиях, которые «доставались» государству в виде «переживаний», скорби. Вспомним трагедию на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г., гибель атомной подводной лодки «Курск» в августе 2000 г. Оценивая трагичность случившегося, в стране принимаются меры для сохранения в памяти народа тех событий, которые происходили в ее истории. Воздвигаются памятники, учреждаются памятные даты, с 9 мая 2012 года проводится общественная акция «Бессмертный полк». Очевидно, что такого рода мероприятия, проводимые в нашей стране, предназначены, в первую очередь, как напоминание народам всего мира об оценке ими результатов и недопустимости таких событий.

Одним из важных направлений государственной политики на современном этапе стало придание государственного значения официальной политике памяти. Подвергая анализу политику памяти с позиции государства, мы сталкиваемся со сложным и многогранным явлением.

В толковом словаре С.И. Ожегова термин «память» разъясняется как способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта³⁸⁴.

С философской точки зрения, термин «политика», с греческого, обозначает государственные или общественные дела, то есть сфера деятельности с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, где костяком, основой выступает проблематика: как завоевать, удержать и использовать государственную власть.

Самое существенное в политике – это устройство государственной власти³⁸⁵. Политика – есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержание деятельности государства³⁸⁶.

По мнению В.В. Титова, политический вопрос можно рассмотреть в виде «целенаправленной деятельности национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур, сотрудничающих с государством общественных организаций и масс-медиа по формированию (конструированию) и поддержанию определенных исторических представлений в обществе и на внешнеполитической арене»³⁸⁷. Однако, нельзя не согласиться с тем, что исследуемую политику памяти могут использовать и другие элементы, структурно не входящие в политическую систему государства.

---

³⁸⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1991. – С. 356.

⁴ Ленин В.И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Полное собрание сочинений / Под ред. И.А. Гладкова. – Т. 23. – М., 1973 – С. 239.

³⁸⁶ Там же. – Т. 33. – С. 340.

⁶ Титов В.В. Государственная политика памяти в Российской Федерации: векторы трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 10. – С. 20-25.

На наш взгляд, наиболее близко подошли к дефиниции термина официальная политика памяти А.А. Дорская и Д.А. Пашенцев. Они предлагают под «официальной политикой памяти» понимать деятельность государств, направленную на выделение определенных исторических событий и определение на нормативном правовом уровне позитивного или негативного отношения к ним. Для утверждения официальной политики памяти в государственном масштабе ими предлагается механизм издания «мемориальных законов»³⁸⁸.

В Российской Федерации официальная политика памяти нашла свое отражение в нескольких нормативных правовых актах, сегодня действующих на ее территории. К таким нормативным правовым актам можно отнести такие акты как Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России», Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Вместе с тем, регулирование правовом отношении официальной политики памяти ограничивается не только законами Российской Федерации. Свое официальное отражение политика памяти находит и в п. 6 ст. 21 Федерального Конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», где в компетенцию Правительства Российской Федерации в области науки, образования и культуры входит и обеспечение государственной поддержки и охраны культуры, сохранение как культурных ценностей, имеющих общенациональное (общероссийское) значение, так и культурного наследия народов Российской Федерации. Наряду с этим защиту объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) гарантирует «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», предусматривающий административную ответственность за нарушение требований об охране объектов культурного наследия, нарушения режима использования их земель, проведения на них работ без разрешения, уничтожение или повреждение объектов, незаконный оборот археологических предметов.

В 2020 г., в п. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации внесена поправка, предусматривающая обеспечение защиты памяти, где указано: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает

---

³⁸⁸ Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 6. – С. 5-15.

защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»³⁸⁹.

В уголовный кодекс Российской Федерации внесена поправка об установлении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Это произошло в 2014 году, и такое позднее решение о внесении дополнений в Кодекс поясняется отсутствием необходимости в указанных дополнениях, поскольку для советского, а в последующем и российского, народа результаты Второй мировой войны были священными, незыблемыми и непоколебимыми.

В период Второй мировой войны в той или иной степени каждая советская семья принимала участие и совершала великие подвиги на полях сражений, прифронтовой полосе, в далеком тылу, приближая, на грани человеческих возможностей, Победу ценой своей жизни в боях, своим трудом на полях страны, на заводах, фабриках. Именно поэтому в умах советского народа победа над нацизмом воспринималась как величайшая победа человечества над тем злом, которое стремилось к уничтожению целого народа, его самобытности, культуры и превращению этого народа в рабов.

Стремления переосмысливания результатов победы, относящихся к периоду с 1939 г. по 1945 г., явились одним из оснований внесения изменений, поправок и дополнений в законодательство России.

Так, в Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», были внесены поправки от 1 июля 2021 года, в которых были внесены изменения, запрещающие соотнесение целей, задач, функций Советского Союза и фашистской Германии.

В Республике Беларусь в уголовное законодательство также введены статьи, запрещающие реабилитацию нацизма. Эти изменения в нормативной правовой базе наших стран произошли позже, чем в других странах Европы, поскольку подвиг народа по защите своей страны в годы Великой Отечественной войны неизменно был священным. Государственная память и память народа в отношении этого исторического периода совпадали.

В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» от 14 мая 2021 г. № 103-З недопущение реабилитации нацизма основывается на принципах законности; сохранения исторической памяти и недопущения фальсификации истории, в том числе исторических фактов; признания, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций; приоритета обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь; сочетания гласных и негласных методов недопущения

---

³⁸⁹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

реабилитации нацизма; сотрудничества государства с организациями и гражданами; приоритета мер профилактики правонарушений, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих реабилитации нацизма; неотвратимости наказания за реабилитацию нацизма³⁹⁰.

Рассмотрим модели официальной политики памяти зарубежных стран, входивших в состав Советского Союза.

Массовые манипуляции осознанием народа в понимании исторической действительности, происходящие в странах, ранее входивших в состав Советского Союза, исследовала белорусский ученый О.А. Матусевич. Так, в 2007 г., рамочное решение Европарламента о запрещении отрицания Холокоста, предложенное Германией, не нашло своей поддержки. Латвией, Литвой и Украиной также были вынесены инициативы, также не нашедшие свою поддержку на предложение внести меры наказания за отрицание преступлений сталинизма. Из этого видна попытка демонстрации специфической памяти данных регионов, криминализации событий как фашизма, так и сталинизма³⁹¹.

Согласно исследованиям Г.В. Касьянова, украинский Закон «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» от 2000 г., который действовал без малого пятнадцать лет, в 2015 г. был заменен другим законом, изменившим формулировку «Победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», на «Победу над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945 гг.», и далее, исследуя закон Украины от 2006 г. «О Голодоморе 1932-1933 годов в Украине», «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии», «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики», он находит, что эти законы преподносятся как аналог европейских законов, в смысле их толкования. Но, одновременно автор делает выводы, что в толковании закона отсутствует разность мнений, приводящая к процветанию бюрократии, в результате чего теряется ценность и востребованность данного закона.

Исследуя мемориальные законы, в 2011 г. Н.Е. Копосов издал книгу, которая называется «Память строгого режима: история и политика в России». В своей книге он исследует вопросы «коллективной памяти», «официальную политику памяти», а также законы, относящиеся к прошедшим историческим событиям. А в 2018 г. он издал свою знаменитую работу

---

³⁹⁰ Мартыненко И.Э. Уголовное право. Уголовный процесс. Криминалистика / Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь-Гродно. – 2021. – С. 3.

³⁹¹ Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. – 2014. – № 5 (169). – С. 116-118.

«Законы памяти, войны памяти»³⁹². Чем же был вызван такой интерес читателей к данной работе? На наш взгляд, автор сумел передать глубокую мысль и остроту вопроса привлечения к рассмотрению проблематики достижения высших целей при издании законов в государствах восточной Европы. Автор исследовал две цели: цель покаяния за поступки и цель перекладывания своей вины на противника.

Анализируя работу Н.Е. Копосова, раскроем некоторые направления развития в мемориальном законодательстве стран восточной Европы. Во-первых, это покаяние, предусматривающее обязательность искупления своей вины; во-вторых, это жертвенность, вменяющая в обязанность третьей стороне оказывать всемерное содействие, другими словами – позиция иждивенчества; в-третьих, это убежденность в прославлении доблести, предполагающая неременность воспроизводства былых подвигов. Очевидно, выражая данные направления в своем законодательстве, государства, опираются на преобладающее мнение общества в понимании им исторических событий, о морали, этике, квалифицируя пути решения вопроса законодательства как единственно верным.

Одним из важнейших направлений официальной политики памяти стало требование признания преступлений, касающихся целого народа.

Примером такого преступления является геноцид армянского народа в годы Первой мировой войны, и как следствие, требование властей, армянского народа о признании геноцида армян.

Так, в 1915 г. происходила так называемая армянская резня, на территории, находящейся под контролем Османской империи, когда начались грабежи в армянских деревнях, депортация армянского населения, убийства, медицинские опыты, в ходе чего, по разным подсчетам погибло около полутора миллионов армян. Погромы также сопровождалось и уничтожением культурного наследия армянского народа.

Отметим, что такого рода действия, которые являлись прямым нарушением основополагающих прав человека, сопровождалось и правовыми актами. 30 мая 1915 г. меджлис Османской империи принял и утвердил «Закон о депортации»³⁹³.

Выступив в мае 1915 г. с совместной декларацией Российская империя, Великобритания и Франция предприняли попытки противодействия, охарактеризовав процесс геноцида против армянского народа как тягчайшее

---

³⁹² Kopysov N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 253.

³⁹³ Марукян А.Ц. Значение Совместной декларации держав Антанты от 24 мая 1915 г. в вопросе квалификации массового истребления армян и ее воздействие на власти Османской империи // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 3. – С. 73.

преступление против человечества и цивилизации и призвали к ответственности³⁹⁴.

22 апреля 1919 г., Турецкий военный трибунал предъявил обвинения руководителям турецкого правительства в геноциде армянского народа.

На современном этапе, в конфликте, происходящем в Нагорном Карабахе, Турция также выступает против республики Армения, заявляя, что Армения должна немедленно оставить оккупированные Азербайджанские территории.

Официальная политика памяти имеет различные направления в своем развитии. В первую очередь, это отношение к событиям, происходившим в истории государства, которое свидетельствует о прохождении колоссального пути, связанного с возникновением и прогрессом развития государственности. В ноябре 2013 года кыргызский народ широко отметил 1170-летний юбилей своего раннефеодального государства кыргызов³⁹⁵, основанного в 843 году. Празднование явилось мотивировкой связи времен современного кыргызского народа с историческим наследием основ независимости. Такой подход к истории определения самоидентичности является патриотической³⁹⁶, определяющий основания для понимания народом страны своей идентичности и суверенности по отношению к другим государствам³⁹⁷. Как признание самоидентичности и суверенитета Кыргызстана в мировой политике отмечается его территориальное расположение между Китайской народной республикой и Российской Федерацией.

Второе, основным этапом в мировой истории XX—начала XXI вв. были и остаются результаты Второй мировой войны. В связи с этим недопустимость воссоздания и популяризации взглядов, не соответствующих официальной политике и введение за это правовой ответственности, является одним из основных направлений деятельности государств.

Третье, это призыв стран к признанию совершенных преступлений. В частности, при проведении мероприятий, посвященных памяти геноцида армянского народа, была принята Всеармянская декларация 2015 г., призывающая к памяти о жертвах и осуждающая геноцид.

---

³⁹⁴ Совместная декларация стран Антанты 24 мая 1915 г. Права человека: Сборник международных договоров. Нью-Йорк, 1989. – С. 21.

³⁹⁵ Дятленко П.И. Особенности политики памяти по отношению к сталинским репрессиям и реабилитации их жертв в Кыргызстане в настоящее время: общественные и академические инициативы, отсутствие официальной политики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 32-35.

³⁹⁶ Holmes L. Comparative Conclusions: Legitimacy and Legitimation in Eurasian Post-Communist States // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / M. Brusis, J. Ahrens & M. S. Wessel. London: Palgrave Macmillan, 2016. – ISBN 978-1-349-56928-1. – P. 223-245.

³⁹⁷ Галицкая К.А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Дискурс-Пи. – 2021. – Т. 18, – № 1 (42). – С. 48-61.

Главной целью деятельности официальной политики памяти явилось требование от мирового сообщества исторической справедливости под лозунгом «Помню и требую»³⁹⁸.

Другой пример. В начале 2020 г., в ходе голосования, большинством голосов представителей эстонского парламента был принят проект резолюции, с осуждением освещения исторических фактов начала августа 1939 г. и требующей ответственности Советского Союза, как одного из виновников начала Второй мировой войны.

Четвертое, это институт поощрений и применения карательных мер. Здесь основным направлением выступает наградная политика государства, предоставляющая колоссальный стимулирующий интерес для народа-участника событий. В своем трактате «Теория наград» И. Бентам дает определение наградной политике как обоснованной, последовательной, системной деятельности по учреждению и использованию наград как эффективного средства управления и стимулирования к социально полезной деятельности. Основной функцией наградной политики остается сохранение государственной идеологии и закрепление знаменательного события в истории, или периода в истории. К примеру, в соответствии с Узбекским законом от 22 декабря 1995 г. № 176-1 (в редакции от 2018 г.) «О государственных наградах» орденом «Тамерлана» за особый вклад в укрепление сотрудничества между государствами, мира и дружбы могут быть награждены как граждане страны, так и иностранные граждане. Интересный факт, что орден посвящен завоевателю и великому правителю Средней Азии конца XIV-начала XV вв. Таким образом, в Узбекистане осуществляется политика государства по изучению собственных корней, осуществляется поиск значения государства в историческом его развитии, выдвигая при этом идею создания мощного государства.

Наградная политика республики Молдова также урегулирована законом от 30.07.1992 г. №1123-ХП «О государственных наградах Республики Молдова», последняя редакция которой произошла весной 2023 г.

Среди орденов республики Молдова, принятый внесением дополнений в Закон о государственных наградах республики Молдова законом республики от 26.12.2008 г. № 314-ХVI есть Орден «Богдану-Основателю», которым награждаются граждане республики за выдающиеся заслуги в развитии и укреплении государственности Республики Молдова. Также, учрежденная законом Республики Молдова от 30.07.1992 г. № 1123-ХП государственная награда Орден Стефана Великого, которая является высшей военной наградой.

---

³⁹⁸ Черкашина Т.Н. Отрицание геноцида армян Турцией: к истории возникновения проблемы / Омские научные чтения – 2018: материалы Второй Всерос. науч. конф. (Омск, 10-15 декабря). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. – ISBN 978-5-7779-2339-4. – С. 285-286.

Этим орденом награждаются за героический поступок и умелое руководство боевыми действиями.

Следующий вариант – воззвание к необходимому порядку поведения. Во многих странах мира существует тенденция возможности перехода к награждению гражданскими, а не военными наградами³⁹⁹.

Далее, нравственный аналог – это присвоение почетных званий. Примером является российский опыт премирования денежной суммой лауреата государственной премии. В своем исследовании В.М. Дуэль указывает, что награжденному медалью, орденом вручается только определенный знак⁴⁰⁰. При этом награждение медалью или орденом ценится больше по сравнению с денежной премией, поскольку названия орденов и медалей посвящены таким великим именам, как Святой апостол Андрей Первозванный, Святой Георгий, Александр Невский, Георгий Жуков, Федор Ушаков.

Таким образом, официальная политика памяти стала одним из основных направлений развития государственной политики. Историческое начало, переживание истории являются важнейшими составляющими, определяющими самоидентификацию государств, насчитывающих как тысячелетия в своем становлении и развитии, так и государств с небольшим периодом в своем развитии.

Процесс самоидентификации происходит в очень сложном режиме согласованности и различия мнений народа с официальной политикой государства, на фоне спекуляции, раскола общества, однобокого развития представления народу результатов исторических событий, связанных с памятью народа.

В интеграционном развитии государств возникает проблематика понимания общности истории государства и истории народа. Но в этом контексте возникает другой вопрос о недавних воинственных отношениях между народами этих государств, который придется решать руководителям этих государств.

Основными правовыми формами самоидентификации государств, являющимися одной из основ их суверенитета, является заявление официальных принципов оценки событий, происходивших в истории развития государства, урегулирование политики официальной памяти принятием «мемориальных» законов, устанавливающих декларацию позиции государства о

---

³⁹⁹ Кокурина О.Ю. Государственные награды в России: телеологические и аксиологические основания правового регулирования. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. – С. 15.

⁴⁰⁰ Дуэль В.М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 17.

прошедших событиях, принятие и совершенствование законов о наградах. Переживание истории – это база для анализа ошибок, способов их устранения для недопущения в дальнейшем просчетов, создания новых образцов исторического поведения в целях принятия оптимального образца развития государства.

Взаимодействие государства и общества в вопросах реализации официальной политики памяти должно осуществляться разработкой, принятием и совершенствованием законов, проведением исследовательских работ в этой сфере, поддержанием самоидентичности народов путем поиска, анализа исторических событий, суверенитета государства в целях недопущения новых переживаний исторических событий как знаменательных, так и трагических, как внутри государства, так и на международном уровне.

Список литературы:

1. Галицкая К.А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Дискурс-Пи. – 2021. – Т. 18. – № 1 (42). – С. 48-61.
2. Дорская А.А., Пашенцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 6. – С. 5-15. – DOI 10.12737/jflcl.2021.061.
3. Дорский А.Ю. Взаимодействие государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти: правовой аспект // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография. – СПб., 2020. – 694 с.
4. Дуэль В.М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 27 с.
5. Дятленко П.И. Особенности политики памяти по отношению к сталинским репрессиям и реабилитации их жертв в Кыргызстане в настоящее время: общественные и академические инициативы, отсутствие официальной политики // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 92.
6. Кокурина О.Ю. Государственные награды в России: телеологические и аксиологические основания правового регулирования. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. – 55 с.
7. Ленин В.И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. Полное собрание сочинений / Под ред. И.А. Гладкова. – Т. 23. – М., 1973. – 594 с.

8. Мартыненко И.Э. Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. – 2022. – № 1. – С. 191-202.
9. Марукян А.Ц. Значение Совместной декларации держав Антанты от 24 мая 1915 г. в вопросе квалификации массового истребления армян и ее воздействие на власти Османской империи // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 3. – С. 220.
10. Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. – 2014. – № 5 (169). – С. 116-118.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1991. – 678 с.
12. «Сжечь историческую память»: как страны Балтии борются с «российской трактовкой» Второй мировой войны // RT на русском: сайт. – URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/713809-pribaltika-perepisyvanie-istorii-estoniya-holokostgitler> (Дата обращения: 03.05.2023 г.).
13. Титов В.В. Государственная политика памяти в Российской Федерации: векторы трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 10. – С. 20-25.
14. Черкашина Т.Н. Отрицание геноцида армян Турцией: к истории возникновения проблемы / Омские научные чтения – 2018: материалы Второй Всерос. науч. конф. (Омск, 10-15 декабря). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2018. – ISBN 978-5-7779-2339-4. – С. 285-286.
15. Holmes L. Comparative Conclusions: Legitimacy and Legitimation in Eurasian Post-Communist States // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / M. Brusis, J. Ahrens & M. S. Wessel. London: Palgrave Macmillan, 2016. – ISBN 978-1-349-56928-1. – P. 223-245.
16. Kaposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 328 p.

Особенности сопряжения международно-правового и национально-правового регулирования свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций

В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации⁴⁰¹ общепризнанные принципы и нормы международного права могут быть имплементированы в национальную правовую систему, и в таком случае будут иметь приоритетное значение в вопросах правоприменения. Иными словами, в случае выявления противоречий между нормами законодательства и положениями действующего для России международного договора применяются правила, установленные последним.

В то же время, связывая указанный механизм с актуальными правовыми реалиями⁴⁰², учету по данному вопросу подлежит авторитетная точка зрения Конституционного Суда Российской Федерации, датированная 2015 годом, в которой подчеркивается важность недопущения процесса имплементации в отечественную правовую систему международных договоров с нарушением конституционных предписаний⁴⁰³.

Как представляется, актуальность настоящего исследования определяется и тем фактом, что с 16 марта 2022 года на национальном уровне прекращено действие международных договоров Совета Европы⁴⁰⁴. Фактически данное обстоятельство предопределяет невозможность использования отечественными правоприменителями положений ряда соглашений международно-правового статуса. Кроме того, блокируются к исполнению на территории России акты Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 года.

Таким образом, обозначая предметом нашего интереса правовое регулирование свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций, в настоящем исследовании была поставлена цель провести комплексный анализ и рассмотреть заявленный вопрос сквозь призму соотношения

---

⁴⁰¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. на 04.10.2022) // Российская газета. – 1993. – № 237.

⁴⁰² Капустин А.Я., Бельхаева С.Б. Конституция и международное право: новая модель взаимодействия // *Lex Russica*. – 2022. – Т. 74. – № 75. – С. 117-127. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.185.4.117-127.

⁴⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936 (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

⁴⁰⁴ Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. – 2023. – № 10. – Ст. 1566.

международного и национального уровней, также, не забывая о правоприменительном аспекте.

В первую очередь следует отметить, что международно-правовые акты содержат устойчивое упоминание триады «свобода совести, мысли и религии», тогда как в российском законодательстве можно встретить иные обороты – «свобода совести» и «свобода вероисповедания».

Так, Международный пакт о гражданских и политических правах⁴⁰⁵ в статье 18 говорит о «свободе религии»; в России же данное фундаментальное положение именуется «свободой вероисповедания», о чем задекларировано в статье 28 Конституции Российской Федерации. В свою очередь, вероисповедание толкуется большинством словарей как «религия» или «конфессия»⁴⁰⁶. Исходя из данного наблюдения, представляется, что словосочетание «свобода вероисповедания» в целях унификации понятийного аппарата потенциально может быть заменено на понятие «свобода религии», однако в таком случае оно потеряет свою самобытность, основанную на этимологии русского языка.

В то же время, необходимо отметить, что российский законодатель, следуя международно-правовому опыту, закрепляет принцип свободы совести в качестве базиса для организации и осуществления религиозными организациями своих духовно значимых функций. На наш взгляд, категория «свобода совести» представляется более широким понятием, по смыслу заключающим в себе «свободу вероисповедания». При этом тот факт, что национальное законодательство построено с использованием категории «свобода совести», как представляется, является отголоском атеистического прошлого Советского Союза, преемником которого является Россия.

В связи с изложенным, опираясь на международно-правовые стандарты, далее предлагается рассмотреть некоторые аспекты, касающиеся реализации свободы совести и деятельности религиозных организаций в России.

В источниках международного права (часть 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁴⁰⁷) содержится положение, в котором презюмируется, что государства-участники принимают на себя обязанность уважительно относиться к праву законного представителя ребенка осуществлять процесс его воспитания с опорой на собственные нравственные убеждения и религиозные воззрения. Указанное правило, в свою

---

⁴⁰⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531 (Дата обращения: 22.04.2023 г.).

⁴⁰⁶ Православная энциклопедия // Академик.ру.: словари и энциклопедии. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17060> (Дата обращения: 22.04.2023 г.).

⁴⁰⁷ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429 (Дата обращения: 22.04.2023 г.).

очередь, может быть истолковано как принцип невмешательства государства в лице его органов во внутрисемейную сферу до момента выявления ситуаций, которые ставят ребенка в неблагоприятное положение.

Интересно, что отечественный законодатель не последовал норме, установленной в указанном международно-правовом акте, а закрепил в статье 4 Закона о свободе совести и о религиозных объединениях⁴⁰⁸ принципиально обратную идею о том, что воспитательный и образовательный процессы должны быть построены с учетом права несовершеннолетнего лица на свободу совести и вероисповедания⁴⁰⁹.

В рассмотренных случаях прослеживается определенный диссонанс: норма международного права утверждает, что родитель обеспечивает воспитание ребенка, полагаясь на свои собственные религиозные убеждения, в то время как российское законодательство, опираясь на конституционные принципы, устанавливает, что ребенок должен быть воспитан с учетом его права на свободу вероисповедания. И хотя сравнение данных положений не может не натолкнуть на мысль о возрасте и форме выражения ребенком своего желания и/или нежелания исповедовать ту или иную религию (в контексте отечественной нормы), следует отметить, что на определенном этапе взросления выражение ребенком несогласия следовать религии, которой придерживаются родители, должно быть воспринято ими с уважением естественного права на свободу вероисповедания.

Схожее направление мысли прослеживается и в риторике Верховного Суда Российской Федерации, которым в одном из разъяснений было указано на существование проблемы, напрямую связанной с подавлением воли ребенка, выражающимся в вынужденном следовании за родителем и принятии участия в мероприятиях под эгидой религиозных организаций. Как следствие, результатом ухода родителей в деструктивное восприятие религии может стать лишение их родительских прав в связи с их злоупотреблением⁴¹⁰.

Обращает на себя внимание и следующее сравнение.

Верховный Суд Российской Федерации в одном из документов, результирующих правовые позиции, исходит из следующего толкования законодательных начал: действующие нормы права по общему правилу должны содействовать осуществлению прав участников религиозных объединений, поэтому проведение процедуры их регистрации призвано в первую очередь служить

---

⁴⁰⁸ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. – 2010. – № 39. – Ст. 4465.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. – 2017. – № 262.

указанной функции, превалирующей над всеми иными целями проведения регистрационных мероприятий, в том числе не должно перерасти в чрезмерный контроль за участниками религиозных объединений⁴¹¹.

Однако собственно законодатель занимает по указанному выше вопросу более категоричную позицию, а потому закрепляет в «профильном» нормативно-правовом акте (статья 9 Закона о свободе совести и о религиозных объединениях) установку, выражающую запрет для признанных в установленном законом порядке «нежелательных» иностранных граждан учреждать религиозные организации на территории России.

Как представляется, действующая норма национально-правового регулирования в некоторой степени противоречит международным принципам, однако с позиции отечественного законодателя является обоснованной, поскольку в данном случае целеполагание направлено на обеспечение национальной безопасности путем минимизации рисков возникновения ситуаций, когда авторитет личности главы религиозного объединения может стать инструментом убеждения его участников в пользу интересов иностранных государств.

Здесь также представляется релевантным осветить вопрос оказания финансовой помощи и поддержки религиозным организациям из-за рубежа.

Изучение ранее приведенных в качестве примера правовых позиций⁴¹², источником которых является Верховный Суд Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что природа материально-технических и организационных ресурсов, необходимых для осуществления деятельности религиозными организациями, не ограничена по территориальному принципу: наряду с внутренними ресурсами страны, как предполагается, могут быть использованы также иностранные и международные каналы.

Что касается позиции, легально закреплённой в источниках права, следует отметить, что отечественный законодатель укоренил в Законе о свободе совести и о религиозных объединениях (статья 25.1) необходимость предоставления религиозными организациями отчетов, содержащих сведения относительно активов интернационального происхождения. Как представляется, данное положение не вступает в противоречие с международно-правовыми нормами, поскольку направлено на обеспечение национальной безопасности

---

⁴¹¹ Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу мысли, совести и религии // Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://http://www.vsrp.ru/documents/international_practice/27658/ (Дата обращения: 22.04.2023 г.).

⁴¹² Там же.

через формирование осведомленности государства о международных связях религиозных организаций.

Таким образом, рассмотренные аспекты свидетельствуют о том, что Россия в целом продолжает следовать по пути имплементации международных норм в национальную правовую систему. Как видим, источники международного права, содержащие положения относительно свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций, встраиваются во внутринациональную нормативно-правовую иерархию и не вызывают противоречий, поскольку имеют своей высшей целью ограждение общества и государства от дестабилизации морально-нравственных устоев. Как правило, данные положения находят свое отражение в российском законодательстве в полной тождественности с международно-правовыми стандартами. В то же время, приведенные в качестве отдельных примеров различия на международно-правовом и национально-правовом уровнях считаем обоснованным поддержать, поскольку они отражают национальную самобытность и специфику отечественных социокультурных традиций, особенностей и реалий.

Список литературы:

1. Гарифуллин Р.Р., Аминов А.Р. Последствия выхода России из Совета Европы // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 36-41.
2. Капустин А.Я., Бельхаева С.Б. Конституция и международное право: новая модель взаимодействия // Lex Russica. – 2022. – Т. 74. – № 75. – С. 117-127. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.185.4.117-127.
3. Соколовский К.Г. Соотношение международного и национального законодательства в области свободы вероисповедания: вопросы взаимодействия // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 122-128. – DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-122-128.
4. Черкасов К.В., Иванова О.С., Чалых И.С. Государственная поддержка религиозных объединений в современном светском государстве: зарубежный опыт правового регулирования и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 462. – С. 256-268. – DOI: 10.17223/15617793/462/31.
5. Шахов М.В. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.

Европейский суд справедливости: основные этапы развития

История институтов ЕС началась с основания шестью государствами Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС). Это произошло с подписанием 18 апреля 1951 г. Договора об учреждении ЕОУС, известного также как Парижский договор, вступивший в силу 23 июля 1952 г.

При создании ЕОУС управлять двумя отраслями промышленности могли четыре основных органа, которые принято называть институтами: Высший руководящий орган, Совет министров, Совместная ассамблея и Суд правосудия.

Наряду с «политическими» институтами учредительными договорами сначала ЕОУС, а затем ЕЭС и Евратома был создан орган судебной власти Сообществ, призванный в рамках своей обязательной юрисдикции, в том числе по искам граждан, обеспечивать соблюдение права при толковании и применении учредительных договоров (пар. 1 ст. 19 ДЕС) – далее Суд.

Количество специализированных судов не ограничено, но на данный момент создан только один такой суд – Трибунал по вопросам гражданской службы ЕС, который компетентен разрешать споры между ЕС и его служащими. При подписании Ниццкого договора государства-члены приложили к нему Декларацию № 13, в которой они обратились к Комиссии с просьбой об инициации создания судебной палаты, которая была бы компетентна рассматривать споры между Сообществом и его служащими. Комиссия подготовила соответствующее предложение в ноябре 2003 г. для вынесения Советом решения по этому вопросу. 2 ноября 2004 г. Совет принял Решение 2004/752 об учреждении Трибунала по вопросам гражданской службы ЕС⁴¹³. 2 октября 2005 г. состоялось первое организационное заседание вновь созданного Трибунала, а 26 апреля 2006 г. им было вынесено первое решение⁴¹⁴.

Суд правосудия был наднациональным судебным учреждением, обеспечивающим выполнение функции соблюдения права при толковании и применении Договора о ЕОУС. Поступление дел в Суд правосудия было незначительным, и они касались в большинстве своем технических моментов применения Договора. В целом, Суд правосудия был смоделирован подобно французскому Conseil d'Etat, который является высшим французским судом, отвечающим за пересмотр решений правительства и надзор за соблюдением

---

⁴¹³ Council Decision 2004/752/EC, Euratom, establishing the European Union Civil Service Tribunal // Official Journal. – 2004. – Serie L. – № 333. – P. 7-11.

⁴¹⁴ Kraemer H. The European Union Civil Service Tribunal: a New Community Court Examined after Four Years of Operation // Common Market Law Review. – 2009. – Vol. 46. – P. 1882-1883.

правительством пределом своих полномочий⁴¹⁵. Первое дело, по которому Суд вынес решение, было инициировано по поводу отмены решения Высокого руководящего органа относительно правил ценовой политики. В течение многих лет в Суд поступали иски только против этого института.

Следующим этапом на пути европейской интеграции, и, соответственно, этапе развития Суда ЕС, было подписание 25 марта 1957 г. государствами-основателями ЕОУС двух Римских соглашений (вступили в силу 1 января 1958 г.), на заключение которых подтолкнула успешная интеграция в формате ЕОУС и желание ее распространить на более широкий круг секторов экономики. В результате подписания Римских соглашений были созданы Европейское экономическое Сообщество (далее – УЭСпв) и Европейское Сообщество по атомной энергии (далее – Евратом).

В целях предотвращения разветвления институтов трех сообществ была принята дополнительная Конвенция о некоторых общих институтах, подписанная и вступившая в силу вместе с Римскими договорами. Таким образом, в результате эволюции ЕОУС, ЕЭСпв и Евратома появились единые Ассамблеи и Суд.

Данная ситуация просуществовала до 1 июля 1967 г., пока не вступил в силу подписанный 8 апреля 1965 г. Договор об учреждении единой Комиссии и Совета Европейских сообществ, известный как «Договор о слиянии». Данная институциональная реформа была необходима в связи с существованием нерационально разветвленной системой институтов, функции которых часто совпадали. После этого три сообщества, по сути, стали единым целым, поскольку они имели единую систему институтов с той лишь разницей, что в зависимости от сферы решаемых вопросов применялись или положения Договора о ЕОУС, или Договора о ЕЭСпв, или Договора о Евратоме. То есть все три сообщества продолжали полноценно действовать каждое в рамках собственной компетенции, но под руководством общих институтов. После этого Суд правосудия стал называться Судом Европейских сообществ, поскольку обсуждал все три сообщества.

Европейский суд справедливости – это в основном апелляционный суд. Он размещается в Люксембурге. В составе суда должны быть представлены все страны, входящие в Европейский Союз.

В 1980х гг. в силу расширения членского состава сообществ возникла необходимость внесения изменений в три учредительные договора. 17 февраля 1986 г. был подписан Единый европейский акт, вступивший в силу 1 июля 1987 г. Согласно данному Акту был пересмотрен порядок принятия решений

---

⁴¹⁵ Mancini G.F., Keeling D.T. Language, culture and politics in the life of the European Court of Justice // Columbia Journal of European Law. – 1995. – Vol. 1. – P. 399-406.

институтами сообществ, расширена предметная компетенция ЕЭСпв за счет региональной, научно-технической и экологической политик.

Была усилена роль Европейского Парламента в нормотворческой процедуре и др. В контексте исследования эволюции судебной власти ЕС важной новацией Единого европейского акта стало создание Суда первой инстанции (СПИ), который начал свою работу в 1989 г. Часть юрисдикции Суда Европейских сообществ была передана ему, что, соответственно, уменьшило нагрузку на Суд Европейских сообществ.

Кардинальные изменения в формирование институциональной системы ЕС внесло подписание 7 февраля 1992 г. Договора о Европейском Союзе (далее – Договор о ЕС), который вступил в силу 1 ноября 1993 г. (Маастрихтский договор). Этот договор ввел новую организационную структуру наднационального сотрудничества государств-членов сообществ – Европейский Союз, который включил в себя, кроме предметной компетенции, которую принято в теории называть опорой – общую внешнюю политику и политику безопасности (Вторая опора, регламентируется Разделом V Договора о ЕС) и сотрудничество в области правосудия и внутренних дел (Третья опора, регламентируется Разделом VI Договора о ЕС). Следует отметить, что Договором о ЕС было изменено название Европейского экономического Сообщества на Европейское Сообщество.

Реформирование институциональной системы ЕС не прекратилось, поскольку при существующей системе было невозможно проводить дальнейшее расширение Союза. И поэтому 2 октября 1997 г. был подписан Амстердамский договор о внесении изменений в Договор о ЕС, договоры об учреждении Европейских сообществ и некоторые связанные с ними акты, вступивший в силу 1 мая 1999 г. Амстердамский договор не внес существенных изменений в институциональную систему, однако внес коррективы в компетенцию Союза и сообществ⁴¹⁶.

26 февраля 2001 г. был подписан так называемый Ниццкий договор о внесении изменений и дополнений в Договор о ЕС, договор об учреждении Европейских сообществ (Договор о ЕСпв) и некоторые связанные с ними акты, который ввел действительно революционную институциональную реформу, позволившую увеличить количественный состав членов Союза вдвое. Он вступил в силу 1 февраля 2003 г.

Для судебной системы ЕС Ниццкий договор явился важнейшим в том отношении, что предоставил возможность создания при СПИ специализированных судебных палат по отдельным видам исков или производств в

---

⁴¹⁶ Manin Ph. The Treaty of Amsterdam // Columbia Journal of European Law. – 1998. Vol. 4. – Is. 1. – P. 1.

особых областях (в литературе иногда этот орган называют Трибуналом первой инстанции)⁴¹⁷. В соответствии со ст. 225а Договора о ЕСпв в Ниццкой редакции такие палаты могли создаваться единогласным принятием решения Советом по предложению Комиссии и после консультаций с Европейским парламентом и Комиссией. Аналогичным образом такая возможность закреплена и Лиссабонским договором (ст. 257 Договора о функционировании ЕС) – Европейский парламент и Совет могут учреждать при Общем суде специализированные суды. Парламент и Совет принимают такие решения в форме регламентов по предложению Комиссии и после консультации с Судом ЕС или по предложению Суда ЕС после консультации с Комиссией.

Суд ЕС является своего рода «нормотворцем» Европейского Союза, а его решения представляют собой источник права для национальных правовых систем государств-членов Союза. Тем не менее, его деятельность часто подвергают критике по причине все возрастающего включения в правотворческий процесс при отсутствии соответствующих правовых оснований, закрепленных, в том числе, учредительными договорами ЕС. Утверждается, что Суд ЕС посредством судебной практики принимает непосредственное участие в конструировании первичного права ЕС, создании общих принципов права, расширении собственной компетенции. Подобную деятельность в негативном ключе часто именуют «судебным активизмом» (judicial activism).

Суд Европейского Союза, как и иные институты интеграционного правосудия, имеет собственную юридическую стратегию правотворческой деятельности, носящую экспансивный характер.

Суд ЕС формулирует содержание писаного права посредством его интерпретации, а также путем признания актов институтов, органов и учреждений ЕС недействительными.

Следует также отметить ведущую роль Суда ЕС в формировании функциональных принципов права Европейского Союза, а именно принципа прямого действия и принципа верховенства, которые не нашли свое отражение в Договорах и нормативных актах Союза, будучи закрепленными в прецедентном праве⁴¹⁸.

Профессор Т.С. Хартли указывает: «Если положение пригодно для применения судом, оно почти наверняка будет квалифицировано как имеющее прямое действие; только когда прямое действие создает серьезные практические проблемы, положение, по всей вероятности, будет квалифицировано как

---

⁴¹⁷ Супрун В.В. Суд Европейского союза и его структурные элементы // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 10 (94). – С. 103.

⁴¹⁸ Войников В.В. Правовые основы пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. Дисс. ... док. юр. наук. Москва, 2019. – С. 348.

не имеющее прямое действие»⁴¹⁹. Из того следует, что вопрос о прямом применении нормы права ЕС зависит целиком и полностью от позиции Суда Европейского Союза.

Правовая доктрина определяет верховенство как безусловный приоритет норм наднационального общеевропейского права над национальным, права Европейского союза над правом государств-членов ЕС, в случае возникновения коллизии. Принцип верховенства права ЕС имеет прямое отношение не только к нормативным актам Союза, но и к прецедентному праву. Л. Фрейя отмечает: «Тот факт, что Суд ЕС связан своими предыдущими решениями по преюдициальным запросам, основан не на соображении о создании судебным институтом посредством прецедента новой нормы права. Такая «связанность» обусловлена тем, что толкование нормы в итоге становится частью интерпретируемого нормативного акта, положения или принципа коммунитарного права». Правоположения, создаваемые Судом ЕС, носят такой же обязывающий характер, как и нормы писаного права, ведь правовые системы, существующие в рамках Европейского Союза, не могут в основе своей иметь в качестве единственно возможного и верного источника только нормативный акт: всегда будут существовать правовые пробелы, заполняемые прецедентным правом. При этом судебному институту не только предоставлено полномочие по толкованию учредительных договоров, но и дана возможность принимать непосредственное участие в развитии законодательства Европейского Союза, разработке его норм и принципов⁴²⁰.

Суд ЕС играет активную роль в правотворческом процессе. В отличие от других институтов Европейского Союза, обладающих правотворческими полномочиями и, как правило, издающих обязательные к исполнению нормативные акты, Суд посредством принятия решений как бы корректирует, дополняет имеющиеся нормы. Судебное толкование и «негативное нормотворчество» – основные инструменты судебного института, используя которые он создает право ЕС. Его полномочия в процессе развития и расширения стали затрагивать основные сферы общественной жизни, преимущественно социально-экономические (свобода передвижения товаров, лиц, услуг, капиталов, защита окружающей среды, энергетика, антимонопольное регулирование и т.д.).

Для анализа эволюции юрисдикции судебного института Союза в области энергетики, необходимо рассмотреть правовую природу решений Суда ЕС.

---

⁴¹⁹ Пономарева Д.В. Суд ЕС как правотворческий орган Европейского Союза // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 12 (103). – С. 43-46.

⁴²⁰ Грачева С.А. Конституционный путь к доктрине субсидиарности в международном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 1. – С. 56.

Исследуя природу решений такого органа международного правосудия как Суд ЕС, можно прийти к выводу, что по своему содержанию и влиянию на правовую систему они стоят в одном ряду с постановлениями конституционных судов национальных государств. Постановления (решения) конституционных судов окончательны, обжалованию не подлежат и не могут быть пересмотрены. Решения Суда ЕС формируют правовые позиции, которые являются обязательными для судов государств-членов. Любое принимаемое Судом ЕС решение является обязательным, что также аналогично постановлениям конституционных судов. Специфика именно решений Суда ЕС заключается в том, что значительная часть из них носит прецедентный характер, будучи «правотворческим инструментом» Европейского Союза⁴²¹.

Исторический аспект развития деятельности Суда ЕС важен и благотворно повлиял на развитие прав, предоставленных союзным гражданством. В процессе своего развития действия Суда ЕС позволили создать новую почву для лиц, обладающих союзным гражданством, расширяя доступ к социальным преимуществам, выходящим за рамки прав экономических мигрантов, для всех тех, кто осуществляет свои европейские права. Лиссабонский договор формально закрепил наличие единого судебного учреждения – Суда ЕС, состоящего, по сути, из процессуально самостоятельных отдельных судов. Очень важно, что Суд ЕС сосредоточил свое внимание на трех основных ценностях для того, чтобы гражданство не становилось ограничением: не дискриминации, праве на свободное передвижение и праве на семейную жизнь. Суд ЕС – это международный судебный орган, его юрисдикция распространяется на все государства – члены союза. Сегодня, в результате своей эволюции, для Суда ЕС главным является обеспечение соблюдения и исполнения норм Конвенции государствами-участниками. Кроме того, рассматривая дела, Суд ЕС может указывать на пробелы в законодательстве и проблемы правоприменительной практики, положительно влияя на правоохранительную политику и судопроизводство и, как следствие, провоцировать совершенствование правоприменительной системы. Статья отражает деятельность Европейского суда на всех этапах его развития, особенности деятельности судебной системы Европейского Союза на всех этапах ее становления, рассмотрены причины, ход реформ и их последствия. Выявлены проблемные аспекты при становлении и осуществлении деятельности Суда ЕС. Проанализированы основные тенденции развития судебной структуры ЕС.

---

⁴²¹ Армбюстер К. Правовые реформы в Германии: новые тенденции в развитии права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 4. – С. 88.

В заключение следует привести слова выдающегося российского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса, который отмечал, что обращение к подобному рода учреждениям является «разумнейшим способом миролюбивого разрешения международных столкновений».

Список литературы:

1. Армбюстер К. Правовые реформы в Германии: новые тенденции в развитии права // Вестник Московского государственного областного университета. Москва. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 4. – С. 86-99.
2. Войников В.В. Правовые основы пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. Дисс. ... док. юр. наук. Москва. 2019 г. – 400 с.
3. Грачева С.А. Конституционный путь к доктрине субсидиарности в международном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 1. – С. 52-73.
4. Капустин А.Я. Проблема универсальности международного права и международного сообщества // Национальное и универсальное в праве: от традиций к постмодернизму: сб. матер. VII Международного конгресса сравнительного правоведения (Москва, 1-2 декабря 2017 г.). Москва, 2018. – 324 с.
5. Пономарева Д.В. Суд ЕС как правотворческий орган Европейского Союза // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 12 (103). – С. 43-46.
6. Супрун В.В. Суд Европейского союза и его структурные элементы // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 10 (94). – С. 103-106.
7. Council Decision 2004/752/EC, Euratom, establishing the European Union Civil Service Tribunal // Official Journal. – 2004. – Serie L. – № 333. – P. 7-11.
8. Kraemer H. The European Union Civil Service Tribunal: a New Community Court Examined after Four Years of Operation // Common Market Law Review. – 2009. – Vol. 46. – P. 1873-1913.
9. Mancini G.F., Keeling D.T. Language, culture and politics in the life of the European Court of Justice // Columbia Journal of European Law. – 1995. – Vol. 1. – P. 399-406.
10. Manin Ph. The Treaty of Amsterdam // Columbia Journal of European Law. – 1998. – Vol. 4. – Is. 1. – P. 1.

Унификация и гармонизация охраны интеллектуальной собственности в европейском правовом пространстве

Знание становится текучим благодаря его переносу от материальных объектов к другим носителям; рабочие места и рынки заменены удаленной визуализацией; данные можно хранить в удобных магнитных и электронных пакетах. Признаки нового порядка – общества знаний – повсюду. Участие в этом новом мировом порядке является проблемой, как для отдельных людей, так и для стран, поскольку для этого требуются высокий уровень интеллекта и развитая технологическая инфраструктура. Переход от физического к виртуальному – вызов, как для международных, так и для личных отношений, и он, безусловно, вызовет значительные изменения в законодательстве.

Права лиц, занимающихся коммерческой деятельностью в странах Европейского союза, уязвимы. Очевидная цель интеллектуальной собственности – обеспечить защиту от конкурирующих предприятий, которые в противном случае продавали бы товары или предоставляли услуги в условиях прямой конкуренции. В международной торговле, однако, можно предотвратить перемещение «товаров интеллектуальной собственности» с одной территории на другую, можно установить барьер против экспорта или импорта. Так было и в Европейском сообществе, где в прошлом права интеллектуальной собственности играли важную роль в предотвращении свободного перемещения товаров из одной части территории Общего рынка в другую. Актуальность и основная причина гармонизации и унификации законов об интеллектуальной собственности в странах Европейского союза выражается в том, чтобы положить этому конец и свободно пользоваться, отчуждать интеллектуальную собственность как между странами-членами Европейского союза, так с зарубежными странами, не сталкиваясь с пробелами, коллизиями в праве.

Интеллектуальная собственность стран Европейского Союза имеет огромное влияние на рынок Европейского союза, как на увеличение качества товаров, так и на создание новых технологий и их развитие. Кроме того, интеллектуальная собственность является одной из самых востребованных сфер для привлечения капиталовложений⁴²².

Страны Европейского Союза являются участниками Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г.,⁴²³ Парижской

---

⁴²² Hellstadius A., Meier-Ewert W. Jurisdiction and Choice of Law in Intellectual Property Matters – Perspectives for the Future (EU and World-Wide) // International Review of Industrial Property and Copyright Law. – P. 313-335

⁴²³ «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005)

конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 г., Римской конвенции об охране артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций 1961 г.,⁴²⁴ являющимися универсальными стандартами по защите интеллектуальной собственности.

Однако между национальными законодательствами стран Европейского Союза имеется множество различий, негативно влияющих на правовую охрану интеллектуальной собственности, в частности, касательно мер по обеспечению защиты имущественных и личных прав авторов произведений. К спорным вопросам, касающимся применения мер относится: реализация временных мер, используемых для обеспечения сохранности доказательств, вопросы расчета причиненного ущерба, реализации процедур по прекращению покушений на права авторов. Расхождение в применении указанных мер приводит к деструктуризации коммунитарного законодательства о правовой охране интеллектуальной собственности в Европейском Союзе, а соответственно к повышению уровня пиратской продукции во всемирном масштабе, снижению размера инвестиций в сферу технологий.

Важным этапом в обеспечении гармонизации применения вышеуказанных мер выступила Директива 2004/48/ЕС от 29 апреля 2004 г. об обеспечении защиты прав на интеллектуальную собственность (Директива о мерах защиты интеллектуальной собственности)⁴²⁵. В директиве речь идет не только гармонизации правовых институтов, таких как авторское право и смежные права, патентное право, товарные знаки, но и о консолидации процессуального права стран Европейского Союза касательно реализации мер по защите интеллектуальной собственности в целом.

Меры, установленные Директивой о мерах защиты интеллектуальной собственности, применяются к нарушениям, описываемым как союзным, так и национальными законодательствами стран Европейского Союза. Стоит учесть, что положения данной директивы не исключают применение положений директив об обеспечении правовой охраны авторского права и смежных прав. Также положения директивы не касаются правовой охраны и обращении с персональными данными физических лиц, электронной цифровой подписи, электронной торговли, и уголовно-правовые санкции.

// СПС «Гарант» <https://base.garant.ru/4059989/?ysclid=liigls0dlj815178889> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

⁴²⁴ «Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций» [рус., англ.] (Заключена в г. Риме 26.10.1961) // СПС «Гарант» <https://base.garant.ru/2540353/?ysclid=liigv2ac7f958270786> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

⁴²⁵ Директива Европейского союза № 2004/48/ЕС от 29 апреля 2004. // СПС «Гарант» <https://base.garant.ru/70161762/?ysclid=liigyh0bvg33941286> (Дата обращения: 02.05.2023 г.).

Страны Европейского Союза обязуются указать в национальном законодательстве меры, требуемые для правовой охраны интеллектуальной собственности, а также установленные Директивой о мерах защиты интеллектуальной собственности. Данные меры должны соответствовать требованиям разумности, доступности, единообразия, своевременности, эффективности, пропорциональности. Кроме того, применение данных мер не должно создавать препятствия правомерной торговле, а также необходимо остерегаться злоупотребления правом в их применении.

Национальными законодательствами должен быть определен круг лиц, правомочных применять меры правовой охраны интеллектуальной собственности, указанных в Директиве о мерах защиты интеллектуальной собственности: правообладатели; лицензиаты, в рамках законодательства; организации, управляющими правами авторов на коллективной основе; и наконец, организации, занимающиеся правовой охраной интеллектуальной собственности.

Установлена презумпция применения мер правовой охраны объекта интеллектуальной собственности и отсутствия необходимости представления доказательства принадлежности права авторства на интеллектуальную собственность. По умолчанию, автором будет считаться тот, кто указан на производстве, пока не доказано иное.

Страны Европейского Союза обязаны обеспечить конфиденциальность информации, предоставляемой при истребовании стороной, чьи права были нарушены, доказательств, находящихся в другой стране. Должна обеспечиваться прозрачность и доступность представляемых другой страной доказательств. Может также быть истребована банковская, коммерческая документация.

Также должна быть установлена в национальном законодательстве обязанность судов до начала рассмотрения судебного дела по требованию заинтересованной стороны обеспечить быструю, надежную сохранность необходимых доказательств. Данная мера может выражаться во временном изъятии контрафакта; аресте товаров, средств создания товаров. Возражения противной стороны могут не приниматься во внимание, если существует риск ликвидации доказательств или причинения значительного ущерба.

В случае если со временем выяснится невиновность ответчика и отменятся обеспечительные меры, судом может быть взыскана компенсация причиненного при осуществлении меры правовой охраны объекта интеллектуальной собственности ущерба.

Еще одним важным положением Директивы о мерах защиты интеллектуальной собственности является право правообладателя на истребование информации о происхождении и расположении дистрибьюторской сети

нарушителя в судебном порядке. Информация может быть затребована от: владельца контрафактной продукции; пользователя контрафактной продукции в коммерческих целях; лиц, предоставляющих услуги по нарушению прав на интеллектуальную собственность; производителя, дистрибьютора контрафактной продукции.

Страны Европейского Союза обязаны предусмотреть в национальных законодательствах полномочия судов, и обеспечить по заявлению истца: вынесение судом постановлений, направленных на предупреждение новых нарушений, либо уплату штрафа за продолжаемые нарушения, либо предоставление обеспечения, гарантирующего уплату штрафа, блокировку банковских счетов; а также вынесение судом постановлений об аресте средств, с помощью которых происходило нарушение прав авторов.

Национальным законодательством должно быть предусмотрено, что по результату судебного разбирательства суд выносит решение о применении мер по отношению, как к контрафактным товарам, так и средствам создания таких товаров: временный отзыв товаров из торгового обращения; изъятие из торгового обращения; уничтожение.

Данные меры, как правило, проводятся за счет нарушителя. При применении данных мер учитываются размер совершенного нарушения, принимаемых мер, интересы заинтересованных лиц.

Директива о мерах защиты интеллектуальной собственности также имеет положения о гармонизации исчисления компенсации за совершенное нарушение и потраченных судебных издержек.

При определении размера компенсации суд учитывает: отрицательные последствия нарушения, имеющуюся упущенную выгоду, полученную нарушителем прибыль, моральный вред. Также предусматривается иной вариант – определение размера компенсации в твердой сумме, отталкиваясь от суммы прибыли, которую бы получил правообладатель, если бы имелся лицензионный договор между ним и нарушителем. Касательно размера судебных издержек, то он должен быть определен исходя из принципа справедливости и соразмерности.

Гармонизация и унификация Европейского права интеллектуальной собственности направлена на обеспечение уверенного, свободного использования, отчуждения интеллектуальной собственности участниками бизнеса, а также авторами как на региональном уровне между странами-членами Европейского союза, так и на международном уровне. Совершение таких сделок на всемирном уровне является требованием настоящего века информационных технологий.

Список литературы:

1. Hellstadius A., Meier-Ewert W. Jurisdiction and Choice of Law in Intellectual Property Matters – Perspectives for the Future (EU and World-Wide) // International Review of Industrial Property and Copyright Law. – P. 313-335.

Хелефов А.М.

Международно-правовые средства поддержания историко-культурного наследия государств и народов

В наше время сохранение культурного наследия становится все более актуальным в свете происходящих глобальных изменений. Новые мировые угрозы, нестабильное политическое положение, экономические и политические кризисы, противостояние мировых держав за глобальное мировое превосходство, все это требует профессионального и ответственного подхода к сохранению культурного наследия. Сразу хочется отметить, что данная тема не является новой, однако в свете последних геополитических изменений ее актуальность является достаточно острой. В связи с этим, необходимо профессионально и ответственно подойти к этому вопросу, чтобы сохранить наследие наших предков для будущих поколений.

В культурной политике любого государства важнейшую роль играет сохранение, изучение, возрождение, развитие, распространение и охрана историко-культурного наследия народа. Чтобы более точно определить это понятие, необходимо уточнить его содержание. В некоторых юридических документах можно найти толкование этого термина.

В Законе «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 11 августа 1978 года категория «историко-культурное наследие» описывается как памятники истории и культуры⁴²⁶. В данном законе дана точная и четкая формулировка понятия «памятники истории и культуры». Это понятие включает в себя широкий спектр объектов, которые являются не только историческими памятниками, но и произведениями искусства и науки, которые имеют высокую культурную ценность.

В 1954 году ЮНЕСКО провела международную конференцию в Гааге, которая собрала 56 государств, включая СССР и другие социалистические страны. Основной целью конференции было подписание Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Этот документ был создан в ответ на серьезный ущерб, нанесенный культурным

---

⁴²⁶ Закон РСФСР от 15.12.1978 (ред. от 25.06.2002) «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4663/ (Дата обращения: 02.05.23 г.).

ценностям в ходе Второй мировой войны, а также на фоне постоянного развития науки и техники, которые создают дополнительную угрозу разрушения памятников истории и культуры.

Конференция стала важным шагом в сохранении культурного наследия человечества и защите его от разрушения. Она подчеркнула необходимость сотрудничества государств в этой области и привлечения внимания общественности к проблемам сохранения культурных ценностей. Подписание Гаагской конвенции стало важным этапом в истории охраны культурного наследия и продемонстрировало готовность международного сообщества к сотрудничеству в этой области.

В 1954 году была принята Конвенция⁴²⁷, которая установила, что ущерб, причиненный культурным ценностям одного народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества. Это сделало сохранение и охрану памятников истории и культуры приоритетной задачей для государств-участников Гаагской конвенции.

Однако необходимо отметить, что памятники истории и культуры гибнут не только в результате войн и революционных переворотов, но и из-за невежества и недостатка средств на их сохранение и охрану. Поэтому, важно обратить внимание на необходимость профессионального подхода к охране и сохранению культурного наследия, чтобы предотвратить его потерю для будущих поколений.

Сделав промежуточный вывод, необходимо подчеркнуть, что Гаагская конвенция 1954 года стала значимым шагом в защите культурного наследия всей планеты. Охрана, сохранение, реставрация и распространение культурного наследия стали приоритетными задачами государств-участников данной конвенции, ведь они осознали, что культурное наследие каждой страны является важнейшим компонентом культурного наследия всего человечества. Тем не менее, термин «историко-культурное наследие» не был широко распространен до принятия «Конвенции о всемирном наследии 1972 года»⁴²⁸. Важно отметить, что это понятие стало ключевым в области охраны культурного наследия и является неотъемлемой частью международной законодательной базы в этой области.

Определив понятие «историко-культурное наследие», перейдем к вопросам связанным с международно-правовой охраной и средствами поддержания

---

⁴²⁷ Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // СПС «Гарант» – URL: <https://base.garant.ru/2540351/> (Дата обращения: 02.05.23 г.).

⁴²⁸ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Заключена в г. Париже 16.11.1972) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (Дата обращения: 02.05.23 г.).

историко-культурного наследия государства и народов. Все меры по защите культурных ценностей в международном праве четко определены, рассмотрим их более подробно.

Сегодня, в свете многих конфликтов и разрушений культурного наследия по всему миру, важность этой конвенции не может быть недооценена. Она является краеугольным камнем в обеспечении международной защиты культурного наследия и способствует сохранению многих уникальных исторических памятников для будущих поколений⁴²⁹. Международное право в области охраны культурного наследия продолжает развиваться, и мы должны продолжать стремиться к укреплению его норм и принципов для защиты нашей общей культурной наследной ценности.

Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия»⁴³⁰, принятая в 1972 году, является одним из основополагающих документов в области сохранения объектов культурного наследия. Этот документ напоминает нам о том, что мы должны бережно сохранять наследие, которое было передано нам от наших предков, и передавать его будущим поколениям. Мы должны защищать его от вредных воздействий, как традиционных, так и новых, и убедиться в том, что оно будет продолжать вдохновлять и обогащать нашу культуру и нашу идентичность⁴³¹.

В целом, эти международно-правовые акты являются важными инструментами для защиты культурного наследия от различных видов угроз и представляют собой важный шаг в развитии международного права в данной области.

Перечислим основные правовые международные акты, направленные на поддержания историко-культурного наследия государств:

- в 1968 г. международная организация ЮНЕСКО приняла рекомендации по сохранению культурных ценностей, которые находятся под угрозой исчезновения. Это может быть достигнуто через общественные или частные работы.
- в 1964 г. была принята Венецианская хартия по сохранению и реставрации памятников и достопримечательных мест, которая установила основополагающие принципы для сохранения памятников, основываясь на том,

---

⁴²⁹ Старицына А.А., Мартыненко Е.А., Вахрушева С.В., Птухина И.С. Анализ существующей политики в области сохранения и регенерации объектов культурного наследия. // StudArctic forum. – № 1 (5). – 2017. – С. 12.

⁴³⁰ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Заключена в г. Париже 16.11.1972) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (Дата обращения: 02.05.23).

⁴³¹ Мартыненко И.Э. Применение мер правовой защиты объектов национального историко-культурного наследия: опыт государств-участников СНГ // Наследие и современность. – 2018. – № 1. – С. 67.

что памятники являются произведениями искусства и являются всемирным историческим наследием

- в 1976 г. ЮНЕСКО приняла рекомендацию, определяющую исторические и традиционные места.

- в 1979 г. Международный совет по сохранению памятников истории и культуры (ИКОМОС) вручил премию Пьеро Гаццола, основателю Фонда ИКОМОС. Отметим, что данная премия присуждается регулярно, раз в три года

- в 1987 г. была объявлена Международная хартия защиты исторических городов, которая устанавливает принцип защиты архитектурного наследия городов от различных причин, среди которых указываются: деградации и уничтожения в результате процессов урбанизации, различные разрушения и т.д. Это важный шаг для сохранения культурного наследия и сохранения исторических городов для будущих поколений.

- в 2011 г. Международный совет по памятникам и историческим местам (ИКОМОС) принял документ под названием «Принципы Валлетты». В этом документе выражена необходимость сохранения городского культурно-исторического наследия процессов урбанизации.

Рассмотрев основные международно-правовые средства поддержания культурного наследия, необходимо отметить, что данные международные акты, являются основополагающими в деле сохранения культурного наследия народов и государств в мировом масштабе.

Список литературы:

1. Мартыненко И.Э. Применение мер правовой защиты объектов национального историко-культурного наследия: опыт государств-участников СНГ // Наследие и современность. – 2018. – № 1. – С. 63-88.

2. Старицына А.А., Мартыненко Е.А., Вахрушева С.В., Птухина И.С. Анализ существующей политики в области сохранения и регенерации объектов культурного наследия // StudArctic forum. – № 1 (5). – 2017. – С. 12-13.

Вдовиченко С.С.

Влияние исторического венгерского реваншизма эпохи регентства Миклоша Хорти и личности самого регента на современную политическую и государственную систему Венгрии

Регентство Миклоша Хорти (период 1920-1944 гг.) стало эпохой усиления реваншистских идей среди венгерского общества. Государство, включившее в свою внешнюю политику стремление к воссозданию Великой Венгрии

(границы Венгрии на момент распада Австро-Венгерской империи: сама Венгрия, Словакия, Трансильвания, Карпатская Русь, Банат, Хорватия, полоса земли вдоль австрийской границы⁴³²), шло на многочисленные акты сотрудничества с другими режимами, предлагавшими пересмотр «несправедливых международных договоренностей» (в первую очередь, с нацистской Германией и фашистской Италией). Венгерское общество, имевшее опыт коммунистической диктатуры и порядка, установленного оккупационной властью Антанты, стремилось к защите своей страны от иностранного влияния, возрождению былого величия мадьярской нации, что стало основой для установления авторитарного режима правления регента Хорти, выступившего гарантом стабильности государства, а также проводником будущего ориентира на реванш за поражения Венгрии 1918 (в составе Австро-Венгрии) и 1920 (Трианонского договора) годы.

Обстановка, сложившаяся в Венгерском королевстве, была во многих аспектах, сходной с условиями, в которых находилась Германия после подписания Версальского мирного договора. Трианонский договор стал для мадьяр национальным позором и общепризнанным поражением всего государства⁴³³. Венгрия утратила значительную часть своей исторической территории, которой она владела на протяжении многих веков, при этом Венгрия должна была в одностороннем порядке отказаться от любых территориальных претензий к странам, получившим эти земли по положениям договора (составители договора допустили претензии к Венгрии со стороны коалиции стран Антанты: Румынии, Чехословакии и Югославии). Венгерская армия была ограничена по своему численному составу незначительными силами, которые не могли отвечать реальным потребностям государства в выстраивании национальной обороны (предполагаемые 35000 человек армии объективно уступали всей потенциальной армии вторжения недружественных государств коалиции Антанты⁴³⁴). Достаточно унижительным пунктом для Венгрии стала принудительная оплата участия армии вторжения союзной коалиции в операции по

---

⁴³² Шимов Я. Австро-Венгерская империя. – Москва: Родина, 2019. – С. 235.

⁴³³ Стыкалин А. С. Трианонский мирный договор 1920 года и его последствия для Венгрии и Центральной Европы. К 100-летию роковой годовщины в венгерской истории // Вишеградская Европа. Центрально-европейский журнал. – 2020. – № 1. – С. 33. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trianonskiy-mirnyy-dogovor-1920-goda-i-ego-posledstviya-dlya-vengrii-i-tsentralnoy-evropy-k-100-letiyu-rokovoy-godovschiny-v/viewer> (Дата обращения: 06.04.2023 г.).

⁴³⁴ Строгальщикова П.Б. Влияние Трианонского мирного договора на формирование политики Венгерской Республики по защите соотечественников и диаспоры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 3. – С. 321. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trianonskogo-mirnogo-dogovora-na-formirovanie-politiki-vengerskoy-respubliki-po-zaschite-sootechestvennikov-i-diaspory/viewer> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

уничтожению советской республики, при этом именно армии коалиции закрепились на венгерских территориях, без официальных договоренностей провозглашаемых частью государств-захватчиков (что было проведено Румынией в Трансильвании, и официально признано лишь по Трианонскому договору)⁴³⁵.

Адмирал Хорти, возглавлявший самостоятельную армию добровольцев-антикоммунистов, воспринимался венгерским населением не в качестве ставленника Антанты. Миклош Хорти, герой Первой мировой войны (победитель ряда сражений на море), представитель старой имперской аристократии, монархист по убеждениям, сумел овладеть популярностью у венгров, разочарованных слабыми или утопическими правительствами, приведшими Венгрию к положению «павшей империи». От регента (Хорти провозгласил возрождение монархии, но не стал передавать трон какой-либо династии) требовалось решение ряда проблем: экономических (слаборазвитая венгерская промышленность лежала в руинах, а крестьянские хозяйства подверглись массовому уничтожению), социальных (незащищенность наиболее уязвимых слоев общества, нищета, безработица) и духовных (общая подавленность венгров – «национальный траур» по утраченному положению могучей нации). Миклош Хорти видел в качестве единственного пути преодоления этих трудностей консолидацию всего венгерского народа⁴³⁶. Сама эта консолидация подразумевала прекращение всякого рода конфликтов (классовых, культурных) между этническими венграми вплоть до восстановления былого могущества Венгрии, как во внутренней политике, так и во внешней. Венгерская нация должна была выступать единой движущей силой на пути достижения важнейшей объединяющей цели – реванша за поражения 1920 года.

Миклош Хорти установил в Венгрии авторитарный режим, имеющий своей опорой личность самого регента. Для недопущения народного недовольства политическая система применяла фиктивные демократические процедуры и популистские методы: правящая партия совместно с провластной оппозицией (политическими силами, которые лишь демонстрировали критику власти, но не принимали активных действий по борьбе с ней) имитировали ожесточенную парламентскую борьбу, премьер-министры, назначаемые исключительно по желанию регента, получали право на высказывание

---

⁴³⁵Трианонский мирный договор. 4 июня 1920 г. (Извлечение) // Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. – Москва, 1997. «Статья 181. Общая стоимость содержания всех Союзных и Объединившихся армий в оккупированных территориях Венгрии в том виде, как ее границы определены в настоящем Договоре, будет... лежать с момента подписания перемирия от 3 ноября 1918 года на Венгрии...».

⁴³⁶ Лезина Е.П., Максарева Н.В. Венгрия в период правления Миклоша Хорти // Огарев-Online. – 2014. – № 4. – С. 44 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vengriya-v-period-pravleniya-miklosa-horti/viewer> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

несогласия с Хорти (к примеру, крайне остро стоял вопрос о внешнеполитическом ориентире Венгрии, что сопровождалось борьбой проитальянских и пронемецких сил), сам Хорти поддерживал свое положение «народного политика», всячески отказываясь от дополнительных трат на свое содержание, стараясь как можно чаще проводить встречи с простыми венграми⁴³⁷. Регентский режим отличался стабильностью и устойчивостью, которые позволили Миклошу Хорти сохранить свою фактически неограниченную власть даже после серьезного испытания в виде мирового экономического кризиса.

Современная венгерская политическая система столкнулась с определенным влиянием регентского режима. После неудачного строительства моделей тоталитарного коммунизма (сталинизм Матьяша Ракоши) и либерального социализма («кадаризм» при Яноше Кадаре) венгерское общество вновь обратилось к консервативным направлениям, содержащим, в том числе, и идеи реваншизма (за поражения 1945 года) и построения Великой Венгрии. Различные структуры и представители Европейского Союза обвиняют Венгрию в отходе от принципов демократии⁴³⁸, премьер-министр Виктор Орбан не скрывает своей приверженности венгерскому ирредентизму (частые выступления на тему единения венгров, намеренное выставление карты «Великой Венгрии» для всеобщего обозрения), что позволяет некоторым политикам и журналистам проводить параллели между Хорти и Орбаном⁴³⁹. Политическая система Венгрии крайне близка к авторитарной (причем по модели регента Хорти): правящая коалиция политических партий (Венгерский гражданский союз – Христианско-демократическая народная партия) занимает подавляющее большинство мест в венгерском парламенте, премьер-министр без всяких трудностей проводит свою политику (Орбан впервые в венгерской истории сумел собрать через парламентские процедуры пять правительства подряд). Венгрия занимает крайне отличную от всей Европы позицию по большинству вопросов (сексуальные меньшинства, миграционный вопрос, вопрос современного политического ориентира Европейского Союза), оставаясь своеобразным центром (наравне с Польшей) «консервативной оппозиции» леволиберальной политики Европы.

---

⁴³⁷ «Освобожденная Европа. Венгрия. Сделка с дьяволом» (режиссер Дмитрий Биончик, 2015).

⁴³⁸ MEPs: Hungary can no longer be considered a full democracy (Депутаты Европарламента: Венгрию более нельзя считать полностью демократичной) // Официальный новостной портал Европарламента. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220909IPR40137/meps-hungary-can-no-longer-be-considered-a-full-democracy> (Дата обращения: 11.04.2023 г.).

⁴³⁹ Как Виктор Орбан играет на венгерскую аудиторию // Федеральное агентство новостей. – URL: https://riafan.ru/23763139-kak_viktor_orban_igraet_na_vengerskuyu_auditoriyu (Дата обращения: 11.04.2023 г.).

Венгерский ирредентизм (идея объединения венгерского народа в рамках одного национального государства) при Миклоше Хорти стал всеобъемлющим стремлением государственного механизма. Каждая сфера жизни общества в той или иной мере попала под влияние этого реваншизма. При этом следует отметить, что сама эта идея получила лишь частичное воплощение. Венгрия присоединила к себе Южную Словакию, Карпатскую Русь (обе территории при разделе Чехословакии), Северную Трансильванию (претензии были поддержаны Германией), часть Югославии (аннексия в ходе наступления на эту страну). Двойственная позиция Германии по вопросу пересмотра государственных территорий: уступки всех сторон, находила противников как в Венгрии (недостаточное расширение страны, а также относительная «неровность» границ), так и со стороны государств, вынужденно отдававших свои земли (в особенности это касалось Румынии, где на волне недовольства слабостью королевского режима прошел фашистский переворот). Современное венгерское государство склонно к перениманию некоторых положений «национального возрождения» регентского режима, в частности основой дипломатии Венгрии выступают претензии к «несправедливому отношению стран к этническим венграм» (большей частью Румынии и Украины)⁴⁴⁰, а также вопрос о расширении автономности венгерских общин.

Падение регентского режима было обусловлено присоединением Венгрии к войне против Советского Союза на стороне германского блока. Миклош Хорти не был сторонником проведения политики безропотного исполнения немецкой воли: мероприятия Холокоста не были развернуты в полной мере (в Венгрии были запрещены браки и контакты между венграми и евреями, ограничена квота труда среди евреев, при этом государство активно саботировало физическое уничтожение евреев и цыган). Венгерская армия воевала в ограниченном составе (не была проведена широкомасштабная мобилизация населения для нужд фронта). Сам регент по мере нарастания неуверенности в победе Германии искал связи по выходу из войны (по примеру Румынии – объявление войны Германии). Именно факт поиска путей переговоров с противниками нацистов послужил причиной оккупации Венгрии немецкими войсками, прошедшей в ходе операции «Маргарете». Постепенно Миклош Хорти был отстранен от власти, его абсолютную власть захватил немецкий ставленник Ференц Салаши, проводивший в полной мере волю Германии вплоть до окончательного поражения венгерской армии. Миклош Хорти содержался под арестом, пока не был освобожден силами американской армии. Бывшего регента не стали предавать военному суду. Установившейся в Венгрии

---

⁴⁴⁰ Венгрия потребовала от Украины прекратить зверства против этнических венгров в Закарпатье // Информационное агентство России «ТАСС». – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16841065> (Дата обращения: 12.04.2023 г.).

коммунистический режим активно раздувал критику регента (к примеру, восстание 1956 года именовалось «контрреволюцией и хортинским мятежом»).

Личность Миклоша Хорти, ставшего одной из наиболее противоречивых исторических фигур в венгерской истории, проходит на данный момент переоценку в венгерском обществе. Клеймо «союзника фашизма» или «откровенного фашиста» более не является широкоупотребимым в венгерском дискурсе (данные штампы, по общему признанию, относят исключительно к социалистической пропаганде). Оно было вытеснено полярной оценкой Хорти: патристическими (правыми, проправительственными) силами – в качестве «спасителя нации, настоящего лидера и героя венгров», скептическими (левыми, оппозиционными) силами, делающими особый упор на проблематику преследования евреев при регентстве, а также безуспешного (поскольку война была проиграна) ориентирования на единение венгров. Крайне остро стоит вопрос памяти Миклоша Хорти: в некоторых городах существуют улицы Миклоша Хорти (к примеру, Кунхедьеш), открытие памятников регенту сопровождается обострением политической ситуации (первый памятник Хорти, расположенный в Будапеште на площади Свободы, закрыт металлической перегородкой, недавнее заявление властей об открытии памятника в Сегеде встретило протест со стороны еврейских обществ и мэра этого города⁴⁴¹). Крайне проблематичен аспект отображения правления Хорти в образовательных материалах (преподавание этого временного отрезка школьникам и студентам).

Таким образом, в современной политической и государственной системе Венгрии прослеживается явное влияние регентского режима Миклоша Хорти. Во-первых, следует отметить явное доминирование консервативного направления в настоящем общественном дискурсе. Во-вторых, многие политические институты современного венгерского государства переняли идеи и традиции, заложенные авторитаризмом Хорти (доминирование одной партии при существовании показательной оппозиции, «народность» этих партий). В-третьих, дипломатические ориентиры современной Венгрии основаны на более мягкой модели венгерского ирредентизма, свойственного всему государственному аппарату времен правления Хорти.

---

⁴⁴¹ A zsidóhitközségek szövetségé fellázadt a Horthy Miklós-élműellen: „Szegednek nempéldaképe egyetlenn vérbefojtottés bukással végződött, hazug XX. századi diktatúrasem” (Ассоциация еврейских религиозных общин восстала против памятника Миклошу Хорти: «Нулевая модель Сегеда утонула в крови и закончилась неудачей, лжец 20-го века. Диктатура века») // еженедельная газета *Blikk* URL: <https://www.blikk.hu/politika/magyar-politika/horthy-miklos-dombormu-emlekmu-avatas-zsidohitkozosseg-szeged-botka-laszlo/mwdfkmm> (Дата обращения: 12.04.2023)

Список литературы:

1. «Освобожденная Европа. Венгрия. Сделка с дьяволом» (режиссер Дмитрий Биончик, 2015).
2. Венгрия потребовала от Украины прекратить зверства против этнических венгров в Закарпатье // Информационное агентство России «ТАСС», 19 января 2023 года. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16841065> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).
3. Как Виктор Орбан играет на венгерскую аудиторию // Федеральное агентство новостей, 22 ноября 2022 года. – URL: https://riafan.ru/23763139-kak_viktor_orban_igraet_na_vengerskuyu_auditoriyu (Дата обращения: 09.04.2023 г.).
4. Лезина Е.П., Максарева Н. В. Венгрия в период правления Миклоша Хорти // Огарев-Online. – 2014. – № 4. – С. 44. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vengriya-v-period-pravleniya-miklosa-horti/viewer> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).
5. Строгальщикова П.Б. Влияние Трианонского мирного договора на формирование политики Венгерской Республики по защите соотечественников и диаспоры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 3. – С. 321. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-trianonskogo-mirnogo-dogovora-na-formirovanie-politiki-vengerskoj-respubliki-po-zaschite-sootchestvennikov-i-diaspory/viewer> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).
6. Стыкалин А.С. Трианонский мирный договор 1920 года и его последствия для Венгрии и Центральной Европы. К 100-летию роковой годовщины в венгерской истории // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. – 2020. – № 1. – С. 33. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trianonskiy-mirnyy-dogovor-1920-goda-i-ego-posledstviya-dlya-vengrii-i-tsentralnoy-evropy-k-100-letiyu-rokovoy-godovschiny-v/viewer> (Дата обращения: 06.04.2023 г.).
7. Трианонский мирный договор. 4 июня 1920 г. (Извлечение) // Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. – Москва, 1997.
8. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. – Москва: Родина, 2019. – 496 с.
9. A zsidó hitközségek szövetsége fellázadt a Horthy Miklós-émlékmű ellen: „Szegednek nem példaképe egyetlen vérbe fojtott és bukással végződött, hazug XX. századi diktatúra sem” (Ассоциация еврейских религиозных общин восстала против памятника Миклошу Хорти: «Нулевая модель Сегеда утонула в крови и закончилась неудачей, лжец 20-го века. Диктатура века») // Ежедневная газета *Blikk*, 2 октября 2022 года. – URL:

<https://www.blikk.hu/politika/magyar-politika/horthy-miklos-dombormu-em-lekmu-avatas-zsido-hitkozosseg-szeged-botka-laszlo/mwdfkmk> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

10. MEPs: Hungary can no longer be considered a full democracy (Депутаты Европарламента: Венгрию более нельзя считать полностью демократичной) // Официальный новостной портал Европарламента, 15 сентября 2022 года. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220909IPR40137/meps-hungary-can-no-longer-be-considered-a-full-democracy> (Дата обращения: 09.04.2023 г.).

Жабинская К.К.

Опыт создания правовой модели обеспечения сохранения этнокультурного наследия коренных малочисленных народов

Россия является многонациональным государством, территорию которого населяют более 190 народов⁴⁴². Каждый из них имеет свою культуру и исторически сложившиеся традиции.

Согласно российскому законодательству о культуре, культурное наследие народов России составляют материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности страны и всех ее народов⁴⁴³. Сохранение и популяризация культурных ценностей является одним из главных направлений политики государства, и в последнее время стала заметна тенденция расширения и развития данного направления. Так, например, Указом Президента РФ 2022 год был объявлен годом культурного наследия народов России⁴⁴⁴. На протяжении этого года с целью сохранения российских традиций было проведено более 200 мероприятий⁴⁴⁵.

⁴⁴² Тишков В.А. Российский народ: пространство и культура. – СПб.: СПбГУП. – Избранные лекции университета. – 2018. – Выпуск 183. – С. 32 // – URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2584.pdf> (Дата обращения: 23.04.2023 г.).

⁴⁴³ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 14.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (Дата обращения: 23.04.23 г.).

⁴⁴⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115> (Дата обращения: 23.04.23 г.).

⁴⁴⁵ Год культурного наследия народов РФ отметят 200 мероприятиями по всей стране // Российская газета. – 27.04.2022. – URL: <https://rg.ru/2022/04/27/god-kulturnogo-naslediiia-narodov-rf-otmetiat-200-meropriiatiiami-po-vsej-strane.html> (Дата обращения: 23.04.23 г.).

За последние годы приоритетной областью в развитии политики, касающейся культурного достояния России, стало сохранение традиций коренных малочисленных народов⁴⁴⁶. К коренным малочисленным относятся такие народы, которые проживают на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, осознают себя самостоятельными этническими общностями. Численность представителей таких народов – менее пятидесяти тысяч человек⁴⁴⁷. По сведениям 2021 года в Единый перечень коренных малочисленных народов входят 47 этносов, проживающих в разных субъектах страны⁴⁴⁸. Об их культуре и традициях многим людям ничего не известно. Кроме того, численность представителей некоторых коренных малочисленных народов составляет менее тысячи человек: например, в России проживают всего 23 керекы⁴⁴⁹. Именно поэтому вопрос популяризации и охраны культуры коренных малочисленных народов является особо важным в настоящее время.

В процессе взаимодействия государства с различными институтами общественной жизни складываются определенные государственно-правовые модели. В общем смысле под словом «модель» понимается мысленный или условный образ, аналог какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их основные типические черты⁴⁵⁰. В теории государства и права моделирование относится к общенаучным методам юриспруденции⁴⁵¹. А.С. Безруков в своем труде определял правовую модель как форму отражения правовой действительности, которая выражает структуру об объекте, дает о нем информацию, а также описывает его⁴⁵².

---

⁴⁴⁶ Жабинская К.К. Нематериальное этнокультурное достояние России по законодательству // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 2. – Гатчина: ГИЭПФТ, 2023. – С. 39.

⁴⁴⁷ Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 3 мая 1999 г. – № 18. – Ст. 2208.

⁴⁴⁸ Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 (ред. от 18.12.2021) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26631/0b18494d31d83a8c049ac37acc932f3df0a7634d/ (Дата обращения: 23.04.23 г.).

⁴⁴⁹ Названы самые малочисленные народы России // Российская газета. – 26.02.23. – URL: <https://rg.ru/2023/02/26/nazvany-samy-malochislennye-narody-rossii.html> (Дата обращения: 23.04.23 г.).

⁴⁵⁰ Большой толковый социологический словарь // Gufo.me – словари и энциклопедии. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict/Модель (Дата обращения: 24.04.2023 г.).

⁴⁵¹ Исаков В.Б. Теория государства и права: учебное пособие. – М.: Норма Инфра-М, 2020. – С. 22. // – URL: <https://znaniyum.com/read?id=415650> (Дата обращения: 24.04.23 г.).

⁴⁵² Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – С. 8.

В процессе взаимодействия государства с институтами различных сфер общества, методы регулирования, используемые государственным аппаратом, складываются в определенные закономерности. Такие методы регулирования образуют модели государственного регулирования тех или иных институтов. В таком понимании модель является неким образцом, показывающим, какую политику государство применяет в тех или иных отношениях с обществом. Модели этого взаимодействия встречаются, например, в экономической сфере. В отношениях власти и бизнеса сложились такие политические модели, как модель «невмешательства», «партнерства», «принуждения»⁴⁵³. Приведенные в пример модели государственного регулирования можно выявить и в других направлениях – государство может занимать пассивную позицию в отношении тех или иных институтов, использовать аппарат принуждения в виде санкций, административных и иных наказаний и т.д.

В последнее время в государственной политике по сохранению культуры коренных малочисленных народов России произошли изменения, прежде всего на законодательном уровне. Важной новеллой в законодательстве стало закрепление такого вида культурного наследия, как нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации⁴⁵⁴. В октябре 2022 года был подписан закон, который заложил основы для обеспечения сохранения культуры и самобытности всех народов страны. Данный нормативный правовой акт закрепил такие понятия, как нематериальное этнокультурное достояние, этнические общности, носители нематериального этнокультурного достояния; определил категории объектов, которые можно отнести к такому виду культурного достояния народов, а также полномочия органов государственной власти в области реализации политики по сохранению нематериального этнокультурного достояния России. Вскоре после принятия данного Закона состоялось обсуждение концепции сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов России⁴⁵⁵. Проект концепции определяет конкретные направления,

---

⁴⁵³ Моисеев В.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Взаимодействие власти и бизнеса в России // Управление. – 2019. – № 1. – С. 77-85 // – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-vlasti-i-biznesa-v-rossii/viewer> (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

⁴⁵⁴ Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24 октября 2022 г. – № 43. – Ст. 7265.

⁴⁵⁵ «О проекте концепции сохранения и развития традиционной народной культуры и нематериального культурного наследия народов Российской Федерации» // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/142271/> (Дата обращения: 25.04.23 г.).

позволяющие реализовать Закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

Закрепление нематериального этнокультурного достояния на законодательном уровне показывает, что в государственной политике по сохранению истории и культуры народов России выделяются более узкие направления, требующие особого внимания. Традиционные обряды, устное творчество, особенности языков коренных малочисленных народов – все эти объекты нематериального достояния требуют особой защиты, имея более высокий риск исчезновения, поскольку порой не были закреплены в письменной форме.

В направлении государственной политики в области обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов видны элементы модели «партнерства». Описываемый Закон поощряет деятельность физических и юридических лиц по выявлению, изучению, популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния⁴⁵⁶. Так, например, государство взаимодействует не только с народом в целом, но и с различными общественными объединениями, которые создаются с целью сохранения культуры этнического многообразия страны. Принципы организации, деятельности, а также права общин и других форм самоорганизации представителей коренных малочисленных народов регулируются Законом «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»⁴⁵⁷. Одной из таких организаций является Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ассоциация осуществляет как законодательную деятельность, сотрудничая с Государственной Думой РФ, другими органами государственной власти и различными министерствами, а также проводит образовательные и иные мероприятия⁴⁵⁸. Еще одним примером «партнерских» отношений власти и объединений коренных малочисленных народов является Международный форум «Народы России», который был создан Федеральным агентством по делам национальностей России и проводится ежегодно с 2020 года.

Важная часть культуры и жизнедеятельности коренных малочисленных народов – их хозяйственная деятельность, которая отличается традиционными

---

⁴⁵⁶ Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24 октября 2022 г. – № 43. – Ст. 7265.

⁴⁵⁷ Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24 июля 2000 г. – № 30. – Ст. 3122.

⁴⁵⁸ Правовая деятельность // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. – URL: <https://raipon.info/association/deyatelnost/pravovaya-deyatelnost> (Дата обращения: 26.04.2023 г.).

особенностями. Так, к примеру, оленеводство распространено среди кочевых народов Севера – саамов, ненцев и других⁴⁵⁹. На законодательном уровне закреплён перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России⁴⁶⁰. Государство проводит политику поддержки экономики коренных малочисленных народов, стремясь к улучшению уровня их жизни и сохранения уникальной хозяйственной деятельности. Так, в 2021 году была принята программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в Арктике⁴⁶¹. В рамках данной программы были разработаны различные направления государственной политики по развитию образования, увеличению туристического потока в места проживания коренных малочисленных народов, выделению государственных субсидий и т.д.

Таким образом, говоря об опыте создания правовой модели обеспечения сохранения этнокультурного наследия коренных малочисленных народов, необходимо отметить, что государство определилось с вектором политики. Наблюдается повышенный интерес к данной проблеме, который порождает дифференцированный подход, осуществляемый с помощью законодательных новелл. Складывающаяся модель государственного регулирования с целью обеспечения сохранения культуры народов России можно охарактеризовать как модель «партнерства», государственной поддержки и взаимодействия.

Список литературы:

1. Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – С. 8.
2. Большой толковый социологический словарь // Gufo.me – словари и энциклопедии. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict/Модель (Дата обращения: 24.04.2023 г.).
3. Год культурного наследия народов РФ отметят 200 мероприятиями по всей стране Российская газета // – URL: 27.04.2022.

---

⁴⁵⁹ Жизнь, быт и занятия народов Севера // ДетиАрктики.РФ. – URL: <https://arctic-children.com/article/poka-vse-v-chume/> (Дата обращения: 26.04.23 г.).

⁴⁶⁰ Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18 мая 2009 г. – № 20. – Ст. 2493.

⁴⁶¹ Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. № 978-р «Об утверждении программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, осуществляемой в Арктической зоне РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 26 апреля 2021 г. – № 17. – Ст. 3007.

<https://rg.ru/2022/04/27/god-kulturnogo-nasledia-narodov-rf-otmetiat-200-meropriiatiami-po-vsej-strane.html> (Дата обращения: 23.04.23 г.).

4. Жабинская К.К. Нематериальное этнокультурное достояние России по законодательству // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 2. – Гатчина: ГИЭПФТ, 2023. – С. 39.

5. Жизнь, быт и занятия народов Севера // ДетиАрктики.РФ. – URL: <https://arctic-children.com/article/poka-vse-v-chume/> (Дата обращения: 26.04.23 г.).

6. Исаков В.Б. Теория государства и права: учебное пособие. – М.: Норма Инфра-М, 2020. – С. 22. // – URL: <https://znanium.com/read?id=415650> (Дата обращения: 24.04.23 г.).

7. Моисеев В.В., Ницевич В.Ф., Судоргин О.А. Взаимодействие власти и бизнеса в России // Управление. – 2019. – № 1. – С. 77-85 // – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-vlasti-i-biznesa-v-rossii/viewer> (Дата обращения: 25.04.2023 г.).

8. Названы самые малочисленные народы России // Российская газета. – 26.02.23. – URL: <https://rg.ru/2023/02/26/nazvany-samyemalochislennye-narody-rossii.html> (Дата обращения: 23.04.23 г.).

9. Правовая деятельность // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. – URL: <https://raipon.info/association/deyatelnost/pravovaya-deyatelnost> (Дата обращения: 26.04.2023 г.).

10. Тишков В.А. Российский народ: пространство и культура. – СПб.: СПбГУП. – Избранные лекции университета. – 2018. – Выпуск 183. – С. 32 // – URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2584.pdf> (Дата обращения: 23.04.2023 г.).

СПИСОК АВТОРОВ

АТЕМОВ АСЛАН ЭМИРХАНОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), студент 2 курса магистратуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

БАУКИН ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат социологических наук, доцент.

БЕЛОУСОВА АЛИНА ИГОРЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), студентка 2 курса бакалавриата факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

БЕРЕЗКИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

БОЛДЫРЕВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

ВАСИЛЬЕВА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА (Россия, Москва), заведующая сектором сравнительного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

ВДОВИЧЕНКО СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), студент 1 курса специалитета факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ДАШКО АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ (Россия, Москва), доцент кафедры гражданского права и процесса Московского Университета им. С.Ю. Витте, кандидат юридических наук, доцент, член Ассоциации историков права.

ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

ЕРМОЛОВИЧ ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры публичного права Института технологий предпринимательства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЖАБИНСКАЯ КСЕНИЯ КОНСТАНТИНОВНА (Россия, Санкт-Петербург), студентка 1 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ЗИПУННИКОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (Россия, Екатеринбург), заведующая кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

КАДЫРОВА ЛЕНАРА АЛИШЕРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), заместитель декана факультета непрерывного образования по подготовке специалистов для судебной системы Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

КАРАВАЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА (Республика Беларусь, Гомель), старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

КАРАСАЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КРАСНЯКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Россия, Новосибирск), заместитель директора Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, и.о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, доцент.

КРИЦКАЯ СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат филологических наук, доцент.

КУДРЯШОВА ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Хабаровск), преподаватель кафедры гражданского права Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия.

ЛАВРИЩЕВА ОЛЬГА МИРОСЛАВОВНА (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ЛАСЫНОВ РАДИК РОБЕРТОВИЧ (Россия, Мурманск), аспирант 1 курса юридического факультета Мурманского арктического государственного университета.

ЛИТИЧЕВСКИЙ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), секретарь судебного заседания отдела обеспечения судопроизводства по уголовным, административным делам Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга.

МАЗУРОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), студентка 2 курса магистратуры юридического факультета Российского государственного университета им. А.И. Герцена.

МУН ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА (Россия, Волгоград), доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

ПЕТРОВА НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), юрисконсульт, преподаватель кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ПОЦЕЛУЕВ ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ (Россия, Иваново), заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

САВЧЕНКО ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (Россия, Новосибирск), профессор кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

САМАРИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, русского и иностранных языков факультета подготовки следователей Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат исторических наук.

СВАРЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

СИДОРОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), специалист по редактированию научной литературы отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат филологических наук.

СКОРОБОГАТОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ (Россия, Казань), профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент.

СУББОТИН ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ТАЛИМОНЧИК ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук.

ТАРАСОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат психологических наук.

УСОВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА (Республика Беларусь, Гомель), старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

ТУРАЕВА ЭЛЬГА ВИКТОРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), студентка 1 курса магистратуры Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ХЕЛЕФОВ АДАМ МАГАМЕДМИРЗЕЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), студент 1 курса магистратуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

ШАТКОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Ростов-на-Дону), заведующая кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

ЩУКИНА АННА АЛЕКСЕЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), студентка 1 курса бакалавриата Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Научное издание

**ПЕРЕЖИВАНИЕ ИСТОРИИ КАК ФАКТОР
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВ И
НАРОДОВ В XXI ВЕКЕ:
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Сборник научных статей по результатам работы
Международной научно-практической конференции 5 мая 2023 г

Под редакцией А.А. Дорской, Н.Д. Петровой, А.В. Сидорова

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Подписано к использованию 30.11.2023 г.

Заказ № 158. Объем 13,5 усл.п.л.

Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61, пом. 23Н.

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo